Командир атакует первым

Василий Михайлович Шевчук

SHOUT
SHARE
IT

- Шевчук Василий Михайлович

Шевчук Василий Михайлович
Командир атакует первым

Шевчук Василий Михайлович
Командир атакует первым
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Великую Отечественную войну В. М. Шевчук начал комиссаром эскадрильи 247-ю истребительного авиационного полка. В мае 1942 года был тяжело ранен, но через год снова вернулся в родную часть. Он воевал под Курском, на Украине, в Молдавии, в Польше. В сражение за Берлин и в боях за Прагу В. М. Шевчук командовал 162-м гвардейским истребительным авиаполком. Он сбил лично 15 самолетов противника, стал Героем Советского Союза. В своих воспоминаниях Василий Михайлович Шевчук - ныне генерал-лейтенант авиации - рассказывает о мужестве и боевом мастерстве однополчан.

Содержание
Неравный бой
На переднем крае
Один из семи миллионов
Время такое - военное
И снова в бой
Под крылом - земля Украины
Государственная граница
В тылу
Сандомир
Между Вислой и Одером
Командир атакует первым
Берлин - Прага
Примечания

Неравный бой

С чего начался этот день? Вернее, не день, а раннее утро Первого мая 1942 года.

С радостного, знакомого, пожалуй, каждому из нас еще с детства ощущения праздника - нашего, пролетарского, весеннего праздника. И небо над головой, как всегда в этот день, было по-настоящему первомайским - голубое, ясное-ясное.

Только сегодня голубизна эта... холодная. И солнце, уже вставшее где-то там, за морем, лучами своими врезалось в небо, а голубизна все равно холодная. Понимаю - это только кажется.

Небо всегда в эту пору пронзительно солнечное. Но сегодня оно тревожное. Военное, огненное небо. И как зеркальную гладь лазурного моря ломает порывистый ветер, вздымая ее волнами, так радостное ощущение праздника нарушается невеселыми мыслями о войне, о трудных боях, о погибших товарищах. Беспокойство об отце, братьях и сестрах, оставшихся там, на родной, захваченной врагами украинской земле.

И окончательно мысли о праздничном дне рушит своей реальной силой приказ: "Лейтенант Шевчук с ведомым - к командиру!"

Тропинка на командный пункт затерялась в зелени трав. До чего ж густы и сочны они южной весной! Не травы, а какое-то неодолимое зеленое буйство...

Каким же будет сегодняшнее задание?..

Немцы уже несколько дней как притихли. Даже самолеты их в воздухе появлялись редко. Выдохлись? Отказались от наступления на Кавказ?

Может быть, первое. Хотя их войска и держат в тисках блокады Ленинград, захвачен родной, или, как я называл его по-нашему, ридный Киев, занят почти весь Крым, в осаде Севастополь - даром фашистам это не прошло. Еще зимой на главном направлении под Москвой наши не только остановили их, но и нанесли сокрушительный удар, так что фашисты больше не решаются наступать на столицу. Поняли - любой ценой отстоим мы сердце Родины.

А сейчас гитлеровцам нужен Крым, нужно побережье Черного моря. Нет, не курорты, конечно. Дорога на Кавказ, бакинская нефть - вот их главная цель.

Сейчас, по пути на командный пункт, я подумал о том, что, возвратившись с задания, нужно будет посоветоваться с комиссаром полка о плане политических информации для личного состава на первую неделю мая. А вечером после наступления темноты собрать с командиром эскадрильи механиков и мотористов. Поздравить с праздником, поговорить. Утром не получается. Ведь и сегодня, Первого мая, они начали работать затемно - готовят истребители к полетам, восстанавливают поврежденные в бою машины. И если в эскадрилье, несмотря на тяготы боев, четыре-пять самолетов воюют - поднимаются в воздух, то поднимаются они в буквальном смысле слова руками наших техников и механиков.

А ввод истребителей в строй сейчас очень важная задача. Новые самолеты в полк практически не поступают, много "безлошадных" летчиков. Ребята ходят хмурые, страшно завидуют тем, кто летает. Предложение составить очередь для боевых

вылетов на действующих машинах "хозяева" исправных истребителей встретили в штыки: "Нужно было самим фашистов бить, а не хвосты им подставлять". Шутили, конечно. Но для "безлошадных" это злая, обидная шутка. Не из-за трусости теряли они машины в бою. Из-за неумения да из-за неопытности.

Этих ребят необходимо поддержать. Как?.. Думай, комиссар, думай...

Так, цепляясь одна за другую, вытягиваясь в бесконечную цепочку, ежедневно встают передо мной большие и малые, но всегда важные комиссарские заботы. И ни одной инструкцией, ни одним документом невозможно определить круг обязанностей военного комиссара, даже такого небольшого подразделения, как авиационная эскадрилья. Об этом я нередко задумывался с той поры, когда в тридцать девятом году меня, совсем молодого летчика, назначили исполняющим обязанности военкома подразделения вместо уехавшего на Халхин-Гол старшего политрука Береговского. За прошедшие годы я повзрослел и набрался опыта. Но чем дальше, тем сложней, многообразней представлялась мне комиссарская работа. Особенно в это трудное время...

Мысли вошли в привычное русло повседневных дел, и я уже веселей глянул на еле поспевающего ведомого, Виктора Головко. Несоответствие моей худой и длинной фигуры его маленькой служило темой постоянных шуток. Виктор, на ходу рубя тонким прутиком высокие травины, что-то недовольно бурчал под нос.

"Вот еще одна забота, комиссар", - думал я, положив руку на плечо Виктора.

- Что загрустил? Посмотри вокруг - небо все-таки голубое, первомайское! - пытался расшевелить своего ведомого.

А он, даже не подняв головы, продолжал уходить в свое:

- Вот, понимаешь, праздник... А мне и поздравить некого...

Неплохой летчик Виктор Головко. С училища его знаю, однокашники. А настроение у парня все время неважное. Понять можно - перед самой войной женился, и осталась молодая жена в Каховке. Там сейчас фашисты...

О том, какая жизнь в оккупированных районах, мы уже знали. Не все, понятно. Позднее содрогнется сердце от боли Хатыни и Бабьего Яра, Маутхаузена и Бухенвальда. Тогда мы знали не все. Но многое. Знали о девушке Зое Космодемьянской, бесстрашной комсомолке, растерзанной извергами в подмосковном Петрищеве. О тысячах наших людей, замученных, погубленных оголтелым зверьем в эсэсовских мундирах.

В начале этого года наш полк разместился на аэродроме Багерово, под Керчью, сразу после освобождения полуострова

нашими войсками. В один из нелетных дней комиссар полка Василий Афанасьевич Меркушев собрал летчиков и, ничего не объясняя, предложил сесть в кузов потрепанной полуторки. Мы поеживались от ледяного встречного ветра, против которого казались бессильными кожаные регланы. Но настроение было приподнятым. Еще бы! Мы впервые ехали по освобожденной от врага советской земле, в борьбе за которую принимал участие и наш 247-й истребительный авиационный полк. Кто-то даже пытался запеть. Но вот машина, миновав сожженные дома поселка, выехала в степь и вскоре остановилась, Комиссар, как никогда серьезный, вышел из машины.

То, что мы увидели, описать нельзя. Это был широкий ров, заполненный трупами. Мертвые люди, среди которых под тонким слоем песка и нанесенным поземкой снегом можно было различить детей, женщин, стариков. Огромная могила безвестных мучеников.

Как выдержали нервы?! Не знаю, кто как пережил особенно страшные первые мгновения. Хотелось закрыть глаза и броситься отсюда прочь, как можно дальше... Но неведомая сила властно остановила: "Стой, Василий Шевчук. Стой и смотри. Смотри и запоминай. Вот что делают звери с твоим народом".

Нет, никто не упал в обморок. Никто не убежал. Стояли, сжав зубы и стиснув кулаки. Каждый думал: "Это могли быть твои родители, твоя жена, твои дети..."

Багеровский ров... Двадцать пять тысяч местных жителей расстреляли, похоронили заживо оккупанты на керченской земле меньше чем за три месяца.

Да, тогда мы знали еще не все. Но многое. Знали Николая Гастелло, Виктора Талалихина, десятки тысяч безыменных героев грозной битвы. А мы с Виктором Головко были далеко не героями. Мы были рядовыми рабочими войны и делали свою работу каждый день.

"И все-таки каким сегодня будет задание?" - снопа подумал я, спускаясь по крутой узенькой лестнице в подземный командный пункт. В том, что лететь нам придется и Первого мая, я не сомневался. И нужно это потому, что фашисты могут преподнести любой праздничный сюрприз.

Приказ короткий: произвести вылет на разведку наземных войск противника. Особое внимание обратить на передвижение крупных сил, сосредоточение танков, артиллерии.

- И вообще, посмотрите, как он там себя ведет, - заключил свой приказ командир полка подполковник Кутихин. - Вылет в семь ноль-ноль.

В назначенное время мы в воздухе. Промелькнули под

плоскостью капониры, в которых стояли истребители нашего полка и штурмовики соседей. Позади осталась Керчь, страшный багеровский ров - братская могила тысяч ни в чем не повинных людей. Их безмолвное "Отомсти!" провожает нас в каждый полет. Справа темнело свинцово-мрачное, словно в трауре, Азовское море.

Под нами - линия фронта. Впереди - выжженная взрывами и огнем, перепаханная окопами, траншеями, танками родная, захваченная врагом земля. Прямо под плоскостью горький памятник боев - сожженное село. Не привычные домики в весенней кипени цветущих садов, а голые, одиноко стоящие черные трубы печей. А сколько их еще впереди, в Крыму, на Смоленщине, на Украине, в Прибалтике, в Белоруссии...

Первый вылет прошел спокойно. Ничего примечательного мы не заметили. То ли немцы действительно выдохлись, то ли решили, что первомайский праздник нарушить не удастся - советские войска утроят бдительность.

- Прямо хоть парад в воздухе устраивай, - пошутил повеселевший после посадки Головко. - Так летать можно.

- Не только можно, но и нужно, - подхватил его слова встретивший нас на стоянке командир эскадрильи капитан Карнач. - Самолеты заправить, быстренько перекусить - и пойдем группой. Прикрываем наземные войска от внезапного нападения авиации.

Это хорошо, когда мы прикрываем войска. Невыносимо тяжело летчикам ощущать свою беспомощность: так было в трудные дни прошлогоднего ноябрьского отступления с полуострова и во время десантной наступательной операции, когда даже малочисленные силы авиации 51-й армии не использовались в полную силу.

...В прозрачном круге вращающегося винта "яка" снова празднично, весело играют солнечные блики. Справа, рядышком, - Головко, Виктор улыбается. И я опять подумал: "Редко, очень редко в последнее время Головко вылетает таким довольным на боевые задания". По себе да и по другим хорошо знаю, с каким нетерпением ждешь, когда командир назовет твою фамилию в расчете вылетающей группы. И искренне огорченными, прямо-таки несчастными бывали, если приходилось оставаться. А Виктор... Он был каким-то безучастным. Нет, в воздухе держался хорошо. То, что требовалось от ведомого, делал как положено. Во всяком случае за хвост своего самолета я спокоен.

Перехватив левой рукой ручку управления, помахал ему правой: "Все будет хорошо, дружище!"

Впереди и слева от меня - пара Степана Карнача. Когда Степан ведущий группы, чувствуешь себя необычайно уверенно. Спокойный, выдержанный, расчетливый, он ничего не делает сгоряча. И даже на первый взгляд ничем не оправданные решения комэска всегда имеют точный расчет, верную оценку обстановки.

Когда я пришел в полк, капитан Карнач был уже настоящим воздушным бойцом. Никогда не забыть мне первый боевой вылет с ним в паре - ведомым.

Второго января 1942 года, в самый разгар керченско-феодосийского десанта, мы перелетели на аэродром 247-го истребительного авиационного полка, куда я был назначен комиссаром эскадрильи. Своего нового комэска нашел на стоянке. Доложил о прибытии. Тот, ни слова не говоря, очень серьезно начал осматривать мой реглан. Стало даже немного не по себе. Чего, думаю, он в нем нашел? Реглан как реглан. Ну, потертый. Так я его с тридцать девятого года ношу, после выпуска из летной школы - срок! А капитан только что вокруг не ходит да не приседает около моего реглана - прищурился в смотрит. Ну на лицо бы посмотрел, на петлицы. Я тоже в звании - лейтенант. А он все на реглан!

Но вот командиру, кажется, надоело рассматривать его. Натягивая шлем, он улыбнулся:

- Ведомым со мной, сейчас.

Увидев мою растерянность, уже серьезно:

- Да, сейчас... Мой ранен. Вот самолет, - показал капитан на стоящий рядом "як" и, то ли спрашивая, то ли утверждая, произнес:

- Летим, не боитесь?

Истребитель Як-1 я освоил одним из первых в Военно-Воздушных Силах в сороковом году на подмосковном аэродроме Кубинка. Тогда авиация только начала получать этот скоростной, маневренный, с мощным вооружением самолет. И что греха таить, мы, летчики тех групп, очень гордились, что первыми освоили грозную машину.

А кроме того, после возвращения в часть, в Закавказский военный округ, мне доверили переучивать на новый истребитель не только летчиков полка, но и командующего ВВС округа генерал-лейтенанта авиации Н. Э. Глушенкова. Не знаю, право, как я выглядел в роли инструктора, но после самостоятельного вылета генерал подарил: мне серебряный портсигар. Он и сейчас, кстати, лежал в правом кармане реглана.

Этого, понятно, я командиру не сказал. Ответил четко:

- Летим, товарищ капитан!

- Вот и хорошо! - И комэска коротко поставил задачу: - Идем

на разведку. От меня не отрываться. Все делать, как я.

Настолько я был ошарашен таким приемом, что даже не успел удивиться: как командир-фронтовик, не зная летчика, не проверив его в воздухе, взял ведомым, своим щитом на выполнение боевого задания? Такой вопрос я задал Карначу уже потом, когда стали мы с ним настоящими боевыми друзьями. Ответил он, как всегда, с улыбкой, полушутливо:

- А я твою летную биографию по реглану прочитал. На полах потерто. На танцах реглан не протрешь. Значит, не раз надевал парашютные лямки. Воротник тоже потерт. О чем это говорит? Во-первых, о том, что поднимал ты его, от высотного ветерка закрываясь. Значит, летал не только на "яке", в закрытой кабине, а и на "ишачке", кабина которого всем ветрам открыта. А этот аэроплан позволяет летать только настоящим летчикам. Во-вторых, потертость говорит, что в полете шеей крутить и можешь и умеешь. А это в бою главное: крутишь головой, если, конечно, у головы есть глаза и агрегат для мышления, значит, первым увидишь противника. Увидел первым - победил... И вообще, реглан может многое рассказать о своем хозяине. Если хочешь, я по твоему реглану понял, что ты женат, но давно не видел жену. Как? Ничего удивительного нет. Все пуговицы пришиты коричневыми, под цвет кожи, нитками. На новом, когда тебе его выдали, если обратил внимание, они были пришиты черными. Подобрать нитки и колоть пальцы, прошивая кожу, может только любящая, заботливая жена. Почему долго не видел ее? Это совсем просто. Одна пуговица, вот она - скоро оторвется опять, пришита небрежно и черными нитками. Сам пришивал... Вот, думаю, и возьму этого сокола с ходу в бой, проверю, не с чужого ли, хотя и богатырского, плеча реглан на нем... Ну а если серьезно, то сам вспомни - тяжелые времена были. Летчиков не хватало...

Да, полку трудно было. Полгода, с самого начала войны, отступая от границы, часть непрерывно вела тяжелые бои практически без пополнения. Все меньше и меньше оставалось самолетов. Большие потери среди летного состава. Уже при мне на Керченском полуострове погибло немало замечательных летчиков. Временами в полку было по четыре-пять самолетов и пилотов, способных подняться в воздух и бороться с противником. Совсем недавно, в марте, на наших глазах погиб первый командир полка майор Михаил Андреевич Федосеев.

Михаила Андреевича хорошо знали не только у нас. На его боевом счету было уже семнадцать самолетов противника, несколько из них он сбил в небе республиканской Испании. Еще до войны подвиги замечательного летчика были отмечены орденом Ленина.

В тот день майор Федосеев поднял в воздух почти все свои наличные силы: две пары истребителей. Командиром группы и ведущим первой пары был Степан Карнач, ведомым - Алексей Шмырев. Вторую вел я. После взлета Алексей Шмырев стал отставать. Передал, что не убирается правая нога шасси. Вскоре он возвратился на аэродром. В это время на нас навалилась шестерка "мессеров". Завязался упорный бой. Майор Федосеев по радиопереговорам сразу понял, что нам тяжело. Как только Шмырев приземлился, командир полка вскочил в кабину истребителя и пошел в воздух. Он был уверен, что с его опытом и мастерством можно вести бой даже на неисправной машине.

Нам он помог. Пара "мессершмиттов" бросилась в его сторону. Тогда Степан Карнач, которого мы прикрывали с Виктором Головко, меткой очередью свалил одного фашиста. Теперь ясно - нужно выручать командира, но сразу из боя выйти невозможно. Тут подбили и мой самолет. Очередь попала в мотор, перебила маслопроводы. Горячее масло заливало фонарь, прорывалось в кабину, обжигало лицо, руки. Мотор заклинило. Пришлось идти на вынужденную посадку. Посадил самолет на своей территории, но совсем рядом с передним краем. Бойцы из окопов криком предупредили, чтобы не выходил из кабины. Оказалось, что я - на минном поле и только чудом не подорвался. Вскоре подошли саперы и сделали проход, по которому вывели меня, а потом, под прикрытием темноты, вывезли самолет.

Но минное поле, возможность внезапного взрыва, обстрел вражеской артиллерии - это было не самым страшным. Трагическое произошло на моих глазах. На помощь фашистам подошли еще восемь Ме-109. И как ни старался Степан Карнач подтянуть карусель боя, в которой они крутились с Головко и Федосеевым, ближе к командиру, силы были слишком неравными. Не раз истребитель нашего командира уходил из-под удара противника, больше того, он сам старался атаковать и был близок к тому, чтобы настичь врага. Но вот несколько очередей "мессеров" прошили фюзеляж и плоскости его машины. Мотор задымил. Самолет терял управление. Однако, пока летчик был жив, он сражался. Сражался до последней возможности.

Много (раз у человека на войне бывают трудные минуты. И самым тяжелым мне кажется момент, когда ты ничем не можешь помочь товарищу в смертельной схватке. Бессильно сжатые кулаки, стиснутые зубы и одна мысль: "Прыгай! Прыгай!.."

Большие потери понес полк с начала войны. Но это была невосполнимая утрата. Не каждый командир в неразберихе первых военных дней, в трудный период отступления сумел организовать боевые действия полка так, как сделал это майор

Федосеев. За личное мужество и отвагу, за умелое руководство полком Михаил Андреевич Федосеев посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

Да, нам было трудно. Правда, в начале сорок второго года, уже на Керченском полуострове, в ВВС фронта и армейскую авиацию стали прибывать понемногу самолеты, да и летчики тоже. В основном это были совсем молодые ребята или вроде меня, Шмырева, Головко - пилоты с довоенным стажем летной работы, но не имеющие боевого опыта. Нас учили воевать такие умелые и храбрые командиры, как майор М. А. Федосеев, подполковник Я. Н. Кутихин, капитаны С. А. Карнач, Н. В. Смагин, комиссар полка батальонный комиссар В. А. Меркушев. В том, что меньше чем за четыре фронтовых месяца в тяжелых неравных боях сумел я сбить три вражеских самолета, прежде всего заслуга моих старших боевых товарищей.

Свой боевой счет я открыл в первый вылет со Степаном Карначом. Справедливости ради нужно, видимо, рассказать о первом своем боевом вылете через полчаса после прибытия в распоряжение командира эскадрильи.

Керченский и Таманский полуострова опоясаны ледяной кромкой. Дальше от берега сплошного льда хотя и нет, но волны - мрачные, свинцовые - с высоты кажутся застывшими. Держусь в строю за командиром. Первый вылет - оплошать нельзя. Посматриваю по сторонам. И вдруг... Со стороны Крыма - группа самолетов. Присмотрелся. Бомбардировщики. "Юнкерсы" - как на учебных плакатах. Ведущий не реагирует на появление противника. "Юнкерсы" все ближе. Идут тяжело. Нагрузились бомбами. И прикрытия нет. А капитан Карнач ведет четверку дальше. "Испугался, - думаю, - четыре боевых истребителя против восьмерки неповоротливых бомберов?!" Бросил я своего ведущего, группу и двинулся к бомбардировщикам...

Как вел бой, как стрелял - ни тогда, ни потом не сумел объяснить. Не помню даже, как домой пришел. Зато на всю жизнь запомнил разговор с комэском Карначом. Не выручило даже сообщение о сбитом мной "юнкерсе", пришедшее, оказывается тут же после возвращения. Оказывается, случайно, именно случайно мне удалось сбить самолет противника. Сам я ничего не видел.

Долго Степан Карнач вспоминал мне этот случай - и первый бой, который мог оказаться последним, и первую победу, которой могло не быть, и, главное, свои слова, сказанные перед вылетом: "От меня не отрываться". Он очень образно, не стесняясь в выражениях, объяснил мне, что мог и сам напасть на "юнкерсы", и насшибать их "себе на счет - им на страх". Но у него был приказ - разведка. По поводу моего бормотания об инициативе в бою

вразумил: "Инициатива военного человека всегда, везде и во всем должна быть направлена на выполнение замысла, решения, приказа командира". Эти слова крепко запомнились.

С тех пор было немало боев, вылетов на разведку, на прикрытие бомбардировщиков, штурмовиков, где я ходил у капитана ведомым, пока сам не стал ведущим пары. И всегда был признателен командиру за урок...

В тот первомайский день противника мы не встретили и во втором вылете, хотя "провисели" над передним краем почти до полной выработки горючего.

Около двенадцати часов получен приказ на третий вылет - прикрытие группы пикирующих бомбардировщиков. Пе-2 должны были бомбить один из мостов.

Авиации противника опять не встретили. Не было даже зенитного огня. Становилось все более понятным одно: немцы берегут силы для наступления. Но когда оно будет?

Три вылета почти без перерыва, хотя и без воздушных боев. Мы подустали и уже собирались в столовую: сегодня наш праздник - и какое бы там ни было, а праздничное застолье будет.

В это время команда: "Капитан Карнач, лейтенант Шевчук - к командиру полка!"

Подполковник Кутихин встретил нас как-то по-домашнему просто. Начал разговор:

- Карнач, Шевчук... Я понимаю, вы устали. Но нужен еще вылет. Идут соседи, штурмовики. Сами понимаете, спокойного воздуха не может быть вывели немцев из себя. Ваши пары - самые опытные. Штурмовикам во что бы то ни стало нужно отработать и вернуться. Понимаете, вернуться именно сегодня. Взлет в 13.10. Сбор - как обычно. Остальное знаете сами. Прилетите - и отдыхать.

Командир вздохнул:

- Первый военный май... А до войны... Карнач, Шевчук, помните?..

Он обнял нас обоих за плечи:

- С праздником. С праздником, ребята. Вернетесь - отметим. По-фронтовому отметим...

Штурмовики получили задание уничтожить артиллерийские позиции противника севернее Феодосии. Мы идем выше и правее их группы. "Горбатые", как называли на фронте Ил-2 за их высокую кабину, летят плотным строем, словно журавли перед опасностью, жмутся друг к другу. И действительно, опасность подстерегала эти самолеты всюду. Не всегда спасала их броня от огня с земли и с воздуха. До тех пор пока Ил-2 оставался одноместным, без стрелка-радиста, уступая истребителю в

маневренности, штурмовик без прикрытия легко становился жертвой "мессеров".

Хотя мы, летчики-истребители, и подсмеивались над штурмовиками, по-дружески шутили, что-де они не летают, а землю пашут, но с полным основанием считали - по мужеству летчикам-штурмовикам в военной авиации нет равных.

В первые же месяцы пребывания на фронте мне, как и остальным летчикам полка, нередко приходилось работать со штурмовиками. Я уже знал многих из них, тем более из полка, который базировался на пашем аэродроме. Особенно нравился мне их командир, майор Шутт. Запомнил я его сразу. И не только потому, что уже встречал лейтенанта с такой же редкой фамилией. Запомнил я его по первым же совместным боевым вылетам. Когда майор Шутт руководил действиями штурмовиков, можно было твердо сказать - задачу свою они выполнят во что бы то ни стало.

И вот четыре дня назад, перед самыми первомайскими праздниками, не стало этого замечательного человека, летчика редчайшей воли и мужества.

Ранним утром мы, готовые к выруливанию и взлету на задание, увидели, как над аэродромом пролетела пара штурмовиков - майор Шутт возвращался со своим ведомым из разведки. Даже с земли самолет ведущего представлял удручающее зрелище - в крыльях зияли огромные отверстия, за стабилизатором и килем тянулись лоскуты перкаля. Машина шла неуверенно, словно управлял ею не один из асов полка, а новичок, впервые севший в кабину. Было ясно - с летчиком случилась беда. Тем не менее ведущий пропустил на посадку первым своего подчиненного. А его самолет, пробежав по аэродрому, развернулся на сорок пять градусов и остановился.

Нам вот-вот взлетать, а штурмовик стоял в центре аэродрома, и летчик из кабины не показывался.

Все, кто был свободен, бросились к самолету. Голова комполка безвольно склонилась на грудь, лицо залито кровью. Вместо правой кисти руки - кровавое месиво и белеющая сломанная кость. Реглан на животе разорван, набух кровью...

Смертельное ранение летчику было нанесено прямым попаданием снаряда в кабину. Теряя сознание от боли, потери крови, без правой руки, левой он пилотировал подбитый самолет и привел его на аэродром... Через несколько минут майор Шутт скончался{1}.

Гораздо чаще, чем летчики других родов авиации, не возвращались штурмовики из боевых вылетов. Но те, кто сумел вернуться, снова и снова уходили на штурмовку врага. Часто без

сопровождения истребителей.

И вот сейчас, поглядывая сквозь фонарь кабины на неповоротливые, тяжело груженные штурмовики, я повторял про себя слова подполковника Кутихина: "Штурмовикам нужно отработать и вернуться. Вернуться именно сегодня".

Каждый из фронтовиков знает, как невыносимо тяжело лететь обратно, пусть даже с большой победой, но если в строю нет товарища. Гнетущая тишина в землянке, где еще недавно, час назад, был он, невернувшийся, Молчаливый траур в столовой, где рядом с твоим местом - его, невернувшегося. Тоскливый взгляд механика самолета - его, невернувшегося...

Нет, штурмовики должны вернуться все. Это зависело от меня, от Виктора Головко, от Степана Карнача, от его ведомого, Александра Лашина. Мы сделаем все возможное и невозможное, чтобы они вернулись. Пусть нас всего две пары.

В наушниках шлемофона хрипловатый, искаженный несовершенством радиостанции (из-за чего, кстати, многие летчики и не принимали ее всерьез) голос ведомого, Виктора Головко:

- Командир, что-то с мотором. Температура... Похоже, вода кипит.

Кипит вода. Это значит: двигатель не охлаждается. Несколько минут - и мотор заклинит. Самолет беспомощен. Останется только одно - искать площадку для вынужденной посадки или прыгать с парашютом. А внизу вражеская территория.

Опередив меня, ответил Карнач:

- Иди домой. Скорость держи... И высоту... Лишнего не теряй, - напомнил он моему ведомому.

Самолет Головко накренился вправо и остался где-то позади.

Небо пока чистое, безоблачное, хотя обычно после полудня оно покрывается белыми барашками облаков. А вон и Феодосия. Кое-где дым, огонь пожаров. Досталось городу. Немцы его брали, наши отступали, потом наши брали, немцы жгли... И снова враг ходит по улицам Феодосии...

Вблизи по-прежнему ни одного самолета. Лишь далеко слева идет группа. Но это наши бомберы. Снова, наверное, на Чонгарский мост пошли. В прошлый раз они отбомбились плохо. Я, во всяком случае, ни одного разрыва близко к мосту не видел. Может, сейчас повезет больше? Тоже бедолаги: на этот раз идут без сопровождения истребителей. Тяжело нам от этого, больно. Так бы вот и разорвался, сел на два, на три самолета, чтобы всем легче было - и штурмовикам, и бомбардировщикам, а главное тем, ради кого мы все летаем, пехотинцам. Достается им... Мы хоть по ночам спим, можно сказать, спокойно, хотя тоже бомбят

часто. А они? Ни днем, ни ночью, сутками, неделями не вылезают из окопов, траншей. А если и поднимаются, то только врукопашную, вперед, в атаку или контратаку... Правда, гибнут все одинаково: и летчики, и пехотинцы, и танкисты - все. Одинаково уходят от нас товарищи, сделав, как должно, свое святое дело. Остальное вершить нам и тем, кто останется после нас.

Нашему полку повезло: он один из немногих, который летает на новых машинах. А сколько ребят от Черного моря до Белого воюют еще на "ишаках", на "чайках"! Хорошие в свое время самолеты были. На Халхин-Голе, например, отлично били японцев... Но с "фоккерами" и "мессершмиттами" трудно. Ох как трудно! Вот если бы все наши полки летали на "яках", "мигах", "лавочкиных"!.. Перед самой войной появились эти замечательные истребители. Но перевооружить ими истребительную авиацию не успели. Да, пока неравный бой получается.

Головко, наверное, уже подходит к аэродрому. Не дотянет - где-нибудь сядет на вынужденную. Теперь уже над своей территорией. Плохо без ведомого. Но ничего. Нас трое. А тем более со Степаном - не пропадем. Да и в воздухе пока чисто. Может, и обойдется, как в первых трех вылетах.

- Командир, перерасход бензина, - это уже голос ведомого Карнача.

Степан бросил резко, даже грубо:

- Что там еще?!

Вот уж поистине - одна беда не приходит.

А Степан совсем зло:

- Иди к черту! Домой, говорю, иди!

Медленно проплыл назад мимо левой плоскости еще один наш ведомый. Остаемся вдвоем. А штурмовики упорно летят вперед, к цели. Я глянул в сторону Степана, он - в мою. Поняли друг друга без слов: "Сопровождаем дальше". Да и не могло быть иначе. Даже мысль бросить штурмовики преступна!

Добавляю оборотов мотору, ручку и педаль подаю чуть влево - подхожу к командиру эскадрильи на дистанцию и интервал ведомого.

Что греха таить, мучает беспокойство: пара - это не две пары. И тут же успокаиваю себя: "А может, обойдется? Может, не хотят они сегодня воевать?"

Не обошлось. Когда штурмовики были почти над целью, на северо-западе я увидел тонкие, хищные силуэты "мессеров".

"Один, два, три, - считаю, одновременно бросая взгляд и вперед, и назад, и влево вниз, на наших подопечных, и влево вверх - нет ли и там где-нибудь противника, - пять, шесть..."

- Держись, Шевчук! Десять на двоих - это не так много, - раздался в наушниках голос командира, который тут же добавил: - Если с ними поодиночке встретиться... Расходимся!

Его истребитель резко лег на левую плоскость, отвернул от прежнего курса, вышел из крена и помчался к "мессерам". Почти таким же маневром пошел я на них справа.

Оба мы понимали, что победить при таком соотношении сил трудно, даже невозможно. Но понимали и то, что главное сейчас - отвлечь внимание противника от штурмовиков, которые уже перестроились в боевой порядок и начинали работу. Судя по всему, немецкие летчики их не видели. Иначе часть их несомненно бросилась бы на штурмовики. Нашу пару они, очевидно, приняли за разведчиков и решили поиграть с нами в "кошки-мышки". Тогда они могли позволить себе это: десять на двоих!

Не знаю, может, и нарушили мы со Степаном все законы тактики. Может, и не стоило разбивать боевую тактическую единицу - пару истребителей. Тем более слетанных, какими мы не без основания уже считали себя. Но и тогда, и до сих пор я уверен, что поступили мы правильно. В обычных условиях, пусть даже при таком соотношении сил, мы пошли бы на врага парой. Да, две силы, две воли, спаянные в одну, единый огневой удар двух истребителей могли нанести противнику ощутимый ущерб. Кроме того, я защищал бы сзади самолет Карнача, он тоже мог предупредить меня о маневре врага. Но мы не на свободной охоте. Задача одна: обеспечить действия штурмовиков. И, разделившись, мы стали двумя, хотя и слабо защищенными, но боевыми единицами. Мы шли на противника с двух сторон, и "мессерам" поневоле пришлось разделиться.

В мою сторону почему-то бросились шесть "мессершмиттов", на Степана четыре. Один из "моей" шестерки отделился от группы и направился в хвост моему самолету. Совсем некстати пришла мысль: "Если бы рядом был ведомый!" Нет, это не пустые слова: во сто крат ты сильней, если рядом локоть, или, по-нашему, крыло, Друга.

Мы не отступали, как могло показаться немцам. Нам нужно было оттянуть их самолеты подальше от района действий штурмовиков.

А теперь... пора. Один из "худых" упрямо пытается зайти в хвост. Остальные держатся поодаль. Я понял, что это старший группы. Решил записать меня на свой счет. На Степана идти не рискнул. Вполне резонно решил, что и у нас ведущий всегда сильней ведомого. Однако для верности на свое прикрытие взял пятерку.

Слева, чуть выше плоскости, - трасса. Бросаю "як" вправо. Крен - больше некуда. Ручку на себя. Еще... Еще... Перегрузка растет.

Кажется, удалось. Трасса ушла в сторону и оборвалась. Длинную очередь пустил немец. Но сейчас он уже не в хвосте, а почти на противоположной стороне виража. Попробуем поднажать. В глазах темнеет. Перегрузка в несколько раз увеличила вес моего тела.

Какое-то время положение самолетов не меняется. Противник не из слабаков. Тоже тянет. А мне еще нужно осматриваться. Пока я гоняюсь за ним или "убегаю" от него - это трудно понять, - из оставшейся пятерки кто-нибудь может и подстрелить. Западнее успеваю заметить карусель, в которой крутится Карнач. На него навалились!..

Все, что умел и знал я, что мог мой самолет, было вложено в эту схватку. Плоскости почти вертикально. По горизонту держу самолет уже не рулем высоты, а педалями. Скорость, как нужна скорость! А сколько мы уже виражей накрутили? Не до счета...

Хочу посмотреть, где остальные "мессеры". Голова поднимается и поворачивается с огромным трудом - сказывается перегрузка. Немцы, видно, помогают своему информацией о моих действиях. Ну что ж, ему легче. У меня же не только гимнастерку, но, кажется, и кожу реглана пробило потом.

Стоп! "Мессер" попался: задрал нос, повалился на крыло, вращаясь, пошел вниз. Перетянул! Сорвался в "штопор". Только бы успеть!

Нет, немец - пилот сильный. Тут же вывел. Опять закрутились на виражах. Опять до потемнения в глазах. Но вот и у меня неудача. Тоже "штопорнул". Вывел. Земля все ближе, ближе. Скользнул взглядом по высотомеру: четыреста метров. Немного. Нужно постараться. "Ну, Вася, давай!.. Еще чуть, еще..."

Палец все время на гашетке. Сколько раз немец в кольцо прицела попадал, но до перекрестия не доходил. А нужна-то всего секунда. Ему, кстати, тоже не больше.

Медленно, нехотя силуэт "худого" плывет по сетке прицела. Пальцем правой руки сквозь кожу перчатки явственно ощущаю насечку на изгибе гашетки. Прозрачный колпак кабины "мессершмитта" накрывается перекрестием. И тогда я всаживаю в эту кабину, кресты, топкий хищный фюзеляж такую длинную очередь, что самолет мгновенно прямо на моих глазах вспыхивает и, взорвавшись, рассыпается на бесформенные куски.

"Сколько же продолжалась смертельная чехарда?" - прикидываю я, провожая взглядом поверженного врага. На бортовом хронометре 13 часов 35 минут. А взлетел в 13.10.

Но где Степан? Где остальные "мессеры"? Не сразу после горячей схватки вспомнил я о противнике. И в этот момент самолет мой сильно вздрогнул, яркая вспышка ослепила глаза...

Ругать себя за то, что расслабился, что забыл о противнике, которого впятеро больше, некогда. Самолет горит. Пламя лижет фонарь кабины. Высота? 180 метров - фиксирует сознание. Земля совсем рядом. Но надо прыгать!

Для спасения остался один шанс - покинуть самолет, который может взорваться в любое мгновение, методом "срыва". Размышлять о том, что это опасно, времени нет. Натянул очки, откинул колпак. Пламя горячо полыхнуло в лицо. С трудом приподнялся, перекинул ранец парашюта через борт. Кольцо! Мягкая масса шелка медленно (как медленно!) ползет вдоль фюзеляжа...

Огромная сила выдергивает меня из кабины. Мелькнули языки пламени...

На переднем крае

Пламя жжет лицо. Надо его сбить. Руки. Где мои руки? Целы. Сейчас будет легче. Сорву пламя. Поднимаю правую руку и чувствую боль по всему телу. А лицо жжет. Глаза открыть страшно. Но откуда эта боль? На переносице почувствовал мягкую резину очков. Можно открыть глаза. Нужно...

Сознание возвращается какими-то толчками, импульсами. Я сбил... Удар по самолету. Огонь. Шелк парашюта. Пламя. Удар. А до этого? Бой. Шесть против одного. Нет, против меня был один... Где Степан?.. Бой над чужой территорией. Рядом с передним краем, но над чужой. Пистолет! Где мой пистолет? Глаза нужно открыть, глаза... "Ну, Василий, ну!" - приказываю себе. Лицо жжет.

Взгляд упирается прямо в небо. Странное небо - огненно-желтое. И по нему серая полоса. "Дым", - догадываюсь. Прямо надо мной со снижением идет Як-1, словно привязанный к этой полосе. Неужели Степан Карнач? Кроме Карнача и меня, здесь быть никого не должно. Значит, и его сбили.

Он тянет к своим. А где же я? Приподнять голову очень трудно, но все-таки сумел. Опять проклятая боль по всему телу. Лежу Лицом в небо. Не то на бруствере окопа, не то на краю воронки. Под спину что-то резко давит. "А, наверно, ремни парашюта", - пронеслось в голове. Повернуться нет сил. Слышу приглушенный разговор. Шаги. Руку к кобуре. Дикая боль. Небо чернеет. Куда-то проваливаюсь...

Опять голос. Откуда-то издалека. Женский. На щеках живительно-облегчающая прохлада человеческих рук. Память восстанавливается с того места, где оборвалась. Пистолет! И снова боль. На этот раз сознание возвращается

окончательно. Перед глазами расплывчатые контуры лица.

- Ну вот, сокол ясный, и очнулся. Ишь, как тебя здорово ошпарило. Ничего. Перевязочку сейчас сделаем. Заживет. Все заживет, - мягкий женский говор разгоняет остатки темноты.

Пытаюсь приподняться. Нет, плохи дела, опять пронизывающая боль. Женщина поняла:

- Лежи. Лежи уж теперь. Сейчас разберемся, куда тебя.

У моей спасительницы выцветшая добела пилотка некрасиво натянута до самых ушей. Догадываюсь: чтобы волосы не мешали работе.

А сестра, ощупывая осторожно ноги, руки, по-прежнему мягко приговаривает:

- Ну вот - тут цело. Рученька тоже. С вашим братом, летчиками, тяжело. У ваших ребят убит - так убит, ранен - так сразу видно где. А вашего ранят, да еще пока падает - шишек набьет. Ничего, найдем.

Рядом тяжело ухнуло. Земля бруствера вздрогнула, больно отдало в спину. Я чуть не вскрикнул. Женщина поняла по-другому.

- Не бойся. Тут часто стреляют. На то и передний край. Да они сейчас так просто, чтобы мы не спали, - успокаивает меня сестра, продолжая делать свое дело, - ну-ка, головку повернем. Как шея?

Чем дальше осмотр, тем беспокойней становится ее голос. А я, уже расслабившись, снова теряю сознание.

...Очнулся в землянке, неярко освещенной, как всюду в прифронтовой полосе, самодельным светильником из снарядной гильзы. Около топчана, на котором я лежу, стоит невысокий майор-пехотинец. Рядом со мной, судя по всему, - врач.

Женщина, которую помню там, на бруствере окопа, зеленкой смазывает мое лицо. Врач перевязывает рану на ноге. Женщина все время что-то приговаривает, врач молчит. Я тоже молчу, терплю щиплющую боль на лице и жду, что скажет врач.

Закончив перевязку, неразговорчивый медик удрученно произнес:

- Без рентгена не уверен, но у вас, товарищ летчик, по всей видимости, что-то с позвоночником.

Пехотный майор замахал на него руками, шутливо оттолкнул от топчана.

- Брось, доктор. Не пугай пилота. Дай-ка мы с ним лучше выпьем. Как-никак, а сегодня праздник. Держи, сокол! - И он протянул мне полстакана водки, половину огурца.

- Ты, лейтенант, не слушай эту медицину. Им бы только болячки искать. Парень ты крепкий, какой там еще позвоночник

может быть!..

Я машинально взял стакан, чокнулся с майором, но в голове пронзившие, как выстрел, слова врача: "Что-то с позвоночником".

- Брось, лейтенант! Давай еще выпьем. За вашего брата. Вы сегодня молодцом поработали. Нас эти две батареи, которые сейчас штурмовики разделали, три недели донимали. Тяжелые, черти! Три дня назад, - майор вздохнул, - прямое попадание снаряда в землянку моих разведчиков. Ребята только спать легли. С задания - оттуда - вернулись. А сейчас, слышь, молчат... А что ж истребителей мало было? Мы весь бой видели. Думали, не дотянешь ты до передовой. Уж очень низко выпрыгнул. Я на всякий случай распорядился: на нейтральной или у них опустишься - второй батальон в атаку, выручать. Дотянул до нас, молодец, а напарника твоего подожгли. Ну он-то далеко ушел. Не знаю, правда, долетел до аэродрома или нет - горел сильно. Ничего, сокол, война...

Майор говорил без остановки, перескакивал с одного на другое. Я видел, чувствовал его бесхитростное желание приглушить, отдалить слова врача о ранении позвоночника, так угнетавшие меня. И в то же время он искренне радовался, что я остался жив, что штурмовики хорошо отработали, и тут же тяжко переживал гибель своих разведчиков.

Каждому фронтовику довелось пережить одновременно эти, казалось бы, исключающие друг друга чувства: радость победы, того, что ты, твой друг живы, и здесь же горечь потери товарища, однополчанина, подчиненного, командира, просто незнакомого солдата.

А майор, встретив собеседника, незнакомого с его пехотными делами, иль оттого, что выпил немного, а скорей всего потому, что хотел отвлечь меня от тяжелых мыслей, говорил и говорил:

- Знаешь, лейтенант, у меня дядька есть. На Урале. Сам-то я уральский. Ему еще в первую мировую руку оторвало. Да-да, напрочь. А он до сих пор кузнецом. Одной рукой ворочает. А у тебя что - руки-ноги целы...

Знаешь, сколько у нас тут ребят легло? Нет, не сейчас. А во время десанта. Слышал, наверно, есть такой мыс, даже не мыс, а мысок - Зюк?

Понятно, что мы, летчики, изучив район полетов, знали все характерные ориентиры, тем более очертания берегов Керченского полуострова. Знали, конечно, и о том, что именно в районе мыса Зюк началась высадка десанта морской пехоты и войск 51-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Н. Львова. В авиацию этой армии входил и наш истребительный полк.

Высадку проводили суда Азовской флотилии под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова. Она началась 26 декабря сорок первого года, а, я с Николаем Буряком, Алексеем Шмыревым, Виктором Головко и другими летчиками прибыл в полк второго января уже нового, сорок второго года.

Десант войск нашей армии с севера и северо-востока на Ке;рченский полуостров, а 44-й армии в Феодосию заставил немцев оставить Керчь, отступить на запад. Но западнее Феодосии противник сумел сосредоточить резервные войска, и наступление на Крым остановилось.

К великому сожалению, мы, летчики, мало помогали наземным войскам как во время высадки десанта, так и в его дальнейших действиях. Немецкое командование сосредоточило на керченском направлении большие силы авиации и имело превосходство в воздухе.

Нет, мы не сидели сложа руки. Даже незначительными силами дрались в воздушных боях, прикрывали штурмовиков, особенно много летали на разведку. Но всего этого, конечно, было мало, непростительно мало. Об этом же говорил и майор:

- Я со своим батальоном следом за морской пехотой шел. На лайбах. Есть такие "корабли" на Азовском море. В каждой - человек по двадцать. Штормище. Лед ходит. А тут "юнкерсы". Бомба от тебя в пятидесяти метрах падает, а лайба уже вверх дном. Тогда и командир нашего полка погиб. Много погибло. Но взяли плацдарм. Понимаешь, летчик, взяли!

Майор, возбужденный воспоминаниями, горячился:

- Да, "юнкерсы"-то были, а вот вас что-то не видели.

И хотя говорил он громко, напористо, я чувствовал: не обвиняет он меня, просто жалеет, что мало было наших самолетов, что под варварскими бомбежками бессмысленно гибли его солдаты.

- Понимаю, вам тоже нелегко было. Маловато вас еще. А у нас, - майор скорбно вздохнул, - у нас... Пошли в отряде пятьсот человек, а высадились на землю меньше трехсот. А через неделю не знаю, кто и остался от первых. Из знакомых - Маруся вот, сестра, - показал он на женщину, которая первой встретила меня на земле, - ну и еще десяток-полтора бойцов. Весь полк новый. - Он закурил и уже спокойнее, поглядывая на сестру, продолжал: - Меня тоже в той заварухе ранило и с палубы сбросило. Вода ледяная. И знаешь, кто спас? Маруся! Да, она, брат! Мужики боеприпасы сгружают, оружие. А она увидела - и в воду. Тебя тоже, кстати, она вытащила. Ты не совсем к вам упал, а на брошенные окопы перед нашим передним краем. Очень уж они простреливаются хорошо, мы их и оставили. А она, не успел я и

глазом моргнуть, хвать свою сумку и ползком к тебе. Я только и сообразил, что следом четырех бойцов послать. Одного на обратном пути все-таки зацепило. Вот так, сокол ясный, - почти Марусиными словами закончил майор.

Как ни занимали меня мысли о раненой ноге, обожженном лице и, главное, о позвоночнике, я не мог не проникнуться чувством величайшей признательности к этим людям. И к разговорчивому майору, и, конечно, к замечательной женщине - медсестре Марусе. Да и чем я мог отблагодарить их? Я сердцем понимал, что здесь, в этой землянке, на переднем крае стрелкового полка, где уже давно не ведут счет общим потерям, а говорят только о тех, кто погиб недавно, где просто некому вспоминать о погибших раньше, потому что те, кто мог их вспомнить, сами уже погибли, где подвиг стал повседневным делом, словами не благодарят за спасение. Больше того, эти люди сами готовы сказать тебе спасибо за то, что остался жив, за то, что дотянул до переднего края и не пришлось поднимать второй батальон в атаку. Да, и за это. Батальон в атаке - новые потери. Хотя я уверен, что майор не только бы послал людей вперед, но и сам бы пошел на выручку неизвестному летчику.

Через полчаса после моего "приземления" майор приказал снарядить взявшуюся откуда-то конную повозку. На носилках меня донесли до небольшой ложбины. Командир шел рядом, перекинув через плечо скрученный стропами парашют:

- Давай, летчик, двигай к своим. Ты и так, считай, с того света вернулся. У тебя и парашют горел, пока ты спускался. Давай, сокол, летай. Заварушка у нас тут в любой день начаться может. Давно друг против друга сидим, зубы точим...

Не знаю, дошел ли майор до победы... Не знаю, к сожалению, ни имени его, ни фамилии. Никто его по имени-отчеству не называл в той фронтовой землянке. Жива ли медсестра Маруся? Мне неизвестно. Но людей, которые сделали для моего спасения все, что могли в этот первомайский, чуть не ставший для меня трагическим день, запомнил навсегда.

Бойцы довезли меня до небольшого села Семисотка. Я знал, что здесь расположен полевой аэродром одного из полков нашей дивизии. В санчасти как следует обработали ожоги, перевязали. Спина не то стала меньше болеть, не то я начал к этому привыкать. Мог даже, правда с трудом - жгучая боль пронизывала все тело, - приподняться на локтях.

Нужно как-то добираться до своего полка, хотя бы сообщить о себе. Не покидала мысль о Степане Карначе. Успел ли сесть? Майор прав, его самолет весь был в дыму. В любой момент мог взорваться. Видел ли Степан, как сбили меня? Что думают обо

мне в полку?

В маленькой палате санчасти кроме меня находились еще два человека. Один - тоже раненый летчик, из местного полка, второй, как оказалось, адъютант командующего ВВС 51-й армии генерал-лейтенанта авиации Е. М. Белецкого. Адъютант то ли в силу своего служебного положения, то ли по характеру был не из разговорчивых. Мы даже не могли узнать, ранен он или просто болен. Но главным было то, что к вечеру в палату зашел, на ходу сняв фуражку и поглаживая полысевшую голову, генерал Белецкий.

Обратил внимание генерал и на меня, на мою "впечатляющую" внешность. Кожа на лице успела превратиться в волдыри, обильно покрашенные зеленкой. Бинтовать лицо не стали: на свежем воздухе заживет скорей.

Я решил воспользоваться вниманием генерала. Когда он спросил, что случилось, постарался почетче доложить, кто я, откуда. Коротко рассказал про воздушный бой.

Да, Белецкий уже слышал, что штурмовики сегодня отработали отменно. А вот про истребителей... Генерал собирался уходить, когда я попросил его сообщить обо мне подполковнику Кутихину. Он пообещал:

- Обязательно! Сделаю, лейтенант.

С часу на час, изо дня в день я ждал, что за мной приедут или прилетят из полка. Терпеливо лежал в палате санчасти, расположенной в небольшом здании бывшей сельской школы.

Были моменты, когда казалось, что боль ушла. Я лежал, боясь пошевелиться, спугнуть блаженное состояние. Но снова и снова, с постоянством морских волн накатывала боль. То тупая, разливающаяся по всему телу, то острая, колющая где-то в спине.

Днем было легче: можно поговорить с соседом (адъютант Белецкого участия в разговоре не принимал). Летчик интересно мыслил о тактике воздушного боя, о применении истребителей. Он хорошо знал труды видных авиационных теоретиков - В. В. Хрипина, А. Н. Лапчинского, Е. И. Татарченко о тактике воздушного боя, о способах завоевания авиацией господства в воздухе. Я уж было подумал, что старший лейтенант успел закончить перед войной академию, но он, тяжко вздохнув, сказал, что, к сожалению, не попал. Часто, не стесняясь присутствия адъютанта, он упрекал командование, что плохо до сих пор изучаются опыт противника, его тактика:

- Вот мы их ругаем: "Ах, какие они нехорошие, коварные - то со стороны солнца навалятся, то из облаков налетят..." Я не о количественном преимуществе, я о хитрости. Не знаю, как ваш командир, а мы до сих пор почти как на парад летаем. Если

звено, так все три самолета крылышко в крылышко, если два звена - тоже рядом друг с другом. Ни маневра тебе, ни осмотрительности. Только и гляди, чтобы ведущего не обогнать или не отстать...

Полк в Семисотке летал еще на И-16, и мой сосед возмущался тем, что в плотном строю невозможно использовать достоинства этой довоенной машины на горизонталях: "Умелый летчик вираж на "ишаке" выполнит за десять двенадцать секунд, а на "мессере" и за двадцать не сделаешь". Я возразил ему, сказав, что в нашем полку мы давно летаем парой, причем нас никто не ограничивает ни в интервале, ни в дистанции. Сообщение о том, что мы летали парами даже в составе больших групп, хотя по-прежнему считалось, что звено должно быть из трех самолетов, летчика не удивило.

- Ну и что? Молодцы. Мы тоже иногда парами летаем. Только это хорошее дело у нас не от хорошей жизни - машин не хватает. А пара, брат, вещь! Ты посмотри, как немцы ходят, сам, наверно, обращал внимание - пара тут, пара там и где-нибудь еще обязательно пара - четверка ходит. Ты с одной группой связался, чуть замешкался - обязательно кто-то еще навалится. А мы пока только думаем об ударных группах и группах прикрытия, хотя раньше немцев знали о них. - Летчик говорил так, словно продолжал спор, начатый с кем-то очень давно.

Во многом с ним можно было согласиться. Только не учитывал старший лейтенант, что мало у нас еще самолетов, особенно новых марок, и летчиков с боевым опытом мало. Да и вообще, по-моему, недооценивал он всех объективных трудностей начала войны, вызванных вероломным нападением фашистов.

- На вероломство все сваливаем? Объективные причины, говоришь? Правильно, в любой войне много объективных причин для победы или поражения. Были и у нас объективные причины отступать от Бреста до Москвы, от Карпат до Крыма. Ты, кстати, где войну начал? На Кавказе, говоришь? А я, брат, у того самого Бреста 22 июня утречком раненько начал воевать. Первые бомбы в этой войне на наш аэродром, наверно, посыпались. А на аэродроме - три полка. В двух полках самолеты, как на параде, крыло в крыло, стоят. А наш командир... Молодой парень, но уже успел в Испании побывать и в академию... Как раз после академии, в мае сорок первого, к нам пришел. Так он нас - и летчиков, и механиков, и БАО - как мог задействовал. Для своего полка мы за месяц каждому самолетику капониры отрыли, рассредоточили машины. Щели, укрытия для людей подготовили. Одному начальнику не понравилось: "В соседних полках порядок, самолеты - как по линеечке, а у вас что?" Командир ему

объясняет, что "в случае налета вражеской авиации" и так далее... А тот свое: "Война другое дело". Командир ему опять: "Мы военные летчики и должны быть готовы к войне в любой момент". А начальник свое: "Вот и учитесь - летайте, стреляйте, а на аэродроме чтобы был порядок, иначе..." До смешного доходило: как только узнаем, что начальство едет, - самолеты из капониров на стоянку и - по линеечке. Уезжает - снова в капониры. А соседи над нами смеются: "Ишаки "ишаков" возят". Они вроде вас, на "яках" уже летали, а мы и тогда на И-16. Ну, а в капониры и обратно, сам понимаешь, чтобы ресурс на рулежку не тратить, возили аэропланчики своими руками, "ишачили". Смешно? - спросил сосед и сам себе ответил: - Смешно... Только вот потом им грустно стало. А мы, хотя и не смеялись, зато воевали. От тех двух полков при первом же налете осталось... - летчик помолчал, вспомнив, видимо, весь трагизм июньского утра сорок первого. Потом подтянулся руками к изголовью кровати (у него тяжело были ранены обе ноги), сел, достал из-под подушки папиросы, закурил и так же спокойно, без надрыва, который был бы простителен ему при этом рассказе, продолжал:

- А наш командир, светлая ему память - погиб он к концу дня на пятом вылете, - поднял сразу же после налета почти весь полк в воздух. И хоть на "ишаках", а дали мы им чертей. Трех "юнкерсов" и четырех "мессеров" - в первом же вылете. А к концу дня, хочешь, лейтенант, верь, хочешь нет - на счету полка было восемнадцать гадов. Мы... командира потеряли и еще троих ребят. Вот теперь и рассуждай, где твои объективные причины, где субъективные, коль скоро ты философскими категориями заговорил... Я с тобой согласен - много мы от этого фашиста натерпелись и по объективным причинам. Но представь себе, что каждый командир полка, я не беру выше - не тот у меня чин, но повторяю: если бы каждый командир полка готовился к этому самому "вероломному нападению" так же, как наш, - а он, кстати, не единственный такой был - увидел бы ты при первом же налете десятки искореженных, а вчера еще новеньких, только с завода, истребителей? А если бы половина из них взлетела в воздух и поработала так же, как наши "ишаки", сбив на полк хотя бы по десять, по пять фашистских самолетов в первый день, как ты думаешь: случилось бы то, что случилось? На объективные причины сваливать легко... Командир учил нас не только летать. Он учил мыслить категориями войны, реальных боевых действий. И главное - учил воевать не с абстрактным противником, а именно с фашизмом... Во время таких разговоров я, честное слово, забывал о боли в спине. Слова соседа, летчика, старшего по возрасту, опыту боев, давали богатую пищу для размышлений.

И нельзя было не согласиться, что многое на войне зависит не от старшего начальника, не от кого-то другого, а именно от тебя, от осознания своего места в этом огромном трудном деле.

Образ комполка, о котором рассказывал сосед, вызвал в памяти имена моих командиров - Дзусова, Федосеева, Кутихина, Карнача.

Дзусов Ибрагим Магомедович... В его полку мне довелось служить два предвоенных года после окончания летной школы. Он учил нас так владеть машиной, чтобы она полностью была подчинена летчику. Это его, помнится, слова: "Летает не самолет, летаешь ты. И воевать с врагом будет тоже не самолет, а ты, именно ты. Истребитель - это не просто самолет, а машина для перемещения в воздушном бою оружия. И от того, как ты сумеешь "перемещать" его, зависит исход боя".

Именно Дзусов добился разрешения проводить с молодым летным составом ночную подготовку. В то время это считалось привилегией только очень опытных летчиков.

А майор Федосеев? Немного мне пришлось воевать под его командованием, но какая это была школа! И прежде всего личный пример его мужества, мастерства.

О Степане Карначе и говорить не приходится. С ним я постоянно, как только попал на фронт, вместе и в бою, и на земле.

У всех этих людей в их характерах, в понимании воинского долга, беззаветной верности ему много черт командира, о котором с любовью и восхищением рассказывал мой товарищ по несчастью в палате санчасти аэродрома Семисотка.

В жизни каждого случается множество встреч с самыми разными людьми. Одни сразу же забываются, других стараешься забыть сам, третьи помнятся долго. Бывают встречи, которые оставляют порой самому тебе незаметный, но неизгладимый след на всю жизнь. После можно забыть имя, фамилию, лицо, место и обстоятельства встречи, но на всю жизнь остается и живет в тебе какая-то частица того человека.

Сколько в жизни таких встреч? Подсчитать невозможно. Но именно одной из них можно с полным основанием считать и мою встречу с летчиком, которого я больше никогда не видел.

У него были перебиты обе ноги, судя по всему, начиналась гангрена, но он ни на секунду не падал духом, уверенно говорил, что скоро выздоровеет и снова начнет летать, вернется на фронт. Я не разубеждал соседа, хотя, откровенно говоря, не верил в его возвращение в строй. Но сам, сравнивая свое положение и его, все больше утверждался в мысли, что я-то, со своим ушибом, обязательно буду летать.

О многом мы переговорили с товарищем по несчастью.

И проходили день за днем, ночь за ночью. Из полка за мной никто не приезжал. Может быть, генерал Белецкий в массе своих важных дел забыл обо мне, может быть, поручил кому-нибудь, а тот тоже был занят. Только пролежал я там до восьмого мая. Уехал молчаливый адъютант командующего, которого я не стал обременять просьбами о себе. Отправили в тыл раненого летчика. Предлагали и мне с ним. Но я не мог уехать, не повидав своих, не узнав о судьбе Степана Карнача, не поставив командира в известность о том, что жив. Сам хорошо знаю, как гнетет летчиков неизвестность о судьбе товарища. Тяжело услышать о гибели. Но к этому, как ни странно, привыкнуть можно. Но когда день, два, неделю не знаешь о нем - это плохо. Погиб, жив, в плену, ранен? Нет, неопределенность, хотя и оставляет надежду, - страшная вещь.

После отъезда соседей мне стало не только скучно, а просто тяжело. Дело не в разговорах, хотя и отвлекали они от боли, от невеселых дум о ранении, от беспокойства за жену и дочь в далеком Тбилиси. Одному человеку всегда трудней. Недаром говорят: "На миру и смерть красна". Именно присутствие людей заставляет тебя активней бороться с недугом. Становишься сильней рядом с товарищами. А одному тяжело: остаешься один на один со своими болями и мыслями. Днем легче. Кроме врача часто забегала сестра, совсем еще девочка, из местных. Она с трогательной тщательностью выполняла свои немудреные обязанности - измеряла утром и вечером температуру, кормила, приносила старые, оставшиеся, видимо, в школьной библиотеке журналы. Ежедневно ставила на тумбочку свежие полевые цветы.

Днем можно было услышать рев моторов уходящих на задание истребителей. Ночью наши не летали. Ночью периодически раздавался прерывистый гул только немецких "юнкерсов", идущих бомбить наши тылы. На передовой - а она километрах в восьми - десяти от Семисотки - было тихо. Звук ружейно-пулеметного огня сюда не долетал, артиллерия стреляла редко.

В ночной тишине бороться с болью трудней. Устроишься поудобней, она утихает на какое-то время. Потом снова начинает наступать. Ищешь новое положение, А чуть неосторожно пошевелился - острая боль, будто кто подложил под спину хороший булыжник. От постоянной борьбы с недугом тело наполняется тяжелой усталостью. Незаметно для себя я проваливаюсь в блаженство короткого, на двадцать, тридцать, иногда всего на несколько минут, но замечательно крепкого сна. Просыпаюсь от какого-нибудь кошмарного видения. И снова все

сначала.

Врач, понимая, что я мучаюсь, предложил делать обезболивающие уколы. Я отказался. Мне казалось, что, если я сам перетерплю боль, ушиб пройдет скорее и я пойму: пора вставать на ноги. А это главное - встать и ходить.

Несколько раз просил врача передать на наш аэродром весть обо мне. И каждый раз, заходя в палату, он разводил руками - связи не было.

Как-то в одном из журналов, принесенных сестрой, - по-моему это был "Вокруг света" - я прочитал небольшую заметку. О малоизвестных тогда йогах. В ней говорилось, что эти люди обладают способностью самовнушения, которое помогает им легко переносить жару и холод, и усилием воли могут "забыть" о больном месте, сосредоточив внимание на здоровом, неповрежденном участке тела.

Прямо для меня написано. Правда, я не сумел полностью овладеть системой йогов. Тем не менее пользу из этого извлек. Памятуя о том, что нужно всеми силами стараться забыть беспокоящие тебя мысли, я старался думать о чем-то приятном. И память воскрешала самые счастливые дни в моей жизни. Заново переживая их, я действительно легче переносил незавидное свое положение.

...Небольшое село Ставки на Киевщине. Бойкая, с удивительно прозрачной водой речушка Унава пробивает свою извилистую дорогу к Днепру. То прячется под плакучими ветками ивовых зарослей, то перешептывается с отражающимися в воде березами, то уходит в тень густых сосновых крон.

Мальчишкой вместе с отцом, лесничим, без устали мог ходить я по этому лесу. Особенно любил сосновые боры с их светлым сухим воздухом, напоенным ароматом смолы. Отец в каждом дереве видел живое существо. Он учил меня выделять "больные" деревья, помогать им. Учил делать подсечку для добычи живицы так, чтобы не повредить дерево. Сам он много заботился о восстановлении вырубок. Не одну сотню маленьких беззащитных сосенок высадили мы с ним в ирпенском лесу и следили за их ростом.

Хорошо степное раздолье. Хороша по-своему суровая неприступность гор. А по мне нет ничего лучше леса с его таинственностью, неповторимостью каждого дерева, опушки, поляны...

Отец, безвременно овдовев, женился на Ульяне Андреевне, женщине доброй, чуткой, заменившей нам родную мать. У отца нас было пятеро, и у новой жены родилось четверо. Семья - без малого дюжина. Время было трудное - тридцатые годы. Лес

выручал нас, кормил зимой и летом. По грибы и ягоды ходили целой артелью: Анна, Надежда, Григорий, Петр, а руководил и, главное, отвечал за всю эту босоногую гвардию я, как самый старший. Весело было видеть радостные мордашки, когда попадалась после голодной весны первая, краснеющая на солнечном припеке земляника или июльским утром - упругий с темно-коричневой шляпкой боровик в густом подлеске. О каждой находке оповещал громкий крик радости...

Всплывало в памяти и не совсем приятное воспоминание, связанное с лесом, - первая и, правда, последняя отцовская порка.

Как-то, было мне тогда лет семь-восемь, на стражу (так называли избу лесничего в лесу) приехал из села дел Павло и попросил у отца разрешения подрезать на дрова сухих сучьев. Отец строго следил за порубщиками леса, но хворост, сухие сучья сосен разрешал собирать беспрепятственно. Для леса такая чистка полезна. Я - к деду:

- Можно с вами, дедуля?

- Поедем, поедем, внучек, колы батька дозволит.

Отец разрешил, и я с великим удовольствием поехал с дедом.

Пока дед Павло собирал хворост, подрезал со стройных стволов сосен сухие нижние сучья, я, облюбовав интересное, с раздвоенной вершиной дерево, забрался на него. С земли мне показалось любопытным сесть на эту расщелину, как в кавалерийское седло. Но дерево оказалось коварным. Оба его ствола разошлись от дуновения ветра, и я оказался в жестких тисках.

Не без труда извлекали меня. Тело болело. Там, где стволы сжали меня, кожа покрылась синевой, ссадинами. Но отец, не посмотрев на мои "раны", снял перетягивающий косоворотку тонкий ремешок и довольно ощутимо начал охаживать меня - по спине и ниже.

Мать вступилась:

- За что ребенка бьешь? Он же не виноват! Откуда ему было знать, что так получится.

На что отец, продолжая святое дело воспитания, ответил:

- Пусть думает, прежде чем что-то сделать. А то получается - все виноваты, не он? Нет, сын, шалишь! Сначала всегда себя ругай за то, что случилось...

Тогда, конечно, мне было больно. А сейчас вспомнил это и невольно подумал, что слова отца перекликаются с размышлениями моего соседа-летчика о том самом - субъективном и объективном.

Что греха таить, за эти дни я не раз пытался оправдать свое поражение в воздушном бою. Да, поражение. Пусть я сбил одного

стервятника, пусть благополучно отработали штурмовики. Но сбили и меня. Сбили, когда я еще мог сражаться: оставался и боезапас, и бензин, и самолет был исправен. Если бы я, ни секунды не мешкая, внимательно огляделся, изменил быстро режим полета, не попал бы, возможно, под очередь. Конечно, полным победителем из схватки с пятью "мессерами" я бы не вышел, но как знать: чем бы кончился бой для второго из этой пятерки?.. Во всяком случае, если действовать оперативно, умело маневрировать, можно было бы подойти к нашей территории. А немцы не большие любители воевать в гостях. И домой возвратился бы на самолете, которых так не хватает сейчас...

Опять переношусь мыслями в далекое детство. С первыми в жизни друзьями - Федей и Катей Коноваловыми, Петром Осадчуком бегаем в школу соседнего села, за несколько километров. Тот же лес. Но если раньше он был хорошо знакомым, приветливым, добрым, то сейчас открылся нам совсем другим. Ведь поздней осенью и зимой уходили из дома и возвращались затемно - каково было услышать вдруг жутковатый скрип старой сосны, тревожный крик филина, а то и страшный вой волчьей стаи откуда-то из глубины леса?! Хотя никто из нас не показывал виду, что трусит, невольно жались друг к другу, ускоряли шаг до бега и облегченно вздыхали, увидев за поворотом мерцающие огоньки села.

Зато весной, после половодья, когда зеленым дымком молодых листьев покрывались березы, ели и сосны расправляли уставшие от снега ветви, солнце провожало нас в школу и обратно - все вокруг становилось прекрасным и радостным. Не смолкали смех, шутки, веселые разговоры.

Но однажды из школы возвращались мы очень серьезными. Директор школы Василий Федорович Станкевич, любимый наш учитель, предложил семиклассникам подумать о выборе дальнейшего пути. Школа была семилетней, и каждому из выпускников 1934 года предстояло избрать себе профессию. Василий Федорович, конечно, не навязывал нам свою волю, но слова о том, что стране с каждым годом нужно все больше и больше грамотных людей, что партия большевиков поставила задачу полностью ликвидировать неграмотность, а для этого необходима целая армия учителей, заставляли призадуматься. А пример самого директора школы, замечательного человека и педагога, поневоле вызывал желание быть похожими на него. Мы впервые откровенно и долго говорили об этом по дороге домой. В чем-то сомневались, в чем-то убеждали друг друга.

Перед тем как разойтись, остановились возле избы Федора Коновалова. Разговор наш прервался неожиданно. На крыльцо

вышел военный, Федор бросился к нему.

- Иван! Братик! Приехал!

Да, это был старший брат Федора - Иван Коновалов. Мы знали, что Иван военный летчик. А кроме того, Федор говорил, что брат его не просто летчик, а летчик-испытатель.

Пилот Иван Коновалов изумил нас. Синий костюм, голубые петлицы с золотыми птичками, пилотка с голубым кантом - все это мы видели впервые. Но больше, чем форма, меня поразило сознание, что перед тобой человек, который поднимается в небо, управляет такой машиной, как самолет. Нет, это был не тот Иван, которого мы знали обыкновенным сельским парнем, это был человек из другого мира.

Но честно говоря, в тот момент у меня не возникло желания стать летчиком. Слишком недосягаемой, как с земли летящий аэроплан, казалась мне эта профессия. Из двадцати четырех выпускников нашего класса двадцать один решил пойти по стопам любимого учителя. Все мы успешно сдали экзамены и поступили в педагогический техникум в Белой Церкви.

1936 год. В Испании гражданская война. С оружием в руках народ борется за свободу, против фашизма. В Германии фашисты готовят вермахт. Японские милитаристы - свою армию. В техникум один за другим приезжают представители военкомата, военно-учебных заведений: "Стране нужны красные командиры! Комсомольцы! Молодежь! Поступайте в военные училища!" Этот призыв не остался без ответа.

После недолгих размышлений несколько ребят с нашего курса, в том числе и мы с Димой Зайцем, решили пойти в Житомирское танковое училище. Но не успели собраться, как приехал представитель Киевского обкома комсомола. Доклад его на нашем собрании был коротким: "Пять лет назад IX съезд комсомола от имени всех комсомольских организаций взял шефство над Военно-Воздушными Силами. Решение съезда остается в силе до тех пор, пока нашей Родине будет нужна военная авиация. Лозунг "Комсомолец, на самолет!" вот призыв сегодняшнего дня!".

Тогда я и вспомнил Ивана Коновалова, односельчанина, брата моего товарища. Но вспоминать пришлось не о том, как увидел его в парадной летной форме. Немного времени прошло после его отъезда, и в селе получили горькое известие: "...военный летчик Иван Коновалов погиб при исполнении служебных обязанностей..."

Видимо, трагическая гибель земляка и удержала многих наших ребят от поступления в авиационное училище. В авиацию решили пойти только мы с Димой Зайцем да Василий Куценко,

который учился уже на третьем курсе.

Ни тогда, ни сейчас не смогу, пожалуй, объяснить, почему все-таки решил стать летчиком. Может быть, теплилась в глубине души искорка мечты об авиации уже давно, со встречи с Иваном Коноваловым. Может быть, просто решил испытать себя, попробовать силы там, где не только трудно, но и опасно. Может быть, как комсомолец принял всем сердцем решение съезда. А точнее все, вместе взятое, и предопределило это для многих неожиданное решение. Неожиданное прежде всего для отца.

Что было, когда я приехал в Ставки сообщить родным, что хочу стать летчиком! Отец только за ремень не брался. Все остальные методы родительской власти использовал полностью. Не забыл и о трагической судьбе Ивана Коновалова:

- Сколько ни летай, а на землю все равно упадешь. Земля - она к себе всегда притянет...

Сестра и братья пришли в восторг. Ульяна Андреевна потихоньку охала да вздыхала, отцу не перечила, но женским сердцем быстрей, чем отец, поняла, что не удержать птенца, коль решил он выпорхнуть из гнезда. Перед самым отъездом смирился и отец. Он, как делал в исключительно торжественных случаях, достал бутылку водки, посадил меня рядом за стол, но... выпить не дал ни грамма. Сидели молча...

На следующий день на Центральном стадионе Киева состоялись торжественные проводы завтрашних курсантов. Украина провожала и благословляла будущих защитников Родины. Над стадионом кружил самолет, пилотируемый летчиком Постышевым, сыном известного деятеля Коммунистической партии. Я смотрел на аэроплан с замиранием сердца и думал: "Неужели и я скоро вот так сумею кружить над землей? Неужели я, обыкновенный хлопец, Василий Шевчук, буду летчиком?.."

И вот мы в Каче - знаменитой школе военных летчиков, одном из старейших летных училищ страны. С гордостью и столь же большим неумением надевали военную форму: необмятые еще гимнастерки, буденовки со звездой.

Нужно было пережить все нетерпение во время занятий в теоретическом батальоне, прошагать немало часов на строевой подготовке и каждый день только смотреть, как над твоей головой летают другие. Следовало пройти школу суровой закалки рядового бойца, прежде чем впервые сесть в кабину самолета...

Незабываемы минуты первого полета, еще более памятны самостоятельный взлет и посадка. Учебный самолет. Боевой - Р-5. Время летит быстро, как земля под крылом. Записями инструктора в летной книжке остаются твои радости и огорчения,

удачные полеты и ошибки. Уже не думаешь над тем, как поднять хвост самолета при взлете, не потеешь, загоняя "шарик" в центр прибора. Уже неплохо стреляешь и ходишь по маршруту. Уже начинаешь считать себя летчиком, хотя вслух, понятно, об этом не говоришь. Но как далеко до этого на самом деле.

Эскадрилья, в которой я летал, где был старшиной, уже стояла на пороге выпуска. Но вот приказ: "Лучших курсантов-выпускников с самолета Р-5 перевести на И-16 и выпустить летчиками-истребителями". Жалко было расставаться с товарищами, первым инструктором лейтенантом В. Г. Поликановым, командиром эскадрильи майором А. В. Жуковым. Учили нас, не жалея ни времени, ни сил. Но честь ведь оказана высокая - летать на замечательном боевом истребителе Поликарпова.

Новый инструктор лейтенант С. М. Федоров нашу подготовку оценил положительно. Мы быстро закончили вывозную программу. Остался контрольный полет перед самостоятельным вылетом. Лечу с майором Т. С. Тарасенко.

Мне казалось, что выполнил я все нормально, как учили. Однако майор, не успев вылезти из кабины, резко бросил моему инструктору:

- Курсант к вылету не готов. Не видит землю, держится напряженно. Дать сто полетов на У-2. Отработать взлет, посадку, потом посмотрим.

Всем нам было хорошо известно, что у майора Тарасенко своя теория: из каждого потока нужно отчислить несколько курсантов, произвести так называемый искусственный отбор. И я понимал, что это - приговор всей моей летной жизни, так как если мы с инструктором и справимся с этой сотней полетов, то я все равно безнадежно отстану от группы. А главное, ясно, что дополнительная программа станет поводом для отчисления из школы.

Но так уж у меня в жизни случалось, что в трудную минуту на помощь всегда приходили замечательные люди. Прежний мой командир майор А. В. Жуков, узнав о решении Тарасенко, обратился к начальнику училища генерал-лейтенанту авиации В. И. Иванову. Умудренный жизненным опытом, Василий Иванович быстро разобрался в ситуации. Меня и еще такого же "неудачника" - курсанта Андрея Доду форсированно провели по всей программе на И-16. Зачетные полеты на госэкзамене я сдал на "отлично", так же как и остальные. Кроме одного - за материальную часть самолета и двигателя, к удивлению преподавателя и инструктора, всего-навсего "хорошо". Но она была счастливой, эта четверка.

Именно перед экзаменом по материальной части в моей жизни произошло необычайное событие: девушка Шура - Шурочка, Александра Васильевна полюбила долговязого курсанта Василия Шевчука и стала его женой...

Сейчас, в дни вынужденного лежачего безделья в санчасти, я много думал о Шуре, о маленькой дочке Эльвирочке. Как они устроились там, в незнакомом Тбилиси? Как с питанием, с одеждой? Хотя Шура и пишет, что неплохо, но верить этому трудно. Война.

Вспомнились вдруг все трудности и неприятности, которые ей пришлось перенести за нашу, такую еще недолгую супружескую жизнь. Первым огорчением была та самая пресловутая четверка на госэкзамене. Расстроилась страшно, ругала себя за то, что согласилась накануне идти в загс. Потом... Потом приехали в полк, к первому месту командирской службы. Женатых прибыло трое, а в городке не то что комнатки свободной - уголка нет. Молодых летчиков поместили в казарме, а куда женатых?

Как-то командир полка майор Дзусов увидел "посторонних" в общежитии:

- Женщины в мужском общежитии?! Как, жены летчиков? Безобразие! Кто разрешил привозить жен без согласия командира? Отправить по домам!

Долго шумел эмоциональный Ибрагим Магомедович. А успокоившись, вызвал начальника КЭЧ и приказал освободить, "где тот хочет", одну комнату на все три семьи... Только в конце года мы с Шурой получили отдельную комнату.

И ни разу она не жаловалась. С маленькой дочкой оставалась одна, мы все лето - в лагерях. За три дня до фашистского нападения Шура поехала домой, под Курск.

Однако, не успев добраться до дома, узнав о начале войны, она вернулась обратно... И вот сам - на фронт, а ее отправил в Тбилиси, а там ни квартиры, ни родных, ни знакомых...

Да, война... Какой она будет теперь для тебя, Василий Шевчук? А вдруг о позвоночником действительно что-нибудь серьезное?..

Заснуть удалось, когда в щелке между черной бумагой светомаскировки и рамой окна небо уже светлело. Разбудил меня страшный грохот. Домик санчасти тряхнуло от фундамента до крыши. Посыпались стекла. По дикому душераздирающему вою понял, что бомбят нас пикирующие бомбардировщики "юнкерсы".

Бомбежка продолжалась долго. Не успели уйти "юнкерсы", начали рваться снаряды. Полгода я на фронте. Был и под бомбами, и под зенитным огнем, и под трассами снарядов

"эрликонов" - скорострельных пушек, но в таком аду бывать не приходилось. С тревогой вспомнил майора, командира стрелкового полка: как сейчас у него, на передовой?..

В палату забежала сестра. Я отослал ее в укрытие. И мне не поможет, и сама погибнет. А девушка упирается, не уходит и упрямо пытается мне помочь. Не знаю уж, как, во я встал. Опираясь на ее худенькие плечи, еле волоча ноги (каждый шаг отдавался в спину), двинулся к выходу. Как выбрались на улицу и дошли до отрытой там щели - не помню, был, видимо, в полубессознательном состоянии.

Артналет сменился бомбежкой, после бомбежки - опять артналет. Судя по всему, в Семисотке находился какой-то штаб, и немцы это точно установили.

Когда ушли "юнкерсы" и немного затих артобстрел, сестра предложила добираться до окраины села.

- Там машины на аэродром ходят. Вас и возьмут...

Метров триста - четыреста, которые мы с ней преодолели не меньше чем за полчаса и с большим трудом, все-таки вселили уверенность, что не так уж все плохо у меня с позвоночником. Можно пересилить боль, а главное - можно двигаться.

Вскоре увидели зеленую полуторку. И через десять минут я очутился возле командного пункта полка.

В узкой неглубокой щели находился начальник штаба нашей дивизии полковник С. В. Лобахин. Он руководил полетами. Тяжелое, видимо, было положение в полку, если начальник штаба дивизии заменял командира части. Так и оказалось. Все способные летать на всем способном летать были в воздухе. Немцы бросили огромное количество авиации на передовые позиции наших войск, ближние тылы, аэродромы. И слишком малые силы нашей истребительной авиации противостояли этому натиску.

На аэродроме Семисотка сложилось критическое положение. Вражеские бомбардировки вывели из строя много боевых самолетов. Среди летнего состава имелись жертвы.

Полковник Лобахин с пониманием выслушал мой доклад и просьбу отправить на наш аэродром, но обреченно развел руками:

- Давайте подождем до вечера.

К счастью, ждать не пришлось. Часов в десять утра прилетел генерал Белецкий, увидел меня, узнал, удивился:

- Ты здесь?

Я коротко - все-таки обидно, что командующий не нашел времени сообщить обо мне, - доложил, как добрался сюда. Он тут же приказал вызвать на связь подполковника Кутихина.

Через час на аэродром Семисотка сел самолет-спарка УТИ-4.

И тут же над летным полем пронеслась четверка "мессеров". Повезло - неважными стрелками оказались фашистские летчики.

От капонира, куда самолет все-таки зарулил, примчался летчик нашего полка старший лейтенант Иван Ганенко, обнял меня:

- Ну, Василь, ну, молодец! Мы же тебя... Подожди трошки. Сейчас организую на самолете дырки залатать - и домой. Домой, брат!

Но генерал Белецкий, который, кстати, не обратил внимания на нарушение субординации, вылет на спарке запретил:

- Вашу спарку, как куропатку, подстрелят, а в "сопровождающие лица" выделить некого. Не стоит, товарищи, рисковать. Тебе, Шевчук, тем более.

Командующий секунду подумал и приказал отправить меня на наш аэродром автомашиной, а Ганенко срочно заняться самолетом.

- Немцы на левом фланге 44-й армии оборону прорвали, - озабоченно произнес генерал, - кто знает, что будет дальше. Мы пока держимся. Но нужно быть готовым ко всему. А главное - летать, летать и летать.

Мы не успели с Ганенко перебросится даже парой слов. Генерал торопил:

- Давайте, старший лейтенант, к самолету - и в готовность. За Шевчука не волнуйтесь, будет на месте.

Действительно, к двенадцати часам, после изнурительной тряски в кузове полуторки, я был среди своих.

Трудно сказать, кто больше радовался моему возвращению - я сам или ребята. Командир полка подполковник Кутихин - спокойный, выдержанный человек, не поддающийся, как он говаривал, минутным эмоциям, - обнял меня и расцеловал. И обнял-то так, что я невольно вскрикнул от боли.

Мой первый вопрос - о Степане Карначе. Наперебой летчики рассказали, что Степан сел на вынужденную, но рядом с аэродромом. Ранен в ногу, отправлен в Краснодар, в госпиталь.

- Шевчук, ты же у нас с довольствия снят и зачислен в списки пропавших без вести, - с досадой вспомнил начальник штаба полка майор Безбердый. Командир сегодня извещение родным подписал! - И он побежал в штабную землянку.

Оказалось, что Степан, ведя тяжелый бой с тремя самолетами (один он уже сбил), сумел рассмотреть, как вспыхнули два самолета - "мессер" и Як-1. Однако ни одного парашюта он не увидел. И это понятно, ведь судя по рассказу командира стрелкового полка, меня выбросило из самолета над самой землей.

Майор Безбердый с улыбкой протянул бумагу:

- Возьми на память. Теперь долго жить будешь. Только сейчас, читая этот трагический для моей жены документ, я понял счастье возвращения, представил, что было бы с Шурой, получи она извещение, гласившее, что "ваш муж, лейтенант Шевчук Василий Михайлович, пропал без вести после одного из воздушных боев".

Я не говорю о горечи утраты. В то время тысячи семей получали известия о гибели родных - и это невосполнимое горе. Но меня ужаснуло, что, погибни я, фамилия Шевчук навсегда осталась бы в списках пропавших без вести. Хотя извещение и давало надежду близким на возвращение без вести пропавшего, случалось такое редко. И человек считался ни живым, ни мертвым.

Вражеское наступление продолжалось. Возвратившиеся с задания летчики рассказывали, что немецко-фашистские войска продвинулись на южном побережье полуострова уже на тридцать километров. На нашем фланге идут ожесточенные бои.

Прилетевший Иван Ганенко сообщил, что немцы почти у самой Семисотки. Авиационный полк перебазировался на Таманский полуостров, куда-то под Анапу.

- Взлетали, на полосе снаряды рвались, - закончил он свой невеселый рассказ.

В этот вечер в землянке летчиков не было обычных разговоров о всякой всячине. Каждый думал об одном - о тяжелых боях, которые шли в нескольких десятках километров от нас. И только изредка, когда кому-нибудь становилось невмоготу от тяжелых мыслей, обменивались незначительными репликами.

- Говорят, что наш полк - в тыл, на переформирование, - без всякого выражения произнес вдруг Головко.

На эти слова среагировали все. Особенно горячился Ганенко:

- Не поеду! Убейте, не поеду. Тут каждый летчик, каждый самолет на счету, а они - в тыл. Комиссар, как считаешь? - обернулся Иван ко мне.

Что ответить ребятам? Я сам считал, что в тылу и мне делать нечего. Драться нужно. Ведь авиации так не хватает!

Но об этом я только подумал, вслух же сказал то, что должен был сказать:

- Прикажут - поедем в тыл. Это значит, что на наше место пришлют свежий полк, а может быть, и не один. А главное, не волнуйтесь. Я, например, не отвечаю за достоверность информации лейтенанта Головко.

И тут же вспомнил, каким виноватым Виктор Головко выглядел в первые минуты встречи.

- Командир, из-за меня все случилось, - опустив голову, тихо проговорил он, когда мы остались одни. - Нужно было мне до конца с вами... Я же спокойно до аэродрома долетел, ничего не случилось. Может, и бой провел бы...

Как мог, успокоил я его. Тем более что на его самолете действительно была повреждена система охлаждения.

Сморенные усталостью тяжелого дня, пилоты засыпали. А я, оказавшись в привычной обстановке, среди своих, заснуть не мог. И безмерно был счастлив, что попал наконец домой, и тревожился: что будет завтра? Остановим ли немцев? Как Степан, когда с ним увидимся? О себе не волновался, почему-то был уверен, что спина скоро перестанет болеть. Сегодняшний день доказал, что передвигаться я могу, пусть даже с посторонней помощью. Если вспомнить, что неделю назад, в первые дни после прыжка, был не в состоянии пошевелиться прогресс очевиден. "Значит, должен поправиться, значит, буду летать", думал я, засыпая под далекий пока еще гул передовой, под мерное дыхание уставших товарищей...

Противник наступал по всему Керченскому полуострову. Главные его силы, действуя вдоль Феодосийского залива, быстро продвигались вперед. Развивая успех, они стали угрожать тылам нашей 51-й армии. Ее войска вели ожесточенные бои в районе Керчи, прикрывая эвакуацию наших частей на Таманский полуостров. Авиация противника ожесточенно бомбила и штурмовала районы переправ. Летчики делали по пять-шесть вылетов. Но не хватало горючего, боеприпасов. Вылетая небольшими группами, мы в каждом бою с превосходящими силами врага несли потери.

Ребята не появлялись целыми днями. Я еще больше чувствовал свою беспомощность, проводя долгие часы в одиночестве. Успокаивал себя тем, что мне с каждым днем лучше и в конце концов встану на ноги, а главное, начну летать. Часто, когда никого не было в комнате, пытался подняться и сделать хотя бы несколько шагов самостоятельно - не получалось. Острая боль, казалось, что позвоночник прокалывают раскаленные иглы, - и я, почти теряя сознание, падал на брезент.

Однажды зашел батальонный комиссар Меркушев. По всему было видно, что он только вернулся с задания.

Комиссар нашего полка был отменным летчиком: успевая выполнять многочисленные обязанности политработника, он никогда не упускал возможности подняться в воздух. Позднее Василий Афанасьевич Меркушев стал Героем Советского Союза. Летчики полка любили и уважали его, для меня, молодого комиссара эскадрильи, он был образцом для подражания.

Медленно снимая шлемофон, батальонный комиссар устало опустился рядом со мной на брезент, поздоровался.

- Чуть не сбили сейчас. Начали с тремя парами. Нас, правда, тоже пара, - горько усмехнулся Меркушев. - Одного свалили быстро. А тут еще две пары... Потянули мы с ведомым всю эту карусель ближе к нам, за пролив. Не пошли. - Василий Афанасьевич облегченно вздохнул, словно только сейчас вырвался из схватки, и смущенно, будто виноватый, закончил короткий рассказ: - Механик двадцать три пробоины насчитал. А хуже того, маслосистема разбита. Дня два на ремонт нужно.

Вид у Меркушева был изможденный, лицо осунулось. Позавчера он предлагал мне в госпиталь, но я отказался. Сейчас Василий Афанасьевич опять повел разговор о том, что лучше будет, если я поеду в госпиталь, как следует проверюсь, отдохну немного (это я-то устал!) и - снова на самолет.

Я возражал, настаивал на том, что это простой ушиб, что мне уже намного лучше.

- Василий Михайлович, я видел, как вы ходите. Поймите, я говорю прямо: а если это не ушиб, если что-то серьезное? Если вы запускаете травму?

- Товарищ комиссар!

- Все, лейтенант Шевчук, - переходя на официальный тон, сказал Меркушев, - я уже договорился насчет У-2. Готовьтесь, полетите в Краснодар, в госпиталь. Подлечитесь - милости просим.

16 мая меня доставили в 378-й военный госпиталь в Краснодаре, 19 мая враг занял Керчь, а 21-го наши войска во второй раз оставили Керченский полуостров...

Один из семи миллионов

...Женщина-хирург внимательно рассматривала рентгеновские снимки. Я не сводил с нее глаз, стараясь по выражению лица угадать свою судьбу - что с позвоночником?

Врач почувствовала на себе мой взгляд. Повернулась ко мне, улыбаясь. Но в улыбке, я понял сразу, не было радости. Той искренней, откровенной радости, с которой человек человеку сообщает хорошую новость.

.Да, дело серьезное. Но, цепляясь за маленькую надежду, непривычным умоляющим голосом все-таки спросил:

- Товарищ военврач, что там? Перелом? Трещина? Говорите сразу.

Хирург, положила мне на плечо руку и, продолжая улыбаться, сказала:

- Нет, дорогой товарищ Шевчук!

- ?!

- Нет, милый товарищ Василий, не перелом... а два перелома. Назовем даже так: компрессионный перелом одиннадцатого-двенадцатого грудных и первого-второго поясничных позвонков...

Я не поверил:

- Не может быть, Вера Павловна! Я три недели "путешествовал" с этим ранением. Даже ходил... Мне с каждым днем лучше...

- Дорогой мой! В этом ничего удивительного нет. Война. Мобилизуются все психологические и физические силы человека. Ведь сейчас у фронтовиков практически нет таких "мирных болячек", как грипп, воспаление легких, язва желудка...

Я сразу же вспомнил летчика штурмовика майора Шутта. С оторванной кистью руки, смертельно раненный, он пилотировал самолет, привел его домой, совершил посадку... А у меня все цело, все вроде на месте.

- Вера Павловна! Как же так?

- Товарищ Шевчук, можете убедиться сами. - Она протянула мне снимки. Обычно о таких переломах мы своим пациентам сразу не сообщаем. Положено подготовить больного. Но вам, летчикам, я сама убедилась, лучше говорить все начистоту. Многого я не обещаю. Сами, наверное, знаете, что в скелете человека самое важное и сложное - позвоночник.

Мы, хирурги, научились "ремонтировать" практически все суставы и кости скелета. А пот позвоночник... Во всяком случае пока нет управляемого, если хотите, научно обоснованного процесса лечения даже легких травм позвоночника. Хотя в практике имеются случаи если не полного, то вполне достаточного излечения. Человек начинает вставать, ходить, выполнять нетяжелую работу. Так что, дорогой друг, крепитесь, мужайтесь. Главное наберитесь терпения. Сейчас вас положат на жесткое ложе. Держитесь молодцом и верьте, верьте в то, что на ноги вы встанете, и обязательно встанете!.. Ну, а летать... тут уж не обессудьте.

Вера Павловна еще раз дружески похлопала меня по плечу маленькой крепкой ладошкой и вышла. Я проводил взглядом ее белоснежный халат. Вчера, когда меня привезли в госпиталь, в приемный покой из срочной операционной вышла хирург. Халат был в крови. Не глядя на меня, устало спросила сестру: "Тоже срочный?" Услышав, что нет, облегченно вздохнула, закурила и только тогда подошла к носилкам. Вспомнил ее извиняющийся усталый голос: "С ног падаю. Вторые сутки. Операция за операцией..."

Ни разу я не кричал от боли, а от этих слов хотелось закричать: "Вера Павловна! Мне не только на ноги встать! Мне

летать, летать нужно!"

За дверью, в коридоре, застучали костыли, послышался смех. После кино возвращаются соседи по палате. Первым врывается, понятно, Степан... Да, Степан Карнач - командир мой и товарищ. Вчера, когда меня привезли и положили к нему в палату, Степан прямо-таки обалдел от радости и удивления.

Я-то знал, что Карнач в Краснодарском госпитале. Поэтому еще в приемном покое попросил место в его палате. К счастью, там оказалось свободное.

Для Степана же мое появление не только в палате, но, как он выразился, "на этом свете", было неожиданным. У самого Карнача осколок снаряда попал в ногу, раздробил щиколотку.

Недаром, видно, земля круглая, Как бы судьба ни разбрасывала людей рано или поздно они находят друг друга. Особенно много таких неожиданных встреч у летчиков. У нас всегда много однокашников: с одним учился когда-то в летной школе, с другим был на переучивании, с третьим коротал время в ожидании погоды на каком-нибудь заштатном аэродроме. В любом авиационном городке практически можно увидеть знакомого. Ну, а фронтовики нередко встречаются и так - в санбатах, санчастях, госпиталях.

В палате оказались еще два летчика из нашего полка - капитан Иван Базаров и старший лейтенант Павел Шупик. Пятым был Дмитрий Глинка, с которым мы в Свое время учились в Качинской летной школе, потом вместе служили в авиационном полку И. М. Дзусова. Короче говоря, коллектив достаточно сплоченный, чтобы сообща бороться с ранами, травмами, ожогами, полученными в боях...

Все пилоты, кроме меня, ходячие - с костылями, с палками, но ходячие. А я, основательно закованный в гипсовый панцирь, лежал на жестком щите из досок, покрытом простыней, без права изменять свое положение. У меня даже изъяли мягкую подушку и подложили другую, состоящую, по-моему, из одной наволочки. Такова воля Веры Павловны Авроровой. И хотя она предсказала уже мое "нелетное" будущее, хотелось верить в более благополучный исход, и я скрупулезно выполнял все предписания.

Ребята поначалу относились ко мне как к настоящему тяжелобольному: "Вася, тебе что-нибудь принести?.. Василий Михайлович, вот тут от обеда пирожки остались, пожуй... Шевчук, свежие газетки принес..." Не обходилось, конечно, без обязательных госпитальных шуток, связанных с суднами и "утками".

И благодарен я был за эту трогательную заботу. И

расстраивала она меня: тяжело чувствовать себя беспомощным. Соседи-летчики быстро все поняли и старались делать вид, что я такой же раненый, как и они. Придет время, встану на ноги, получу документы - и в часть...

У них дело шло на поправку. Все чаще и чаще днем они уходили из палаты - размяться, побыть на воздухе. Вечерами, после отбоя, все больше разговоров о фронте, о воздушных боях, о самолетах. Спорили о преимуществе одних и недостатках других истребителей, о тактических приемах, о боевых порядках.

Жаль, не вел я тогда записей, да и запрещено это было фронтовикам. А такие вечерние, а подчас и ночные беседы (смотря, какой врач дежурил) могли бы составить неплохое пособие по тактике ведения воздушного боя. Во всяком случае, в них немало ценного боевого опыта. На фронте для тщательного разбора полетов, глубоко осмысленного анализа действий летчиков просто не хватало времени. Несколько вылетов в день изматывали людей. Командиры старались дать возможность пилотам хоть немного отдохнуть. Если и шел разговор о проведенном бое, то очень короткий, конкретный. Такой-то летчик действовал правильно, такой-то запоздал с разворотом, третий начал стрельбу с дальней дистанции а длинными очередями... Итог воздушного боя определяли результаты: сбили противника - хорошо, нет - плохо, потеряли своего - в полку траур.

А здесь, в хирургическом отделении госпиталя, мы вели разговор о своих боевых делах отвлеченно, абстрактно. Чаще и основательнее вспоминали теорию воздушного боя, стрельбы, тактики, обдуманно аргументировали свои заключения. Более глубокому, профессиональному разговору способствовало и то, что все пятеро - уже обстрелянные бойцы.

О Степане Карначе говорить не приходится - с первого дня войны в боевом полку.

Капитан Иван Базаров тоже имел личный счет сбитых самолетов, отличался большой смелостью и решительностью.

О Павле Шупике, его мастерстве можно сказать многое. Стоит вспомнить лишь один бой, который он провел на глазах у всего полка весной этого года.

Павел облетывал только что отремонтированный истребитель в зоне. Над нашим аэродромом появилась четверка Ме-109. Они выискивали жертву взлетающие или заходящие на посадку самолеты. Павел из зоны заметил противника. Соотношение сил не в его пользу. Больше того, он имел полное право не вступать в бой. Неизвестно, как поведет себя самолет после ремонта. Но Шупик принял одно решение - атаковать!

Все мы, кто был в это время на аэродроме, в бессильной злобе смотрели на самоуверенные маневры гитлеровце". И вдруг...

К четверке фашистских истребителей на огромной скорости со стороны солнца приближается остроносый "як". Короткая очередь из всех пулеметов - и самолет ведомого одной из пар, клюнув, словно наскочил на препятствие, пошел к земле. А краснозвездная машина делает небольшой разворот. Томительно проходят несколько секунд сближения - и новая очередь советского истребителя. Второй вражеский самолет валится на крыло, пуская клубы дыма, переворачивается в воздухе - и вниз. Оставшаяся пара "мессеров", явно ошарашенная дерзкой атакой, не пытаясь даже разобраться в воздушной обстановке, уходит к линии фронта. Наш истребитель пытается их догнать, но те уже далеко.

"Як" разворачивается и с ходу садится. По бортовому номеру узнаем самолет нашего полка. В кабине - Павел Шупик. Его подхватывают десятки рук, подбрасывают в воздух.

Трудно переоценить значение этой победы. Во-первых, наши техники, мотористы, механики своими глазами увидели результаты нелегкого труда. Во-вторых, бой поучителен для нас, летчиков, видевших его с земли во всех деталях. Это пример решительности, боевой активности, тактического и огневого мастерства. Стремительными, умелыми действиями Павел Шупик показал, что внезапность, скорость, точный маневр и меткий огонь позволяют даже при невыгодном соотношении сил не просто бороться с противником, но и добиваться блестящей победы. Два самолета в одном бою ни один летчик полка еще не сбивал.

Важным результатом этого боя можно считать неизмеримо возросшую уверенность летного состава в скоростных, маневренных и огневых возможностях истребителя Як-1.

Сам Павел Шупик здесь, в госпитале, признался, что он не рассчитывал на вторую победу и, честно говоря, сомневался в конечном исходе боя. Надеялся, что отвлечет внимание гитлеровцев от аэродрома, и тогда на помощь смогут взлететь товарищи. Если же этого не произойдет, то... Но. когда он увидел, что первая очередь поразила цель, не теряя скорости, сразу же выбрал для атаки самолет ведущего...

Шупик весьма критически оценивал свои действия. По его словам, второй самолет он сбил не потому, что рассчитал это заранее, а "так уж получилось". Ведь во время атаки он очень невнимательно следил за действиями второй пары. И если бы немецкие летчики не растерялись, быстро оценили обстановку, то могли бы его атаковать.

Я, пришлось к слову, рассказал о своих действиях в последнем бою, окончившемся и победой над врагом, и потерей моей боевой машины. Единогласно пришли к выводу: в бою ни на мгновение, даже в самые напряженные моменты атаки, нельзя забывать о воздушной обстановке в целом, о действиях всей группы противника.

Дмитрий Глинка, продолжая разговор, начал рассуждать о ведомых летчиках, о взаимоотношениях ведомого и ведущего, о сколоченности пары, звена.

- Вспомни, Василий Михайлович, ты до войны в полку Дзусова был моим командиром звена, как у нас ребята летали! А? Без радиосвязи понимали друг друга.

- Кто же спорит, - вступил в разговор Иван Базаров, - не успеваем сейчас парой слетаться. Ведомых-то, особенно молодежь, погонять бы надо как следует в зоне, парой попилотировать, потом показать, как другие немцев бьют, и только тогда уже брать в бой...

Была в этих словах горькая правда. Не хватало тогда времени для ввода молодежи в боевую обстановку, сразу приходилось брать неопытных ребят в бой. И нередко молодые летчики не только не могли прикрывать ведущего, но и становились жертвой вражеских истребителей. Гибли, конечно, и опытные бойцы, но молодежь попадала под огонь чаще...

Немало поучительного рассказал нам Степан Карнач. Я, хотя и воевал с ним бок о бок, сейчас прямо-таки удивлялся его знаниям летной тактики противника, аргументированно критической оценке собственной работы. Он подробно мог анализировать каждый свой воздушный бой. Как и почему выбрал именно такой маневр для атаки, почему в одном случае подошел почти вплотную к "юнкерсу" и бил короткими очередями по двигателям, а в другом - открыл огонь с дальней дистанции по стрелку вражеского самолета. "Дело в том, пояснял Карнач, - что, если я захожу на него со стороны хвоста и буду стараться подойти как можно ближе, стрелок может сбить меня раньше. А мои короткие очереди с дальней дистанции не позволяют ему вести прицельный огонь... Понятно, что, если мы наваливаемся на него внезапно или под другим ракурсом, когда стрелку неудобно вести огонь, тут уж ты король. Подходи ближе и бей наверняка".

Очень дельные суждения были и у Дмитрия Глинки. К примеру, о том, что в бою каждую секунду нужно думать и за себя, и за противника: "Видеть не только самолет с крестами, но и человека, который его пилотирует, ведь дерешься ты не с самолетом, а с летчиком..." В этих словах звучала незабываемая аксиома И. М. Дзусова: "Летает не самолет, а летчик на самолете".

Чувствовалось, что за несколько месяцев войны летчик Дмитрий Глинка очень повзрослел, возмужал. На его счету уже несколько самолетов противника. Вспомнили мы с немногословным Дмитрием, как однажды чуть не попали в беду весной сорокового года, когда служили в полку майора Дзусова.

Как командир звена, я проверяя у Дмитрия Глинки технику пилотирования на спарке УТИ-4. Кто летал на этом самолете, созданном для подготовки летчиков к полетам на истребителе И-16, знает, что управление шасси на нем выполняется из второй кабины системой тросовых проводок.

Взлетели, Глинка повел самолет с набором высоты в зону, а я во второй кабине посматриваю на "капот-горизонт", на приборы и кручу катушку (чтобы убрать шасси, нужно сделать шестьдесят оборотов). И вдруг - стоп, обратного хода тоже нет.

В инструкции по эксплуатации УТИ-4 на этот случай даны четкие рекомендации: "Кусачками, которые находятся на правом борту второй кабины, перекусить силовой трос уборки шасси. Шасси выйдет и встанет на замки под тяжестью собственного веса".

Однако в брезентовом кармане на правом борту кусачек не оказалось. Положение складывалось незавидное. На полуубранное шасси садиться опасно. Тут можно сделать и "капот", и вообще поломать не только самолет, но и собственную голову. С земли неполадку заметили: следом за нами взлетел на И-15бис командир. На борту его самолета крупно написано: "Перекуси". Манипулируя руками, объяснили ему, что перекусить нечем.

Пошли в зону пилотажа. Создавали перегрузки до потемнения в главах. Такой способ выпуска застрявшего шасси тоже был. Но он не дал результата. Я приказал Глинке держаться руками за борт и повел самолет на посадку. Садился - как никогда в жизни. Плавным движением руки "выбирал" аккуратно каждый сантиметр высоты после выравнивания. Но как ни мягко было касание колес о землю, шасси сложилось. Дмитрия выручило то, что он держался за борт, а меня при резком торможении бросило вперед, и лицом я ударился о борт...

Ожоги у меня почти прошли. Только кожа еще кое-где не успела огрубеть.

Глинка заметил, что я трогаю рукой лицо.

- Что, Василий Михайлович, вспоминаешь синяки и шишки от той посадки?

- Не только их. Вообще не везет моей физиономии: то разбил, когда приземлялся, то подгорел.

- Брось, Вася, с лица воду не пить, - и, явно стараясь отвлечь

меня от мыслей о ранении, Глинка перешел к более приятным воспоминаниям. Начал рассказывать присутствующим, как мы, придя в полк, отрабатывали точную посадку и устроили соревнования: посадить самолет так, чтобы его костыль попал точно на фуражку, брошенную возле посадочного знака. - И кто, вы думаете, с первого захода сподобился сесть? Шевчук. Пришлось, правда, ему новую фуражку хозяину покупать...

Так вот, в разговорах, спорах, воспоминаниях о серьезных вещах и анекдотичных случаях, коротали время обитатели нашей палаты. Степан Карнач часто присаживался ко мне, и мы подолгу говорили о семьях, о боевых делах полка, о живых и погибших товарищах. Но вот однажды Степан спросил, написал ли я обо всем жене.

Нет, о повреждении позвоночника я ей не писал. Сообщил, что лежу в госпитале. Небольшая рана. Скоро заживет.

- Понимаешь, Степан, не хочется расстраивать. Она же какая у меня... Бросит все и примчится сюда, да о дочкой! А я не хочу, чтобы она меня таким видела, чтобы поняла, как мне сейчас плохо... А главное, намучается в дороге.

Степан с улыбкой перебил:

- Василий, извини меня, но ты это не от великого ума придумал. Во-первых, она не верит, что лежишь ты с "небольшой раной". Понимает, наверное, что сейчас с царапинами в тыловой госпиталь не отправляют. И только больше расстраивается. Напиши все как есть. Или боишься?..

Ни разу за все время разлуки я даже не подумал, что в наших с Шурой отношениях что-то может измениться. Нет и не должно быть причины для этого. Даже здесь, в госпитале, когда одолевали мысли о ранении, мне не приходило в голову, что она... Я помнил каждую минуту нашей жизни, и каждая доказывала, что нашу любовь, наше уважение друг к другу не победят никакие обстоятельства...

- Ну ладно, Степан, а сам ты веришь, что я поднимусь?

Карнач горячо, убежденно произнес:

- Конечно, Василь. И поднимешься, и ходить, и даже бегать будешь. Или я тебя не знаю?

- Степан! Мне в небо подняться надо. Летать, воевать! Понимаешь воевать, а не ходить и бегать...

Карнач понял свою оплошность. Хотел сказать что-то успокаивающее, но обреченно махнул рукой:

- Василий, в том, что ты встанешь, сомнений нет. Но нужно смотреть правде в глаза. Летать? Во всяком случае, летать сразу - не рассчитывай. А воевать будешь, Василь. Встанешь на ноги, оставят тебя в армии - приезжай в полк. Все будут рады. Кутихин,

Безбердый тебя к нам возьмут. В штабе место всегда найдется...

Если даже человек, который лучше других знает меня, не верит, что я буду летать, как быть? Махнуть на все рукой? Нет, сдаваться я не мог. Мы еще поборемся. Сейчас только бы встать на ноги...

Но пока я неподвижно (Вера Павловна предупредила: чем меньше движений, тем быстрей возможное выздоровление) лежал на своем дощатом ложе и самозабвенно мечтал о том времени, когда наконец поднимусь на ноги. Я не жаловался, не сетовал на судьбу. Особенно напрягался, когда приходила Авророва: шутил и смеялся вместе со всеми. Она, правда, весьма подозрительно посматривала на меня, когда на вопрос: "Побаливает?" - я как можно увереннее отвечал: "Ни капли!"

Но чем дальше, тем трудней мне было играть роль этакого лентяя, лежебоки на госпитальной койке. Постепенно стал очень мнительным, настороженным. Стоит ребятам обменяться парой слов так, что я не слышу, о чем речь, кажется, что они жалеют меня. Нахмурится лишний раз Вера Павловна - плохи, думаю, мои дела.

А ей просто-напросто было трудно. Хороший хирург, В. П. Авророва по многу часов проводила в операционной. Поток раненых увеличивался. Фашисты снова форсировали Керченский пролив и уже наступали на Таманском полуострове, продвигались к Нижнему Дону, стремясь овладеть Северным Кавказом.

Врачам приходилось работать без устали. И все-таки Вера Павловна находила минутку-другую, чтобы забежать к нам в палату, рассказать новости, пошутить. Как могла, она поддерживала настроение раненых, вселяла уверенность в скором возвращении в строй.

Да, как это ни кажется странным, смеялись мы и тогда, в суровые дни лета 1942 года. Смеялись, рассматривая в газетах остроумные карикатуры Кукрыниксов, смеялись, слушая по радио злые и веселые куплеты Леонида Утесова. Смеялись, подшучивая друг над другом. И смех, как лекарство, помогал побеждать и недуг и хандру. Смех - это оптимизм, вера в то, что наше дело правое и, как бы трудно ни было, победа - за нами.

В госпиталь часто приходили шефы: школьники Краснодара, работники заводов, профессиональные артисты. Каждое посещение умножало душевные силы, вызывало желание быстрее выздороветь.

И опять я верил, что буду в воздухе и еще не раз в сетку прицела моего истребителя попадет зловещий крест вражеского самолета.

Быстро летело время. Уходили, подлечившись, одни,

прибывали новые раненые. С трудом выписавшись раньше срока, уехал в часть Иван Базаров. Откуда-то узнал, что наш полк перебазируется на Крымский полуостров на помощь осажденному Севастополю. Разъезжались и остальные обитатели нашей палаты. Только я продолжал по-прежнему лежать на дощатом щите. Позвоночник болел. Но все реже наступали приступы резкой боли. Она стала глухой, томящей. Я воспрянул духом, довольна была и Вера Павловна Авророва.

- Ну вот, товарищ Василий! - с обаятельной улыбкой говорила она. Скоро, пожалуй, я вам разрешу подниматься.

И эти слова действовали на меня лучше любого лекарства.

Угнетало другое: немецко-фашистские войска продолжали наступление, наши наземные части вели упорные оборонительные бои. Вновь прибывшие раненые летчики, которые многое видели "сверху", рассказывали, что у противника на краснодарском и ставропольском направлениях много танков. Сухая летняя погода, равнинная местность позволяли использовать их очень эффективно.

В начале июля было опубликовано сообщение Совинформбюро "250 дней героической обороны Севастополя", в котором рассказывалось о героизме его защитников, о последних ожесточенных боях, приводились цифры вражеских потерь. Дорогой ценой расплатились немецко-фашистские войска за взятие севастопольской твердыни.

После этого сообщения мне не давали покоя мысли о судьбе полка, боевых товарищей. Где они сейчас? Кто остался жив? Кого еще занесли в списки боевых потерь? Как Виктор Головко? Он ведь уже должен стать ведущим пары. Успел ли Иван Базаров попасть в полк до перелета под Севастополь? Вряд ли теперь я скоро узнаю об этом.

Неуютно в холодном, жестком гипсовом кожухе, трудно лежать почти без движения и совсем тяжело от недобрых дум и бесконечных сомнений... Но вот однажды в палату вошла Вера Павловна. Вошла, как всегда, с улыбкой на милом, приветливом и очень усталом лице. Подошла к койке, но не села, как обычно, на табуретку, а отодвинула ее ногой в сторону.

- Ну-ка, вставайте, уважаемый товарищ Василий, - произнесла она строгим и будничным голосом, словно я лег пять минут назад.

Ни в коей мере, даже на малейшее мгновение, не принял я слова врача всерьез.

- Вставайте, вставайте. Хватит гонять лодыря!

- Вера Павловна?! - До меня стал доходить смысл сказанного.

- Товарищ Шевчук! Долго я вас буду уговаривать? Учтите, у

меня очень мало времени. Раненых много. Вставайте!

Мне стало так страшно, как никогда, пожалуй: лицо покрылось холодной испариной, руки, которыми пытался взяться за доски щита, мелко, предательски дрожали и совершенно не слушались меня.

Сколько раз я думал, мечтал об этих минутах, сколько раз мысленно проделывал необходимые движения! А оказалось гораздо сложнее. Не без труда удалось мне приподняться на постели. А уж как меня развернули и помогли встать - почти не помню. В глазах все вдруг поплыло, закружилось, и я сразу же опустился на койку. Боль электрическим током пробила позвоночник от поясницы до шеи. И только тут полностью осознал происходящее: "Мне же нужно ходить! Ходи-и-ить!" - заглушил я возникшую боль и без помощи санитара, взявшись за спинку кровати, встал. По-прежнему, словно палуба, качался пол под непослушными ногами, опять кружились в глазах лица, двери, окна... Но, подхваченный быстрыми руками Веры Павловны и санитара, я не упал.

...И вот под ободряющими взглядами соседей по палате делаю шаг, второй. Вряд ли это похоже на шаги, скорее всего, я просто потоптался на месте.

- Для первого раза хватит, - заключила Авророва. - Отдыхайте. Все будет хорошо. - Вера Павловна пододвинула табуретку и присела: - Дайте-ка пульс. Так, очень хорошо, дорогой товарищ Шевчук! И встали, и бегать будете!

Но я, совсем ошалевший от радости и от боли, не удержался:

- А летать?

- Опять двадцать пять. - Вера Павловна потрепала мне волосы. - Ходить научитесь, Шевчук, - и серьезно закончила: - Василий Михайлович, о полетах не может быть и речи...

Сейчас меня этот "приговор" не расстроил. Я был весь иод впечатлением своего "воскрешения". Долго лежал, возбужденный этим событием, лихорадочно прикидывал: "Отдохну. Снова встану. К вечеру "стояние" отработаю. Потом до двери самостоятельно. Потом в коридор. Потом..." Это "потом" рисовалось в самых радужных красках: я хожу, даже бегаю по госпитальному саду. Проходит полтора-два месяца, и выписываюсь, получаю документы. Нужно узнать, где наш полк, а вдруг где-нибудь поблизости?.. Если дадут отпуск, заскочу в Тбилиси - к жене, к дочке...

Но в конце июля, через неделю после того, как я впервые поднялся, началась эвакуация госпиталя. Немецко-фашистские войска угрожали Краснодару. Тяжелораненых красноармейцев увозили дальше, в тыл. Кто мог передвигаться самостоятельно,

уезжал на долечивание домой. Много людей, еще не совсем окрепших, возвращались на фронт.

Вера Павловна определила меня к тем, кого увозили в тыловые госпитали. Я, однако, воспротивился, так как уже научился ходить - сначала с костылями, а последние два дня даже с палочкой, правда, не больше двухсот - трехсот метров. Уставали руки, ноги, болела спина.

Но всем своим видом я доказывал Вере Павловне, что к тяжелораненым не отношусь.

- Кого вы обманываете, Шевчук? Меня? - негодовала врач. - Что вы улыбаетесь? Это гримаса боли, а не улыбка... Что мне с вами делать?

В конце концов я предстал перед военно-врачебной комиссией, которая после долгого совещания вынесла решение: "Из-за тяжелого ранения позвоночника, полученного в воздушном бою, предоставить отпуск сроком на два месяца с последующим определением годности к службе в военное время".

Я попросил уточнить: "...к летной службе". Мне строго ответили:

- Товарищ Шевчук! Шуткам здесь не место. Подобная травма исключает любые возможности возвращения к летной работе. Хорошо, если вы через несколько месяцев сможете возвратиться в армию на нестроевую должность. Практически мы не имели права вас сейчас выписывать из госпиталя. Но... обстановка, сами видите, сложная. Танки противника рвутся к городу. Постарайтесь найти попутчика и завтра, а лучше сегодня, выезжайте... Впрочем, выписывая вас, мы учитываем ваше желание. Подумайте как следует.

Я поблагодарил членов комиссии и повторил просьбу о выписке, хотя сам побаивался предстоящей дороги в Тбилиси. Эвакуация проводилась с большими трудностями - не хватало машин для перевозки раненых, обслуживающий персонал сбился с ног. Мне не хотелось быть лишней обузой. Я надеялся на свою физическую выносливость, а главное, меня подгоняла мысль о скорой возможности увидеться с женой и дочкой. Кроме того, в самом Тбилиси находился штаб Закавказского военного округа, где можно было бы узнать о дислокации нашего полка.

Вместо тяжелого гипсового панциря мне надели легкий корсет. Во второй половине дня, облачившись в свое выгоревшее до белизны, аккуратно выглаженное обмундирование и реглан, я пошел проститься с Верой Павловной.

- Если бы вы знали, дорогой товарищ Василий, какой грех я беру на душу, - встретила меня в ординаторской Авророва.

- Почему, Вера Павловна?

- Дело в том, Василий Михайлович, что из-за этой абсолютно преждевременной выписки из госпиталя вы можете на всю жизнь остаться инвалидом, а этого я себе не прощу никогда. - Вера Павловна помолчала. Хотя я уже не раз видела такое, что никак не укладывается в привычные довоенные рамки медицинских понятий. Но, так или иначе, о самолетах забудьте. Привыкайте к земле. И прямо скажу - будьте готовы к тому, что это на всю жизнь...

Вера Павловна прошла по опустевшей ординаторской, остановилась, улыбнувшись своей прежней улыбкой, достала из кармана халата два блестящих рубиновой краснотой эмали "кубика".

- Вот вам вместо подарка. И чтобы форму одежды не нарушали, товарищ старший лейтенант, - она протянула мне командирские знаки различия. - Ну, а вместо ордена могу только дырочку на гимнастерке провернуть.

Дорогой мой доктор! Милая Вера Павловна! Я и не подумал об этом. Воздушные бои, за которые я был удостоен ордена, стали уже далеким прошлым, а на моих глазах люди ежедневно вершили свой безыменный подвиг - подвиг возвращения в строй тысяч раненых. Каждый из нас кроме лечения получал от медицинских работников ничем не измеримую душевную теплоту, заботу, внимание. Каждого отъезжающего - а нас было очень много в те дни - всеми правдами и неправдами обеспечивали местом в поездах, что было совсем не легким делом. Сестра, с помощью которой я пробрался в вагон, предупредила соседей о том, что я тяжелораненый летчик, да еще наговорила такого о моем героизме на фронте, что мне стало не по себе...

Тбилиси встретил меня как прифронтовой город: затемненные окна, военные патрули, указатели "В бомбоубежище". По улице Руставели шел большой отряд ополченцев. Это было так неожиданно: Тбилиси всегда представлялся мне светлым, солнечным, говорливым. Я считал город надежно укрытым горами. Да и жена писала, что у них все тихо, все спокойно. Оказалось, что сюда не раз прилетали фашистские самолеты-разведчики, что город активно готовится к обороне.

Вот и улица, которую знал по письмам и куда стремился всем сердцем. Квартира номер... Жена писала, что получила прекрасную сухую и светлую комнату. Я представлял это жилье на втором этаже с балконом, увитым зеленью. А на самом деле еле разыскал в темном дворике вход в полуподвальное помещение. И... вот долгожданная встреча. Слезы неожиданного

счастья (жена даже не подозревала о том, что я могу приехать), заплакала даже дочка, испугавшись высокого, худого, небритого человека в реглане, с тощим вещевым мешком и палкой в руке. Да и как она могла узнать отца? Когда я уезжал на фронт, ей было полтора года.

Улеглись волнения первых минут встречи. Эльвира уже освоилась и играла у меня на коленях. Жена сбегала к соседям за керосинкой. Поставила большую кастрюлю воды (в дороге я основательно пропылился). Заставила меня чистить картошку, а когда увидела, как я срезаю кожуру, ахнула и отобрала у меня ножик. Из-под ее пальцев быстро потекли тонкие, почти прозрачные, как папиросная бумага, очистки.

Вода закипала. Жена приготовила таз, достала бережно завернутый в тряпицу кусочек мыла. Стесняясь, я начал раздеваться. Увидев мой "корсет", жена охнула и опять в слезы. Не без труда успокоил ее, приговаривая, что это временно, что уже все в порядке.

Я попросил чистое белье, помня, что где-то дома оно должно быть. Жена растерялась.

- А у тебя с собой разве нет?

Оказывается, весной заболела Эльвира. Нужно было усиленное питание. А откуда оно? По карточкам выдавали только хлеб с примесями да комбижир. На мой лейтенантский аттестат и скромную Шурину зарплату по рыночным ценам много не купишь. Выход предложила подруга. Нужно поехать в деревню и поменять кое-что из вещей на продукты.

А какие вещи были в то время у семьи лейтенанта? Пару своих приличных платьишек да мое белье - вот и все, что могла взять жена для обмена.

Исколесив с подругой много деревень, они нигде не нашли желающих приобрести вещи. Один повстречавшийся человек подсказал им, что в таком-то селе богатый народ, но ехать туда далеко. Подходили к концу деньги и последняя из взятых на дорогу горбушек хлеба.

Шура смеялась, рассказывая о том, как их без билета сняли ночью с поезда, посадили в какую-то комнатушку, где продержали до утра.

Утром, когда их отпустили, смогли обменять вещи и привезли маслица немного, крупы, картошки.

Да, наше дело на фронте было смертельно опасным. Но разве легко жить в постоянном страхе за близкого тебе человека - отца, сына, мужа, которых, ты знаешь, могут убить в любое время?

А тот, кто погибал, невольно перекладывал ответственность за своих детей, за их будущее на те же, такие слабые и такие

сильные женские, на уже вдовьи плечи.

С улыбкой... сквозь слезы, но с улыбкой, рассказывали при встрече женщины тыла мужьям-фронтовикам о своей жизни.

На следующий день я отправился в комендатуру встать на учет. У пожилого капитана, просматривающего документы, спросил адрес штаба округа. На вопрос: "Зачем?" - ответил, что хочу узнать местонахождение своего полка.

- Судя по документам о ранении, вам нужно искать госпиталь или, по крайней мере, гарнизонную поликлинику, товарищ старший лейтенант, посоветовал капитан. - Какой там полк! Пришьют вот такую нашивку, - он коснулся ладонью правой стороны груди, где желтел знак тяжелого ранения, и... Я третий месяц в действующую прошусь. Батальоном командовал. А тут письмоводитель, штампики фронтовикам ставлю, - он иронически серьезно выбрал из коробки какую-то печать, подышал на нее и шлепнул на мой отпускной билет. Взял ручку, вывел дату.

- Вот так, товарищ старший лейтенант, встали вы на учет двенадцатого августа, а одиннадцатого, вчера, Краснодар сдали. А я штампики ставлю... Вот так, - повторил он, словно издеваясь над собой.

Чувствовалось, что на душе у капитана наболело, и я убедительно попросил дать мне адрес штаба округа.

- Надеешься? - перешел он на "ты". - Это хорошо. Я тоже надеюсь. Не может быть, чтобы мы, старые вояки, не понадобились. И мы еще, - показал он кому-то кулак, - повоюем!

"Мы еще повоюем!" - эти слова стали теперь и моим лозунгом.

В штабе округа сведений о 247-м истребительном авиационном полку пока не было, но обещали узнать адрес. Командир, с которым я беседовал, повторил мысль капитана из комендатуры: о фронте мне лучше не думать.

- Вы не волнуйтесь. Подлечитесь, получите решение медицинской комиссии, и мы вам найдем место, - заключил он беседу.

Оставалось действительно одно - скорей подлечиться. В военной поликлинике меня встретили заботливые люди, такие же, как и в госпитале: назначили целый -комплекс процедур, а вскоре посоветовали заказать легко снимающийся корсет специальной конструкции. Дали адрес сапожника, пояснив, что он может сшить все.

Старый грузин, долго не понимавший, что от него требуется, наконец разобрался и горячо взялся за дело. Тщательно сняв мерку, усадил меня тут же в угол на что-то мягкое, прикрытое ковром, поставил чай.

- Сиди, дарагой. Будет тебе такой карсэт... Зачем карсэт? Это женское слово. Тебе жилет сдэлаем. Кольчугу сдэлаем.

Потом долго что-то рисовал на старой газете, перечеркивал, снова водил огрызком карандаша. Он даже не взглянул на рисунок "кольчуги", выданный мне в поликлинике. Ловко орудуя остро заточенным ножом, что-то выкроил из обрезков брезента и кожи.

Старик все делал точно рассчитанными движениями, не торопясь, но и без малейшего промедления: что-то прошил на старенькой швейной машине, взял две иглы, и они быстро заскользили навстречу друг другу. Работал молча.

Спустя некоторое время мастер попросил меня снять гимнастерку и, примеряя этот ладно сшитый "жилет", все приговаривал:

- Вот так, дарагой. Старый Вано не знает, зачем это. Но он понимает, что это нужно воину. А раз воину - значит, он сделает быстро и хорошо.

Действительно, корсет, или, как его назвал сапожник Вано, "жилет", плотно облегал мою фигуру от пояса до шеи. Его можно было затянуть туже, слабей, а главное, можно было снять и дать отдохнуть телу.

Старик долго любовался своей необычной работой. Ходил вокруг меня, цокал языком и вовсю нахваливал себя:

- Ах, какой старый Вано молодец! Какой молодец! Никогда такой вещи не шил. А тут сшил. Как сшил? Пасматри, дарагой! Сам пасматри! Всю жизнь Вано сапоги шил. Хорошие сапоги шил. А такого не пробовал. А сшил! Мастер Вано!

Я уж грешным делом подумал, что мастер Вано, так восторженно нахваливая себя, набивает цену. Но не успел я дотронуться до кармана, чтобы достать деньги, старый сапожник перехватил мою руку.

- Не абижай, дарагой. Я это не тебе лично делал. Я это Красной Армии делал. Если хочешь - Советской страна делал. А ты - дэнги хочешь платить. Не абижай.

Старик заставил меня пройтись по комнате, наклониться, присесть, потянуться. Было больно, но я не мог не доставить ему удовольствия. "Жилет" почти не стеснял движений и в то же время плотно облегал торс, не царапал тело, как мой высохший и обтрепанный гипсовый корсет.

Потом мы пили с ним крепкий душистый чай с изюмом

вместо сахара. Старик рассказал о своих сыновьях. Старший - командир, воюет на Севере, недавно прислал письмо: сообщает, что все в порядке, наградили орденом. Младший, в этом году кончивший школу, находится в Тбилиси.

- Воевать учится, - с гордостью рассказывал мастер Вано, - он по горам ловко лазит. Враг думает Кавказские горы взять. Не выйдет! Сам ружье возьму, на перевал пойду, бить фашиста будэм! - горячился он.

"Кольчуга" мастера Вано сослужил" мне неоценимую службу. Хитроумной конструкции, сделанный на совесть, корсет жестко фиксировал позвоночник, страховал поврежденные позвонки. В то же время он почти не мешал движениям рук, корпуса и позволял выполнять ряд физических упражнений, не дававших суставам привыкнуть к неподвижности.

Мне это уже практически не грозило. "Жилет" легко можно было снять и сделать массаж, очень способствующий восстановлению эластичности и подвижности позвоночника. В нем я чувствовал себя более уверенно, не опасался неосторожных движений и с каждым днем все больше и больше ходил по городу. Пробовал даже забираться в горы, чтобы дать организму максимальную нагрузку. Здоровье заметно улучшалось. И хотя врачебная комиссия, перед которой я предстал после окончания отпуска, продлила его еще на месяц, до конца сентября, я почти уверовал в полное свое выздоровление.

В штабе, куда я периодически заходил узнать о своем полку, предлагали (если врачебная комиссия оставит в армии) должность диспетчера в отдел перелетов. Я понимал - кому-то нужно быть и диспетчером, но себя видел только в кабине истребителя и не только в мечтах. Я готовился к полетам, каждый день по нескольку раз занимался тренажом. Мысленно представлял кабину самолета, ребристую ручку управления в ладони, видел прицел, приборную доску, припоминал каждую царапинку на ней. Вот эта - зигзагом идущая слева от высотомера - небрежность механика: отвертка соскользнула. В верхнем правом углу - вмятина от осколка зенитного снаряда. Кусочек металла, который мог попасть в меня, на память взял механик.

Но не только эти особенности отличали мой истребитель. Он, как и любой самолет, как человек, имел свой характер, отличия от других машин Я знал их до малейших тонкостей. Знал, что при разбеге нужно чуть повременить поднимать хвост, что во второй половине боевого разворота он очень чутко реагирует на дачу ноги, а при выводе из пикирования больше, чем на других самолетах, следует выбирать ручку из нейтрального положения. Я

знал каждую заплатку на его теле, которые накладывали заботливые руки механика после боя. Я знал его слабые и сильные стороны лучше, чем свои собственные.

Сейчас, дома, в полутемной комнате я садился на стул, как в чашу сиденья самолета, и мысленно, повторяя все действия, взлетал, пилотировал, вел бой, садился. Это была не детская игра, а настоящая продуманная до мелочей тренировка. Еще инструктор в летной школе говорил: "Десять раз слетал в воображении, считай, что один раз был в воздухе". Во время такого тренажа я нередко ловил себя на неправильных "действиях": то пропущу что-то, то нарушу последовательность в распределении внимания - тогда все сначала: с посадки в кабину, со взлета. Словом, готовился так, будто завтра вылет. А когда он будет на самом деле?..

Вести с фронта были неутешительные: жестокие бои шли в предгорьях Кавказа, от Тбилиси до противника - чуть больше ста пятидесяти километров, в Сталинграде критическое положение.

В эти дни я и пришел на военно-врачебную комиссию. Физически я чувствовал себя неплохо: ходил свободно, мог поднимать и переносить тяжести, небольшие, правда, при наклоне пальцами рук доставал почти до пола. Хотя в позвоночнике и возникала боль, я уже научился ничем не выдавать ее. В общем считал себя годным к военной службе и был убежден, что нужен фронту.

В ожидании вызова в кабинет произошел инцидент, надолго оставивший у меня неприятный осадок. Я сидел, поставив палку между колен, положив на нее руки. Рядом присел старший лейтенант. Поздоровался. Я кивнул головой. Разговаривать не очень хотелось: все-таки волновался и сейчас продумывал еще раз свое поведение перед врачами. Но старший лейтенант оказался разговорчивым парнем: сначала рассказал про свое ранение, потом начал расспрашивать меня.

Я неохотно ответил:

- Позвоночник.

Старший лейтенант аж подскочил на стуле.

- И ты на фронт хочешь?! Да с такой раной... цепляй себе желтую полоску на грудь и ходи гоголем. Мне бы такое... Я, старшой, хочу сачкануть от армии, во всяком случае, от действующей! Не могу больше на фронт. Я уже кровь за Родину пролил! Хватит. Пусть другие воюют...

Не знаю, какие слова меня больше задели - то ли "пусть другие воюют", то ли кощунственно прозвучавшие: "кровь за Родину пролил". Первый раз и последний слышал я, как спекулируют "кровью за Родину". И хотя никогда не отличался

вспыльчивостью, кулаки у меня сжались сами по себе - сейчас получит... Но тут меня, к счастью, пригласили в кабинет. Судьба моя решилась быстро. Заключение комиссии как приговор: "Ввиду тяжелого ранения позвоночного столба признать негодным к летной службе. Считать возможным использование в военное время на нестроевой работе в тыловых частях". Не помогли никакие мои просьбы, доводы. Непреклонный вид всех без исключения членов комиссии говорил: "Сделать ничего не можем".

Не помня себя, вышел из кабинета, машинально поискал взглядом оставленную палку: ее не было. Как не было и того старшего лейтенанта. Ну что ж, считай, ему повезло, догадался убежать. Не то поколотил бы, а палку жалко: подарили в Краснодарском госпитале, когда поднялся и начал ходить. Один из соседей по палате выжег на ней увеличительным стеклом целую батальную картину: и самолеты в воздушном бою, и танки, и корабли. Жалко палку...

Но как с небом? Неужели конец летчику Шевчуку? Значит, все зря: прыжок с парашютом из горящего самолета, передний край стрелкового полка, самоотверженность медсестры Маруси, санчасть в Семисотке, переезды, перелеты, госпиталь, путешествие в Тбилиси, "жилет" мастера Вано, наконец, вера... Вера в то, что "мы еще повоюем!". Да, недаром, видно, говорится: тело болит не болью, болью душа болит.

Все поняла моя жена, поняла и... обрадовалась. Она старалась спрятать радость, пыталась сочувствовать моей неудаче. Но ее выдавали глаза, они улыбались вопреки всем стараниям. Ведь теперь она спокойна за меня, теперь ей не придется больше замирать от страха, увидев подходящего к дому почтальона, не нужно гадать, что же он несет - весточку от мужа или...

Шура радовалась и в то же время - я чувствовал - стыдилась этого. Став несколько лет назад женой военного человека, она быстро поняла, что значит наша служба, какой должна быть боевая подруга летчика. И Шура успокаивала меня, уверяла, что и в тылу я найду интересную, нужную для войны работу, втайне надеясь на обратное, говорила, что через некоторое время нужно добиваться повторной комиссии, которая, может быть, и разрешит летать снова...

На следующий день, почти смирившись с тыловой службой, я пошел в штаб. И тут первой новостью, которую я узнал, и было известие о 247-м истребительном авиационном: мой родной полк на одном из полевых аэродромов. Туда он перебазировался после изнурительных боев под Севастополем ремонтировать оставшиеся самолеты, пополняться техникой, людьми. Да и аэродром, на

котором он сейчас находился, тот самый, где когда-то начиналась моя служба в истребительной авиации.

Я чуть не расцеловал капитана, сообщившего радостную новость, и помчался (с моим-то позвоночником!) в отдел кадров. Но тут синусоида моей судьбы поползла снова вниз. Кадровик, прочитав заключение комиссии, обрадовался. Его можно было понять - люди и в тылу нужны. Он уже хотел внести мою фамилию в проект приказа, но я его остановил, сказав, что знаю место нахождения своего полка и прошу откомандировать по месту прежней службы.

Майор долго объяснял мне, что в этом нет смысла - в полку просто не смогут подыскать мне подходящую должность, что наверняка боевая часть долго не задержится... И тут я вспомнил генерала Белецкого и попросил кадровика связаться с ним, сказав, хотя не был уверен, что генерал обязательно затребует меня.

- Ишь ты, куда хватил, - рассмеялся он. - Генерал-лейтенант авиации Белецкий уже давно командует 1-й воздушной армией резерва Верховного Главнокомандования, и где эта армия - одной Ставке известно.

Новость была знаменательной. Конечно, я был рад за Белецкого, но главное - за нашу авиацию. Таких соединений раньше у нас не было. Значит, есть и новые самолеты, и летчики... А майор, словно прочитав мои мысли, сказал, что с лета этого года вся авиация вообще сведена в воздушные армии, в единый кулак.

Сколько нового появилось, а я - диспетчером: самолет туда, самолет оттуда. Заявочку на перелет... Да ведь и мой родной 247-й истребительный совсем рядом!

Вряд ли кто из фронтовиков не согласится со мной: полк, в котором ты воевал, где не просто твои товарищи и друзья, а товарищи по оружию, друзья по поражениям и победам, те, кто не раз спасал тебя от смертельной опасности, полк, под святым знаменем которого ты шел трудными дорогами боев и сражений, - это не просто несколько цифр воинской части. Это не только твоя большая семья. И если, потеряв тебя, он и ослабнет на определенную величину, которую представляешь ты как человек, как боец, то снова напряженно сомкнутся его ряды, и ничто не остановит движения вперед.

И я опять мысленно вижу, будто из кабины своего взлетающего истребителя, кумачовое знамя у командного пункта - его выносили на аэродром во время самых тяжелых боев и перед ответственными заданиями. А слева впереди самолет капитана Карнача, позади справа - мой ведомый, Виктор Головко.

Впереди - бой.

И пусть их будет вдвое, втрое, вдесятеро больше нас - мы будем драться!.. Да, сейчас у нас целые воздушные армии! Будем драться... Будем...

- Шевчук! - слышу я полузабытый голос. Далеко залетел мыслями - не заметил, как кто-то вошел в комнату.

А рядом стоит полковой комиссар. Знакомые, с хитринкой глаза, седая голова - бывший военком авиационной бригады, где я начинал службу летчиком. Именно он, тогда еще батальонный комиссар Якименко, назначал меня вместо уехавшего воевать на Халхин-Гол Береговского комиссаром эскадрильи. Было мне очень не по себе: в неполные двадцать лет стать идейным руководителем людей намного старше себя, вести партийно-политическую работу, опыта которой почт не имел, если не считать должности помощника комиссара эскадрильи по комсомольской работе и секретаря комсомольской организации в техникуме. Но Якименко сумел убедить меня, что справлюсь. "Если коммунисту оказывают доверие, - сказал комиссар, - он оправдает его. Роль и место коммуниста оценивается и определяется не его возрастом, а его делами, верой в правоту нашего дела, убежденностью".

Да, это был Якименко, теперь уже полковой комиссар. Разобравшись в моих делах, он стал поддерживать кадровика. И вдруг меня осенило:

- Товарищ полковой комиссар! Товарищ майор! Я - военком эскадрильи 247-го истребительного авиаполка, и никто, понимаете, никто меня с этой должности не снимал и не освобождал от выполнения обязанностей! Считаю себя временно выбывшим из-за ранения и возвращаюсь в полк, несмотря на решение медицинской комиссии. Врачи меня освободили от полетов, но от служебных дел комиссара я не могу считать себя освобожденным!

То ли моя горячность, то ли какая-то определенная логика моего суждения помогли. Полковой комиссар, весело подмигнув мне, сказал командиру-кадровику:

- Я бы отпустил, товарищ майор. Все равно полк на фронт, а он сюда вернется, - и еще раз, хитро улыбнувшись, пожал руку и вышел.

Кадровика словно подменили. Забыв официальный тон, он неожиданно пожаловался:

- Кто бы меня так выручил?! Я тоже после ранения сюда попал. И никак не вырвусь. Правда, я "кадровый кадровик", - он невесело усмехнулся, - вот и говорят: "Не все равно тебе, где личные дела ворошить?.."

Уходя из кабинета, в котором моя синусоида все-таки вынесла меня вверх, я невольно подумал: "Вот этот майор, капитан в комендатуре - чем-то они похожи друг на друга. Оба считают себя несчастными оттого, что сидят если и не в глубоком тылу, где-нибудь в Ташкенте, но и не на фронте.

А капитана из комендатуры, когда я снимался с учета, на месте не оказалось. Заменил его капитан с пустым подвернутым рукавом гимнастерки. Я спросил о предшественнике.

- Уехал. Добился своего. На днях письмо прислал: снова батальоном командует. Боевой парень, - и новый "письмоводитель" тяжко вздохнул...

Да, ему уже не воевать. А мне? Как-то дальше пойдет дело?

Короткие сборы, нелегкие минуты прощания. Впереди еще много неизвестного. Но завтра-послезавтра уже полк, товарищи. Там, на перроне тбилисского вокзала, снова заплаканные глаза Шуры, улыбка дочурки. Позади тяжелый неравный бой, ранение позвоночника, санчасти, госпитали, врачи...

После войны в одной книге я прочитал, что "всего в годы Великой Отечественной войны в госпиталях и других воинских лечебных учреждениях самоотверженно трудилось более 200 тыс. врачей и 500 тыс. среднего медицинского персонала... За годы войны госпитали страны вернули в действующую армию более 7 млн. воинов"{2}.

Я был один из семи миллионов.

Время такое - военное

Красные звезды на створках зеленых ворот, часовой-красноармеец у проходной - военный городок, обыкновенный, каких много было разбросано по необъятной территории страны. Несколько двух-, трехэтажных домов комсостава, десятка два "финских", как их называли, клуб, чуть в стороне казармы, штаб. За ними аэродром с самым высоким здесь зданием - ангаром, стены которого выкрашены в шахматную черно-белую клеточку.

Все военные городки похожи друг на друга и все разные - в одни ты заезжал мимоходом, в другом побывал в командировке, а в этом довелось жить и служить. И много иль мало ты тут прослужил, но он стал тебе близким, родным, потому что это был твой дом. Здесь ты жил со своей семьей, здесь родились и росли твои дети, здесь с тобой рядом товарищи, с которыми ты делил радость успеха, горечь неудач... И если волею судьбы военного человека ты возвращаешься туда снова, то вступаешь на улицы с таким же волнением и трепетом, с которым приезжаешь после долгой разлуки в родные места. Но особенно дорог тебе городок, который был первым на длинной армейской дороге.

И словно для того чтобы я еще острей почувствовал важность

своего возвращения в строй, со стороны казарм, со строевого плаца, грянула песня, прозвучавшая по радио буквально через два-три дня после начала войны. Услышал я ее впервые здесь, на этом аэродроме. Никто не разучивал, не запоминал ее специально. Слова песни выражали суть наших чувств и мыслей, торжественная, сильная и уверенная мелодия сразу и навсегда вошла и жизнь советских людей так же, как и слово "война".

Война... Началась она для нас, как и для всех военных людей, с самого мобилизующего слова: "Тревога!", которое прохрипели ранним утром памятного воскресенья репродукторы громкоговорящей связи, установленные в квартирах комсостава, в казармах, на аэродроме. Короткое, оно заставило сразу забыть все личное, собрать воедино волю, помыслы многих людей и неограниченной своей властью направило их на аэродромы - в кабины самолетов, в парки - к танкам, на боевые посты кораблей.

Война! Там, на западе, уже шли кровопролитные бои. Несколько дней мы, летчики, ждали, что наш полк отправят на фронт. Но приказа не было, наши обязанности оставались прежними: активная учебно-боевая подготовка, боевое дежурство. Много летали. Командир полка майор И. М. Дзусов все внимание уделял воздушным боям, тактической подготовке, стрельбе. А мы писали рапорты с просьбой направить на фронт.

В декабре 1941 года группе летчиков вручили документы о переводе в 247-й истребительный авиационный полк, который входил в ВВС 51-й общевойсковой армии, воевавшей на Керченском полуострове.

Отъезжавшие со мной пилоты-однокашники искренне радовались: сбылась мечта - едем на фронт. Наши товарищи, которые оставались здесь, особенно Дмитрий Глинка, огорчены были до предела.

Конечно, дело не в наших рапортах - просто фронту нужны летчики. Кстати, вскоре и полк Дзусова отправился туда же, на Керченский полуостров.

...И вот я снова иду по этому городку под звуки песни, заставляющей сильнее биться сердце: "Идет война народная, священная война..." Я снова в строю. Рядом мои испытанные в боях товарищи. Перед строем дает указания на день начальник штаба майор Безбердый. Рядом, заложив руки за спину, командир полка подполковник Кутихин. Словно и не было длинных месяцев разлуки с полком, с боевыми друзьями. По-мужски скупая радость встречи: дружеское рукопожатие, хлопок по плечу: "Жив, старина!" Жив - это главное. Вернулся значит, повоюем! Почти каждый у нас уже и сам был ранен. Да и не принято у летчиков расспрашивать о здоровье.

Но командир полка и врач долго читали медицинское свидетельство, строчки о том, что "старший лейтенант В. М. Шевчук в связи с тяжелым ранением позвоночного столба...", явно озадачили их. Подполковник Кутихин даже чистую, оборотную сторону этой злосчастной бумаги посмотрел, словно надеялся там найти что-нибудь утешительное. Но увы... Командир огорченно произнес:

- Выходит, Шевчук, летать тебе... пока нельзя?

Врач вмешался:

- Товарищ командир, не пока, а вообще старшему лейтенанту Шевчуку летать нельзя.

Кутихин насупился, встал из-за стола, прошелся по кабинету.

- Вот что, старший лейтенант Шевчук, - нашел выход командир, приступайте к исполнению своих служебных обязанностей комиссара второй авиационной эскадрильи. Организуйте как следует политическую учебу. Обратите внимание и на дисциплину, на настроение личного состава... Как, доктор, вы не возражаете? - неожиданно обратился он к врачу.

- Нет. Но... комиссар эскадрильи должен летать, - неуверенно отреагировал врач.

- Доктор, вы же прекрасно знаете, что в полку сейчас никто не летает. У нас самолетов нет. Те, что остались, - в ремонте. Новых пока не ожидается. Так что мы все пока - пехота, - командир явно повеселел, найдя компромисс, и уже неофициально, тепло, как родному, пожал руку:

- Я рад. Очень рад, что ты вернулся, Шевчук...

И вот я в строю своего полка, своей эскадрильи. В поредевшем строю никогда не встанут рядом летчики В. Шейкин, В. Шкилев, А. Лашин и другие ребята. Смертью героев погибли они в последних боях над Керченским полуостровом и в небе Севастополя...

На следующий же день я побывал в эскадрильских группах политзанятий, поговорил с руководителями - недостаток был общий: раскрывая тему, они неоправданно мало приводили примеров героизма, мастерства летчиков нашего полка. Я не удержался и в одной из групп, где занимались молодые летчики, попросил слова, рассказал о лучших пилотах полка, о том, почему и как они побеждали врага в трудных боях.

Ребята засыпали меня вопросами. Их интересовало все: кто как стрелял, какой маневр выполнял перед атакой, как, например, Павел Шупик сумел в одном скоротечном бою практически с двух заходов уничтожить два самолета противника. Пришлось отвечать.

Вечером я задумался: интерес молодежи к деталям боев, к их

подробностям был понятен. Тем более что летчики, которые вели эти схватки с врагом, были рядом:, как все, бывали на строевой подготовке, ходили в столовую, сидели на занятиях А вот вопросы молодых пилотов вызвали интерес и у меня, человека, который воевал и имеет на счету несколько сбитых фашистских самолетов. Но отвечал я на них не всегда достаточно полно, а порой и не совсем точно.

Если поразмыслить, то не каждый из нас, участников боев, и тогда, сразу после выполнения задания, и потом, по прошествии времени, смог бы дать полный отчет о своих действиях, объяснить достаточно аргументированно, почему он вел бой так, а не иначе. Во-первых, не все мы обладали способностью анализировать боевые действия. Во-вторых, на фронте часто не было времени, пять-шесть вылетов ежедневно, и нет возможности по свежим следам осмыслить проведенный бой, объективно оценить свои действия, действия товарища, сделать необходимые выводы. Конечно, мы старались учиться и самостоятельно, и друг у друга, и у противника. Но целеустремленной, обстоятельной учебы ожидать было трудно.

Говорили мы и о нравственном праве критически анализировать те бои, в которых полк понес потери из-за нечеткой организации, слабого управления, неграмотных действий самих погибших. Да, они погибли, честно сражаясь в бою, сделали все, что могли, для победы. Но, если бы обладали большими знаниями, мастерством, тактической хитростью, умением взаимодействовать, в ряде случаев потерь могло и не быть.

Занятия по тактике поручили четверым летчикам, имевшим на боевом счету сбитые вражеские самолеты. Я, как руководитель, выбрал для занятий несколько наиболее характерных боев, в которых участвовал и как ведомый капитана Карнача, и уже как ведущий. Это позволяло мне рассказать молодежи об особенностях действий истребителя в разных условиях воздушного боя.

Командир полка подсказал, что для таких занятий нужно подготовить наглядные схемы возможных вариантов воздушных боев с использованием расчетов аэродинамики самолета, теории воздушной стрельбы. И по отчетам летчиков, своим наблюдениям мы составили такие достаточно подробные схемы. Внимательно восстановили моменты сближения с противником, построения маневра для атаки, наиболее оптимальные варианты действий в условиях сложившейся обстановки.

Думая об этом, я пришел к выводу, что сейчас, пока есть время, нужно обобщить опыт лучших летчиков, подробно изучить

наиболее характерные бои. Поговорил со Степаном Карначом, с другими опытными летчиками, с комиссаром полка. Василий Афанасьевич Меркушев предложил обсудить этот вопрос на партийном собрании.

Разговор получился интересный. Кое-кто, правда, сомневался, нужно ли ворошить дела давно минувших дней. Учат, говорили, не по бумажкам и не на пальцах, а в воздухе, на самолетах, а еще лучше - в реальных воздушных боях.

С этим можно согласиться - практика несомненно лучший учитель. Но большинство коммунистов-летчиков поддержали нас: на одних силуэтах немецких самолетов тактикой воздушного боя не овладеешь, самолеты противника необходимо изучать более подробно, особенно броневую защиту, вооружение, маневренные возможности. Выступавшие молодые летчики были убеждены, что им гораздо больше пользы принесет не тот опыт, который они ищут сейчас на страницах военных газет и журналов, а живой, подробный рассказ участников боев.

Словом, необходимость глубокого обобщения и изучения фронтового летного опыта поняли все, даже те, кто поначалу сомневался.

Так, на занятиях мы разобрали ряд боев, проведенных Степаном Карначом, Виктором Шкилевым, Иваном Базаровым, Николаем Смагиным и другими летчиками полка. Большой интерес вызвал рассказ о не совсем обычном для истребителя задании, которое с успехом выполнил Николай Смагин со своим ведомым. А дело обстояло так. Командование поставило задачу: уничтожить Чонгарский железнодорожный мост, через который фашисты доставляют в Крым оружие, боеприпасы.

Наши бомбардировщики не раз совершали налет на мост, но все неудачно прицельному бомбометанию мешал сильный зенитный огонь.

Смагин прикрывал с воздуха бомбардировщики и пришел к выводу, что ему легче было бы выполнить задачу на таком скоростном и маневренном самолете, как истребитель. Но как на истребитель подвесить бомбу? Летчик высказал свою идею инженеру полка по вооружению старшему лейтенанту И. Ходосу. Вместе с ним укрепили бомбодержатель под фюзеляж истребителя, подвесили 250-килограммовую бомбу. И вот новый вылет. Вражеские зенитки ведут яростный огонь по бомбардировщикам, а Смагин тем временем спикировал и нанес прицельный бомбовый удар по мосту. Фермы моста рухнули в воду. Важная переправа противника надолго была выведена из строя. Смагин за выполнение ответственного задания был награжден орденом Ленина.

Этот полет для летчиков нашего полка был интересен еще и потому, что мы сравнительно мало штурмовали наземные войска противника. Мы прикрывали войска от ударов с воздуха, вели разведку, сопровождали штурмовиков и бомбардировщиков. В то же время было хорошо известно, что истребительная авиация на других фронтах успешно используется для штурмовых ударов по наземным целям противника. Значит, это вызывалось необходимостью. Хотя к концу сорок второго года в войска стали поступать все в больших количествах пикирующие бомбардировщики Петлякова, штурмовики Ильюшина (модифицированный вариант - с кабиной стрелка), истребители также могли решать задачу по уничтожению наземных объектов противника.

Поэтому в период вынужденного бездействия мы и обратили внимание на тактику нанесения огневых ударов по земле. Занятия проходили в форме свободной беседы. Каждый мог высказать свое мнение, предложить собственный вариант боевой работы на том или ином этапе боя. Много спорили, доказывая свою правоту, и это рождало новые приемы, совершенствовало уже знакомые. Хорошо известно: на основе двух имеющихся у тебя тактических приемов трудно изобрести третий, но если иметь в запасе сто, то сто первый рождается легко.

Большой интерес у молодежи вызывали те бои, в которых руководители занятий участвовали сами. Интересовало ребят все - начиная с замысла атаки, его претворения, до личных ощущений во время боя. "А как вы чувствовали себя, когда "мессер" зашел в хвост самолету?.. А что думали, когда попадали под зенитный огонь?.. А когда сбили вас?.."

И мы, "старички", вскоре сами поняли, что занятия приносят пользу не только молодым. Не менее полезны они были и для нас. Уже сама подготовка к занятиям заставляла осмыслить все детали проведенных боев.

"Как-то будем воевать, когда попадем на фронт?" - нередко задавал я себе вопрос и тут же поправлялся: "Как будут воевать мои товарищи?" Да, с моим медицинским заключением речи о полетах не может быть даже на легкомоторном У-2.

Позвоночник время от времени напоминал о себе. Утром с постели поднимался с трудом, одевал с помощью товарищей "жилет" мастера Вано и в гимнастерке - на физзарядку. В полку мало кто знал о "жилете", и мне неудобно было им "хвастаться".

Позвоночник за ночь деревенел. Первые, разминочные, упражнения выполнял, кусая до крови губы, потом уже легче. День проходил быстро, незаметно. Но к вечеру поясница, шея, вся спина словно немели...

Пока я отсутствовал, в полку произошли значительные перемены в личном составе. Как всегда, разные были люди: по характеру, образованию, уровню военной подготовки. Но одно роднило всех без исключения - желание быстрей получить самолеты и отправиться на фронт. Многие высказывали недовольство тем, что на фронте идут бои, а "мы тут прохлаждаемся". Но все настойчивее велись разговоры, что мы скоро поедем то ли в центр формирования авиационных частей, то ли сразу на авиационный завод за боевой техникой.

Слухи эти и радовали и огорчали меня. Полк, эскадрилья - в бой на самолетах, а военком Шевчук будет воевать "пешим полетному". И хотя логикой мышления я давил в себе все мечты о полетах, однако видел себя только в кабине истребителя, снова и снова ловил в сетке прицела то хищный силуэт "мессера", то тяжело груженный бомбами "юнкерс". Что давало надежду? Трудно сказать. На аэродроме стояло несколько потрепанных У-2. У этой машины было много названий: "кукурузник", "огородник", "старшина в авиации". На самом же деле это был учебный самолет, на котором поднялось в воздух не одно поколение авиаторов. А с начала войны он стал и ночным бомбардировщиком. Любой летчик с уважением относился к нему. Но летать на У-2 после скоростного истребителя!..

И все же я все чаще и чаще приглядывался к этому аэроплану. После большого перерыва мне очень хотелось подняться в воздух хотя бы на таком самолете, и командир полка все понял. Мы сделали с ним несколько полетов. В кабине я чувствовал себя даже лучше, чем на земле. Когда сказал об этом Кутихину, тот с улыбкой, но серьезно ответил:

- Василий Михайлович, это же трехколесный велосипед в авиации. Сам знаешь, на "яке" и скорость, и перегрузки не те. А в бою из самолета и из себя нужно выжимать все.

Я верил в свои силы: пусть позвоночник еще не совсем в порядке побаливает, устаю быстро, но разве можно сравнить мое нынешнее самочувствие с прошлым? И дальше, значит, будет лучше!

А Кутихин, проявляя искреннюю заботу обо мне, предложил:

- Давай-ка, Шевчук, к Безбердому, в штаб. И при деле будешь, и с нами.

Вариант, конечно, неплохой. Но расставаться с мечтой о полетах не хотелось. Дело тут, конечно, не в упрямом фанатизме: просто я знал, что для подготовки летчика требуется время.

А мой боевой опыт, сбитые самолеты противника уже кое-чего стоят. Я был уверен, что на фронте сумею принести больше пользы в воздухе, чем на штабной работе, и, несомненно, быстрее

войду в строй, чем те ребята, которых выпускали сейчас из летных училищ.

Кутихину понравились мои возражения.

- Хвалю, Василий Михайлович. Хвалю и верю. Но медицину мы с тобой не переспорим. Так что давай лучше подумаем, как и где тебя устраивать.

Но я попросил комполка подождать с решением. Обещал, что, как только полк получит самолеты, напишу рапорт о переводе из эскадрильи. Сам же втайне надеялся - когда полк получит истребители, я все-таки поднимусь в воздух и испытаю себя на прочность...

Буквально через несколько дней после нашего разговора с командиром, комиссар полка собрал военкомов эскадрилий и сообщил: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года упраздняется институт военных комиссаров и в армии вводится полное единоначалие. "Великая Отечественная война с немецкими захватчиками, - говорилось в Указе Президиума Верховного Совета СССР, - закалила наши командные кадры, выдвинула огромный слой новых талантливых командиров, испытанных в боях и до конца верных своему воинскому долгу и командирской чести. В суровых боях с врагом командиры Красной Армии доказали свою преданность нашей Родине, приобрели значительный опыт современной войны, выросли и окрепли в военном и политическом отношении.

С другой стороны, военные комиссары и политработники повысили свои военные знания, приобрели богатый опыт современной войны, часть из них уже переведена на командные должности и успешно руководит войсками, многие же другие могут быть использованы на командных должностях либо немедленно, либо после известной военной подготовки"{3}.

Это решение было очень своевременным. Партия всегда держала руку на пульсе жизни. И сейчас она точно оценила обстановку, способность командиров Красной Армии решать все вопросы руководства подчиненными, в том числе и организации партийно-политической работы. Заместители командиров по политической части были призваны помогать им в овладении искусством политического воспитания, методами руководства партийно-политической работой. Большая армия военных комиссаров, действительно овладевшая в ходе боев военным опытом, освобождалась для непосредственного руководства подразделениями и частями.

Решение партии было оправдано и тем, что с лета 1941 года партийные организации в армии намного возросли. С самого начала войны партия направляла в действующие войска свои

лучшие кадры. Немало коммунистов, увлекая своим примером массы воинов, погибло в первых, самых ожесточенных схватках с врагом. Но на их место вставали те, кто в самые тяжелые для Родины дни подавали заявления о приеме в партию, уходя в смертельный бой, писали: "Прошу считать меня коммунистом". Всегда была велика сила партийного влияния, но во сто крат возросла она в трудное для страны время.

Так и в нашем полку партийная организация, несмотря на потери в боях под Керчью, в Севастополе, постоянно увеличивалась. Большинство летчиков были коммунистами. За последнее время немало техников и механиков подали заявления о приеме в партию. Понятно, что каждый человек, вступая в ряды партии, относился к своему воинскому долгу с еще большей ответственностью. Партийным словом, силой личного примера, активной помощью молодым воинам коммунисты укрепляли коллектив, делали его боеспособнее, дисциплинированнее, сплоченнее. И конечно, командир эскадрильи Степан Карнач, имея уже богатый опыт не только руководства боевыми действиями, но и воспитательной работы, умело опираясь на коммунистов, используя целый ряд преимуществ, предоставляемых ему единоначалием, смело мог вести свое подразделение в бой.

Размышляя над этим решением, я невольно подумал (в который уже раз), насколько глубоко и точно знает наша партия, ее Центральный Комитет положение дел, как умело и эффективно она использует резервы для повышения могучей силы своего влияния во имя главного - достижения победы над врагом.

Василий Афанасьевич Меркушев, теперь уже заместитель командира по политической части, долго беседовал в тот день с нами, бывшими военкомами эскадрилий. В заключение беседы подчеркнул:

- Вы сами понимаете, что сразу упразднить ваши комиссарские обязанности невозможно. Необходимо ввести командиров в курс дела, помочь им в организации партийно-политической работы. Собственно, я надеюсь, что вы всегда будете одними из лучших коммунистов и первыми помощниками командиров. Не сомневайтесь: каждому будет подобрана соответствующая должность.

Действительно, военкомам первой и третьей эскадрилий, в соответствии с уровнем летной подготовки и боевого опыта, быстро определили место в штатном расписании полка. Со мной дело обстояло сложней. Подполковник Кутихин опять долго беседовал, предлагал мне массу вариантов:

- Сам понимаешь, не могу я тебя, Василий, назначить на

летную должность. Ну была бы хоть маленькая зацепка. У тебя ведь тут что написано: "не годен"!

Я понимал, но легче от этого не было. Занимая нелетную должность, я уже не поднимусь в воздух даже для проверки своих сил.

Кутихина тоже тяготило мое незавидное положение списанного пилота.

В конце концов он обещал подумать, хотя и напомнил:

- Кто-то мне недавно говорил, что сам напишет рапорт о переводе из эскадрильи, - но, разглядев в моих глазах отчаяние, добавил: - Все, что в моих силах, сделаю. Мне самому опытного бойца терять жалко. Молодежь еще учить летать надо, а особенно в бою "обкатка" потребуется.

В это время пришло распоряжение о подготовке полка к переводу на новое место: куда и когда - никто не знал, но никто не сомневался - дорога к фронту.

Полк давно был готов к этому. Личное имущество - у кого вещмешок, у кого небольшой чемоданчик. Техники нет. Самое большое хозяйство - в штабе полка. Майор Безбердый со своими помощниками, в числе которых оказался и я, собирал и упаковывал бумаги, сетуя, что часть важных документов до сих пор находится в штабе, в Тбилиси.

- Отправят теперь на другой фронт, потом не доищешься. А бумаги пригодиться могут, - огорченно рассуждал начальник штаба. - Как думаешь, Шевчук, куда нас отправят?

Я был уверен, что полк переводится под Сталинград. В те ноябрьские дни все мы были под впечатлением доклада Председателя Государственного Комитета Обороны Сталина, посвященного 25-й годовщине Октября, хотя в нем и говорилось о неминуемых трудностях. Так же внимательно вчитывались мы в строки приказа Народного комиссара обороны, изданного в честь славного юбилея.

Вселяли оптимизм слова этого важного документа о том, что Красная Армия, остановив немецко-фашистские войска под Москвой, взяла инициативу в свои руки, перешла в наступление, освободила целый ряд областей страны. "Красная Армия, - говорилось в приказе, - показала, таким образом, что при некоторых благоприятных условиях она может одолеть немецко-фашистские войска". Однако Нарком обороны подчеркивал, что, "воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, немцы и их союзники собрали все свои резервы под метелку, бросили их на наш советский фронт и прорвали его. Ценой огромных потерь немецко-фашистским войскам удалось продвинуться на юге и поставить под угрозу Сталинград, Черноморское побережье,

Грозный, подступы к Закавказью".

Мобилизующе звучали слова приказа, где характеризовалось положение под Сталинградом: "Враг остановлен под Сталинградом. Но, остановленный под Сталинградом и уже положивший там десятки тысяч своих солдат и офицеров, враг бросает в бой новые дивизии, напрягая последние силы. Борьба на советско-германском фронте становится все более напряженной. От исхода этой борьбы зависит судьба Советского государства, свобода и независимость нашей Родины".

Понятно, что именно под Сталинградом решается сейчас очень многое, и силы там нужны большие. А раз уж есть слух, что полк перебазируется на Волгу, место наших летчиков - в сталинградском небе. Я уже не говорил "мое место" - надежда остаться в боевых рядах полка становилась все призрачнее.

Но, как уже нередко случалось в последнее время, судьба снова улыбнулась мне - на этот раз радостной улыбкой комполка подполковника Кутихина. За день до отправления личного состава к новому месту назначения меня вызвали в штаб. Я был уверен, что сейчас и состоится последний разговор о моей должности.

- Ты что, Василий Михайлович, скучный такой? - весело встретил меня командир и начал расспрашивать о здоровье, поинтересовался семьей - как жена, дочь, не переехали ли они из Тбилиси.

Но вот Кутихин встал из-за стола и подошел ко мне.

- Мы долго тут размышляли с комиссаром, то есть с заместителем по политчасти и начальником штаба, над тем, что с тобой делать. И знаешь, придумали. Догадываешься? Нет, даже и не подозреваешь, наверное. А решили мы вот что: будешь ты исполнять обязанности моего помощника по воздушно-стрелковой службе.

Действительно, об этом я и мечтать не мог.

Кутихин ходил по кабинету, а я слушал его слова как песню:

- Об этой должности для тебя, Василий Михайлович, я подумал еще на партсобрании, когда ты заговорил о тактике. И как ты проводил занятия, мне понравилось. Короче говоря, вопрос решен. Пока полк самолеты не получил, будешь руководить огневой и стрелковой подготовкой. А там видно будет. Может быть, пробьем тебе повторное медицинское освидетельствование. Приказ о назначении подписан. Поздравляю.

Командир крепко пожал мне руку, потом положил ладонь на плечо.

- Но есть для тебя одно дело - хлопотное и не по твоей новой должности. Нужно съездить в Тбилиси, забрать в штабе кое-какие

документы полка. Безбердый утверждает, что эти бумаги могут пригодиться. Полк найдешь в... командир назвал небольшой городок на Волге.

И тут я с горечью решил, что назначение мое на такую высокую и ответственную должность и эта вот командировка - не больше чем способ избавиться от меня. Пока я по дорогам военного времени доберусь до Тбилиси, соберу эти документы и преодолею обратный путь, полк, получив самолеты в том волжском городке, улетит на фронт и я останусь в какой-нибудь тыловой команде.

А подполковник Кутихин, не замечая моих терзаний, давал конкретные указания.

- Счастливого пути, товарищ Шевчук. В Тбилиси разрешаю двое суток задержаться. По семейным обстоятельствам, - строго официально произнес командир полка на прощанье.

Радость предстоящего свидания с семьей заглушалась боязнью снова потерять свою часть. Я сдержанно поблагодарил командира и попросил разрешения приступить к выполнению приказания, невольно думая о том, что в полк я все равно вернусь, разыщу, где бы он ни был.

...Задание я выполнил. В Тбилиси, правда, пробыл не двое суток, а всего несколько часов. Оказалось, что архивы штаба находятся не в самом городе, а в маленьком местечке на побережье Черного моря. Туда добирался на попутных машинах и угодил под бомбежку. Взрывной волной меня выбросило из кузова и швырнуло под откос шоссе. От удара потерял сознание. Трудно поверить, но позвоночник выдержал. И когда нас, разбросанных взрывом, стали подбирать бойцы, я встал и пошел самостоятельно: гудела голова, подташнивало, но спина болела не сильней обычного.

Так, чуть ли не трагически, закончилась моя командировка. Однако именно этот случай придал мне большую уверенность, что, если разрешат летать, позвонки выдержат любые перегрузки. С этой мыслью я и торопился догнать свой полк. Он действительно находился в маленьком заснеженном приволжском селении - и опять без самолетов, что вызвало уже большое недоумение. Стоял конец декабря, наши войска под Сталинградом перешли в решительное наступление, окружили крупную группировку немецко-фашистских войск. И опять без нас.

С одной стороны, люди прямо-таки истосковались по настоящему делу, но с другой - мы с гордостью понимали, - значит, много силы у страны, если бережет она нашу часть для новых боев, для наступления.

Начало нового, 1943 года мы встречали все еще далеко от фронта. Несколько раз полк менял место дислокации, и вот мы приехали снова на Волгу. Только не под Сталинград, где наши войска уже заканчивали разгром окруженных войск Паулюса.

Хотя недалеко был авиационный завод, выпускающий самолеты конструкции Яковлева, мы их опять не получили: все машины шли на пополнение авиационных полков, участвующих в решительных схватках зимы 1943 года. В конце января была прорвана блокада Ленинграда. Второго февраля капитулировала армия Паулюса. В десятых числах февраля наши войска освободили Курск.

В эти дни и произошло одно из памятных событий, которое наконец поставило все точки над "и" на пути моего возвращения в строй летчиков-истребителей.

Полк снова готовился к переезду. Опять, как говорили, куда-то на Волгу. И мы уже были почти уверены, что на этот раз получим самолеты. К нам все чаще стали приезжать различные проверяющие комиссии. С техническим составом усиленно проводились занятия по материальной части самолета и двигателя. Дело в том, что конструктор Яковлев постоянно совершенствовал истребитель Як-1. Сейчас самолет уже выпускался серийно с мотором М-105Ф, который увеличил энерговооруженность истребителя, улучшил скороподъемность, еще больше повысил возможности вертикального маневра.

Нередко в полку бывал командир дивизии генерал-майор авиации Баранчук. Он сам проводил занятия с летным составом по аэродинамике самолета, по тактике воздушного боя. Своим громовым голосом (тихо, по-моему, он вообще не говорил) генерал рассказывал нам о новинках в авиации противника, модифицированных вариантах "мессершмиттов", "фокке-вульфов".

Командир дивизии проинформировал нас о новом варианте ФВ-190 с четырьмя пушками и двумя пулеметами. И тут же на графиках вертикальной и угловой скоростей наших и немецких истребителей показал, что маневренные преимущества советских самолетов еще больше возросли, подчеркнув, что бортовой залп наших истребителей тоже весьма большой и конструкторы продолжают его увеличивать.

Интересный человек - командир нашей дивизии Константин Гаврилович Баранчук. Когда-то матрос торгового флота, наверное, там, среди ветрев и штормов, и приобрел он этакую громкоголосость. От тех времен, видимо, осталась у него и манера грубоватого разговора. Любые вопросы комдив решал сразу, со свойственной его характеру решительностью. Годы в авиации, даже генеральские звезды на погонах мало изменили

его матросский прямодушный нрав. Летал - залюбуешься. Воевал в республиканской Испании. Как большинство советских летчиков, приехавших тогда на помощь обороняющимся республиканцам, показал себя мужественным, умелым бойцом.

Прямоту характера комдива мы частенько пытались использовать, не раз задавая ему наболевший вопрос: "Скоро ли на фронт? Когда получим самолеты?" Если раньше Баранчук только разводил руками, то сейчас загадочно улыбался: "Не спешите, детки, дайте только срок - будет вам и белка, будет и свисток". И мы понимали - скоро настанет наш час.

И вот в такое время командир полка, врач словно забыли о моем существовании. Ребята ходят возбужденные предстоящими переменами, а я все больше замыкаюсь в себе. На занятиях стал рассеянным. Раньше я не позволял себе отвлекаться даже на самых неинтересных и не очень нужных лекциях. Сейчас часто ловил себя на посторонних мыслях. Бывали и такие моменты, когда смирялся с судьбой неудачника. Больше того, иногда хотелось бросить все эти хлопоты и уехать в Тбилиси, к жене, к дочке, занять должность диспетчера по перелетам, забыть о небе, о полетах, о боях.

В такое-то время и разыскал меня наш полковой врач. Будничным голосом, как о чем-то малосущественном, он объявил, что меня направляют для повторного медицинского освидетельствования "на предмет годности к летной работе" в Москву. Так и сказал: "на предмет годности"!

Я не дал ему договорить - обхватил руками, приподнял от пола и так сжал, что он укоризненно замотал головой.

Откровенно говоря, мой позвоночник с болью выдержал этот прилив радости, но я почти вырвал у доктора из рук приготовленные документы.

Итак, свершилось. Я буду летать! О том, что центральная медицинская комиссия может подтвердить старое решение, старался не думать. Сейчас я всем докажу, что совершенно здоров. Какие бы испытания мне ни придумали врачи, не моргну от боли.

Отутюжено обмундирование, начищены сапоги. Ребята, узнав о поездке, помогают собираться в столицу. Один предлагает свою щегольскую фуражку, другой - чудом сохранившийся парадный темно-синий костюм, третий - погоны (их ввели недавно, и не все еще успели ими обзавестись). Но я решил ехать в своей гимнастерке и сапогах - время военное...

В полумраке землянки командира я не сразу разглядел, что подполковник Кутихин не один...

- Товарищ командир! Разрешите отбыть в... - я осекся.

В углу сидел генерал Баранчук. Разговор был, судя по всему, серьезный. Командир дивизии недовольно выговорил Кутихину:

- Что, к тебе вот так, как голые в баню, все подчиненные вваливаются?

Но я уже быстро исправился:

- Товарищ генерал! Разрешите обратиться к командиру полка?

Генерал Баранчук, словно меня не замечая, продолжал:

- Лихие у тебя пилоты, Яков Назарович, лихие.

Кутихин сразу оправился от растерянности - он хорошо знал командира дивизии, его отходчивость.

- Разрешите доложить, товарищ генерал, - это мой помощник по воздушно-стрелковой подготовке старший лейтенант Шевчук!

- А я, наверно, сам не знаю, - перебил его генерал, но уже менее грозно, - если бы еще и в воздухе твои пилоты такие же смелые были, как вот этот начальник "огня и дыма" на земле - совсем хорошо было бы... Ну, что там у тебя? - Баранчук уже успокоился.

Я четко доложил и протянул документы для подписи Кутихину.

- Подожди. Нужно обмозговать, - сказал генерал, поднявшись с топчана. Тяжело ступая, он ходил по землянке несколько минут.

Но вот Баранчук снова сел на скрипнувший под ним топчан и стал задавать лаконичные вопросы, на которые старались так же коротко отвечать то Кутихин, то я.

- Летать хочешь?

- Так точно, товарищ генерал!

- А может (это - Кутихину) летать?

- Так точно, товарищ генерал! За бои над Керчью орден получил.

- Орден сам вижу. Сколько сбитых?

- Четыре, товарищ генерал!

- Когда тебя сбили, сколько немцев было?

- На двоих с капитаном Карначом - десять.

- Какую школу кончил?

- Качинскую.

На лице командира дивизии довольная улыбка. Сам, видимо, учился в этой старейшей летной школе.

- Кто сбил тебя, видел?

Я честно признался, что нет.

- Плохо. Очень плохо. В чем была ошибка?

Вступился Кутихин:

- Товарищ генерал, старший лейтенант Шевчук после возвращения из госпиталя в полк по своей инициативе

организовал занятия с летным составом по анализу наших тактических ошибок.

- Да? - Баранчук все еще недоверчиво, но с любопытством, внимательно посмотрел на меня. - Это уже что-то... Ты садись, садись, старший лейтенант. Небось спина болит? - участливо, но не без коварства, предложил генерал.

Тут я согрешил. Поблагодарил генерала, сказал, что о боли давно забыл, и в подтверждение своих слов показал целый комплекс физических упражнений: наклоны корпуса, отжим на руках, поднял стоявшее в углу полное ведро с водой.

- Хватит, хватит, - остановил он, - надорвешься, оставишь Кутихина без руководства "огнем и дымом". Сходи-ка, погуляй. А мы это дело обмозгуем.

Не знаю всех подробностей разговора, который состоялся между комдивом Баранчуком и командиром полка. Много позднее Кутихин в общих чертах передал мне его содержание. Спора никакого не было. Генерал сразу решил оставить меня в полку: "Замордуют его доктора в Москве. Знаю я их...". Речь шла о том, как этот приказ мотивировать, если местные медики вспомнят обо мне снова. И Баранчук со свойственной ему решительностью сказал, что всю ответственность берет на себя.

А со мной разговор был недолгим:

- Хочешь летать - летай. Почувствуешь себя плохо - сразу пиши рапорт. Найдем место на земле. Воевать придется много, долго и трудно. Слышал небось, наши опять оставили Харьков и Белгород? Всего месяц-то и были в наших руках. Так что война впереди еще большая. - Последние слова генерал произнес непривычно тихо, но тут же исправился: - И запомни, начальник воздушно-стрелковой службы, от тебя во многом зависит, как будет воевать полк. Учить нужно и на земле, и в воздухе. Сейчас, правда, сорок третий год - это не сорок первый и не Испания. Отличные самолеты, и, главное, их много. Но каждый летчик с боевым опытом на счету. "Безлошадных" уже не будет. Фашист еще силен, а бить его надо так же смело, как в сорок первом, но гораздо грамотней, умней, расчетливей. Правильно я говорю, старший лейтенант?

- Так точно, товарищ генерал! - выпалил я, а в душе, словно песня, звучал его напутственный приказ: "Летай!.."

Если бы в то время кто-нибудь спросил: "Зачем тебе нужны все эти хлопоты, волнения? Неужели ты думаешь, что без тебя наша авиация не одолеет врага, а без твоего личного участия в боях война продлится хоть на день дольше?" - ответ был бы один: по-другому мы, советские люди, не только поступать не можем, но даже думать иначе не имеем права - время сейчас суровое,

военное время.

Каждый день начинался с прокладки линии фронта на карте-миллионке в коридоре штаба полка. Она проходила от Баренцева моря к Ладожскому озеру, далее по реке Свирь к Ленинграду, оттуда на юг. У Великих Лук кривая поворачивала на юго-восток, а в районе Курска образовывала огромный выступ, глубоко вдававшийся в расположение немецких войск. Далее от района Белгорода линия фронта шла восточнее Харькова, а потом по рекам Северский Донец и Миус тянулась к восточному побережью Азовского моря. Первомайский приказ Верховного Главнокомандующего, подводя итоги зимней кампании этого года, подчеркивал, что наступательная сила Красной Армии возросла, что наши войска не только оттеснили немцев с территории, захваченной летом 1942 года, но и заняли ряд городов и районов, находившихся в руках врагов около полутора лет. Фашистам оказалось не под силу предотвратить наступление Красной Армии.

Даже для контрнаступления на узком участке фронта в районе Харькова гитлеровское командование было вынуждено перебросить более трех десятков новых дивизий из Западной Европы. Немцы рассчитывали окружить советские войска в районе Харькова и устроить нам "немецкий Сталинград". Однако попытка ставки Гитлера взять реванш за поражение на Волге провалилась.

За время войны мы научились за четкими короткими строками праздничных приказов видеть больше, чем сказано. Связывая положение линии фронта с населенными пунктами, упоминающимися в приказе, нетрудно предположить, что в районах Курска, Харькова, да и на других участках обстановка остается сложной. Недаром партия, правительство пламенными словами приказа Верховного Главнокомандующего вдохновляли армию и народ на суровую и тяжелую борьбу, на полную победу над гитлеровскими извергами, не скрывая, что она потребует больших жертв, огромной выдержки, железной стойкости...

Это хорошо понимал каждый советский человек. Получая новые истребители прямо на заводском аэродроме, мы видели, с каким огромным напряжением работают труженики тыла. Усталые от многочасовой, а иногда и бессменной работы, изможденные голодом лица. Не хватало места в цехе сборки (количество выпускаемых самолетов все время увеличивалось) - люди работали под открытым небом, невзирая на непогоду, забывая о себе, усиленно старались соблюсти все правила технологии. С большой тщательностью заворачивался каждый шуруп, подгонялись друг к другу куски обшивки. Инженеры,

техники-эксплуатационники завода затрачивали массу времени, чтобы помочь нашему техническому составу как следует подготовить самолеты к полетам.

Полеты... Как на праздник, шли наши летчики на аэродром. Обо мне и говорить нечего. Первого мая, год назад, я провел свой последний воздушный бой, и вот сегодня, пятого мая, снова сажусь в кабину истребителя. Перед этим я выполнил несколько контрольных полетов с майором Карначом. Степан, недавно назначенный заместителем командира полка, сам предложил слетать со мной. Сделали с ним на спарке несколько кругов, потом сходили в зону, на пилотаж. Я очень старался все сделать "по пулям". Как положено, после выполнения упражнений подошел к Степану.

- Разрешите получить замечания! Степан улыбнулся, хлопнул по плечу:

- Рад за тебя, Василий. При всем желании придраться практически не к чему. Недаром тогда, в госпитале, Дмитрий Глинка рассказывал, как ты И-16 на фуражку во время посадки "притирал". Давай, Василь. Сейчас командиру полка доложу - и двигая сам.

Приятно, когда тебя хвалит такой летчик, как Степан Карнач. Но если бы он знал, сколько раз я за этот год "побывал" в воздухе. Да, начиная с Тбилиси, когда я, почувствовав, что поправляюсь, проводил тренажи в нашей маленькой комнатке, на протяжении многих месяцев не пропускал ни одного дня, чтобы мысленно не слетать. Повторял, как таблицу умножения, действия по управлению самолетом - от взлета до посадки. Ну а когда стали получать самолеты, я уж каждую свободную минуту проводил в кабине "яка".

И вот уже есть от командира добро на вылет. Волнуюсь не меньше, чем перед самым памятным полетом - первым самостоятельным. Сейчас решится все, и окончательно - быть мне или не быть летчиком-истребителем, воевать или не воевать?!

Во время контрольных полетов я точно соблюдал условия упражнения. Старался все делать плавно, четко. Даже в пилотажной зоне не допускал больших перегрузок, чтобы меньше было ошибок. Степана Карнача я знал хорошо. На земле он простит тебе многое, в воздухе - ни малейшей оплошности. А я во что бы то ни стало хотел добиться права на самостоятельный полет. Решение принято давно: как только поднимусь в небо - буду пилотировать так, чтобы испытать на прочность позвоночник да и все физические возможности. Я всегда помнил слова подполковника Кутихина: "В бою нужно пилотировать на пределе, а может быть, и выше предела прочности - и своей, и

самолета".

Запущен мотор. Машина нетерпеливо дрожит: не любит тратить свои "лошадиные силы" без толку. Но как хороший хозяин проверяет перед выездом сбрую на лошади, так летчик должен убедиться в нормальной работе мотора. Взгляд на приборы - все в норме. Поднимаю руки над бортами кабины, развожу их в стороны. Это команда механику: "Убрать колодки".

Такое было уже сотни раз. Но любой летчик согласится, что каждый взлет для нас - событие. Тем более для меня - ведь сейчас обретаю потерянные в бою крылья! Старт. Поднимаю правую руку. Стартер смотрит на руководителя полетов подполковника Кутихина и с его разрешения поднимает флажок.

Плавно идет вперед сектор газа. Самолет медленно начинает двигаться вперед. Быстрей. Еще быстрей. Колеса уже не чувствуют неровности аэродрома. Неуловимое, чуть заметное движение ручки на себя. Но самолет все-таки раньше времени оторвал от земли - сказался перерыв в полетах.

Ошибку понял сразу и после отрыва придержал истребитель - скорость растет. Земля все больше становится похожей на карту. Четко выделяются темные участки пашни. Серыми пятнами лежат еще не покрытые весенней листвой перелески. Извилистая змейка речушки. Словно разбросанные детские кубики дома поселка вдоль дороги. Поймал себя на том, что увлекся красотой земли. А военный летчик, тем более истребитель, с посадки в кабину должен следить в первую очередь за воздухом. Осмотрительность - прежде всего. Старый, утвержденный кровью закон...

Высота заданная. Уточнил ориентировку. Аэродром слева. Справа чуть видна Волга. За ней в призрачной дымке безбрежные леса. Внизу небольшое село с белой церковью. Начинаю пилотаж. На вираже стараюсь достичь максимальной угловой скорости. Перегрузка растет - плавно вдавливает тело в чашу сиденья. Боли в позвоночнике не чувствую. При больших перегрузках даже у самого здорового летчика может потемнеть в глазах. Это происходит от быстрого и сильного прилива крови к голове или, наоборот, отлива ее к ногам.

Еще раз выполнил комплекс фигур. Пора на точку - бортовой хронометр показывает, что полетное время истекает.

Курс на аэродром. Самолет планирует устойчиво. И только тут я почувствовал, как устал. "Жилет" старого Вано мокрый от пота, лицо покрыто испариной. Но главное свершилось - я и мои позвонки выдержали! И пусть после полетов, вечером, я с трудом добрался до постели, упал, будучи даже не в состоянии снять корсет, но заснул я с ощущением небывалого счастья.

Несколько дней полк жил напряженными полетами. Мы восстанавливали технику пилотирования, отрабатывали групповую слетанность. Большое внимание командир полка уделял учебным воздушным боям, стрельбе. Летчики с боевым опытом учились водить группы та четырех, шести, восьми самолетов.

11 мая вечером поступил приказ: "Выдать летчикам полетные карты и подготовить полк к перелету по маршруту с посадкой на одном из полевых аэродромов под Воронежем". Наконец-то! Настал долгожданный день и час.

В приподнятом настроении, весело, с шутками мы склеивали листы карт, прокладывали маршрут, делали расчеты. Подполковник Кутихин собрал в штабе всех, кто поведет группы. Полк пойдет двумя эшелонами. Для перевозки техников и механиков выделен транспортный Си-47.

- Старший лейтенант Шевчук в первом эшелоне ведет звено, - приказал командир полка, - возвращается на "Дугласе" и обратно - во главе восьмерки. Не устанешь? - посмотрел на меня внимательно Кутихин.

- Никак нет, товарищ подполковник! - ответил я торопливо, радуясь доверию и боясь, что командир передумает.

Спать не ложились долго, пока не убедились в полной готовности к перелету. Предстоял трудный и ответственный день, но в помещении летчиков до позднего часа не смолкали разговоры. Летим за Воронеж к левому флангу Курского выступа: сомнений нет - полк в составе 203-й истребительной авиационной дивизии вводят наконец в бой. Не подвела бы только погода. В большой перелет при облачности, тем более при дожде, могут не выпустить. В полку много молодых летчиков.

Утром погода как по заказу: чистое небо, солнце. Наскоро позавтракав, спешим к машинам. Последние указания. Нас поведет лидер, самолет-бомбардировщик Пе-2. Все заметно волнуются: маршрут большой, задание ответственное.

Вскоре первая эскадрилья полка в воздухе. Идем с набором высоты. Кончились мои тыловые мытарства. Я лечу, лечу на фронт! Радостно поет свою песню мотор "яка". Как-то будем воевать с тобой, мой новый боевой друг?

Много людей на протяжении целого года помогали мне встать на ноги, выздороветь, во всеоружии встретить тот день: медсестра Маруся, безыменный командир стрелкового полка, Анна Павловна Авророва, подполковник Кутихин, комиссар Меркушев, генерал Варанчук, да только ли они!..

А жена? Разве не ее забота, любовь, вера в меня помогли мне быстрее встать в строй? А отец, родные, оставшиеся на

территории, занятой врагом, разве не взывали они: "Освободи нас, Василий!" А разве партия не поддержала меня в трудное для всех нас время? Разве не сознание долга коммуниста, советского человека вело меня к незабываемой минуте, когда я снова иду в бой за Родину!

Впереди еще тысячи километров войны. Не раз мы будем переклеивать полетные карты района предстоящих боев, прежде чем на них появится "населенный пункт" стратегического значения - город Берлин. Но мы летим. И с каждой минутой сокращается это расстояние. Летит наш полк, наша дивизия, и одному Верховному Главнокомандованию известно - сколько самолетов, танков, людей летит, едет, идет сейчас к фронту, чтобы новыми силами, новой техникой, новой яростью ударить по врагу. И я счастлив, что в этой великой армаде - я, старший лейтенант Шевчук...

Поклон мой низкий и огромная благодарность тем, чьими заботами, любовью, участием в судьбе летчика-бойца возвращен я в строй защитников Родины!

И снова в бой

Последняя посадка на одном из промежуточных аэродромов нашего длинного маршрута к фронту. Заправили самолеты горючим, наскоро перекусили - и снова в воздух.

Ребята мои держатся в строю неплохо. Но это, можно сказать, парадный строй. В бою полета "по линеечке" не будет. Там в бешеной карусели нужно так пилотировать истребитель, чтобы ни на секунду не отрываться от ведущего. В то же время необходимо следить за воздухом и, главное, в нужный момент сообразить, где, как, когда и какого врага следует уничтожить, чтобы твоя пара, группа выполнила главную задачу. Это у них сразу не получится. Но сразу мы, видимо, и не вступим в бой. Конечный пункт маршрута, аэродром посадки, примерно в ста километрах от линии фронта. Вряд ли фронтовой аэродром истребительной авиации расположен так далеко. А может быть, это нам дали в целях сохранения тайны передислокации дивизии, и с него мы тут же перебазируемся ближе к фронту? Впрочем, скоро все выяснится. Главное, что на наших картах обозначены передовые позиции немецких войск и даже с этого аэродрома, в крайнем случае, можно вести боевые действия.

По расчетному времени сейчас должен показаться Воронеж. Маршрут, правда, проложен не через город - он остается в десяти километрах слева. С высоты полета его, должно быть, хорошо видно. Однако как ни всматриваюсь ничего похожего не вижу. Сличаю карту с местностью - не уклонился ли наш лидер от маршрута? Нет, летим точно. Вот контрольный

ориентир железнодорожная станция. А города нет. Странно. В мареве дымки на горизонте проплыл какой-то темно-серый массив. Но что именно - не понял.

Пересекли Дон, идем по направлению к Старому Осколу. Начали снижаться к КПМ - конечному пункту маршрута. Скоро посадка. Видны уже отдельные деревья, проселочная дорога. И вдруг среди привычных красок проплывающего внизу ландшафта в глаза бросается черное пятно - сожженное село. Я уже забыл после Керченского полуострова, как они выглядят - сожженные села и деревни. Сразу вспомнились одиноко стоящие в выгоревших садах черные остовы печей. И страшная догадка заставила меня вздрогнуть - унылое темно-серое пятно на горизонте и есть Воронеж. Не белые дома, не четкие линии проспектов, не высокие трубы индустрии, а руины одного из красивейших культурных центров России проплыли несколько минут назад неясным контуром на горизонте.

Больше 200 дней Воронеж был ареной ожесточенной борьбы. А в январе того же, сорок третьего, года Красная Армия окружила и разгромила здесь крупную группировку противника. В результате этой операции наши войска освободили большую часть Воронежской и Курской областей. И, продолжая наступление на запад, изгнали захватчиков из Курска, Белгорода, Харькова. Это была одна из крупных побед советских войск в зимнем наступлении 1943 года.

Однако немецко-фашистскому командованию удалось создать юго-западнее Харькова сильную группировку, которая превосходила наши войска в живой силе в два, а в авиации - в три раза, и в начале марта нанести удары по Харькову и Белгороду. Полмесяца советские соединения вели тяжелые оборонительные бои и 15 марта были вынуждены оставить Харьков, а через три дня и Белгород. К концу марта Красная Армия остановила контрнаступление немцев на рубеже Краснополье, севернее Белгорода, далее - по левому берегу Северского Донца. На этом участке фронта и образовался южный фас Курского выступа, то есть Курская дуга. Восточная точка этого фаса была для нашего аэродрома ближайшим участком фронта, расположенного возле лесного массива, неподалеку от реки Оскол.

Как только мы приземлились, последовала команда: "Самолеты рассредоточить, тщательно замаскировать, подготовить укрытия для личного состава".

Вручную закатили истребители в лес на подготовленные стоянки, на плоскости и фюзеляжи самолетов набросали веток. Но этого оказалось мало: нам привезли маскировочные сетки и приказали построить капониры.

Летчикам это не очень понравилось: "Закопаемся, как пехота, а чтобы вылететь, полчаса разгребаться будем". И тут последовало разъяснение, что боевой работы пока не ожидается, личный состав и технику нужно беречь: "Это вам не в тылу загорать. Здесь и фашистские бомберы полетывают".

Словно в подтверждение этих слов, в стороне, километрах в восьми десяти южнее, появился самолет-разведчик. Но с нашего аэродрома никто не взлетал, хотя здесь стояли истребители не только 247-го полка.

Степан Карнач аж кулаки сжал:

- Эх, подлетнуть бы до той "рамы". А, Василь?

У меня тоже появился боевой азарт при виде безнаказанно летающего противника. Тем более что я давно жаждал встречи с врагом.

Мы пошли к Кутихину, который приземлился первым и принимал наши самолеты у стартовой радиостанции. Оказалось, что он и сам хотел поднять пару наших летчиков, но ему запретили.

- Приказ, чтобы мы и носа не показывали в воздухе. Понятно?

- Все понятно, - пошутил Карнач, - торопились воевать, а нас в лесу спрятали.

"Рама" все кружила над одним и тем же местом. Но вот из-за леса выскочили два "яка" и помчались с набором высоты к самолету-разведчику. Тот, заметив советские истребители, развернулся и ушел к линии фронта. А через пятнадцать - двадцать минут появилась группа "юнкерсов". Наших "яков" не было, только редко постреливали зенитки.

Мы, конечно, возмущались: враг совсем рядом, у нас новейшие истребители, мы полны желания драться, а нас так "замаскировали", что сразу и не выберешься для взлета.

"Юнкерсы" отбомбились. Взрывы подняли высокие столбы пыли и дыма. И только тогда на группу немецких бомберов налетели две четверки советских истребителей. Быстро зашли с двух сторон в атаку. С первого же захода три "юнкерса" задымили - и вниз. Остальные, смешав боевой порядок, рванулись на запад. Одна из наших групп еще раз атаковала и сбила четвертый самолет противника. Судя по грамотному тактическому замыслу, умелому маневру, летчики были опытными. Но почему они дали отбомбиться противнику?

Отдавая должное мастерству незнакомых пилотов, мы недоумевали: нам по каким-то высшим соображениям себя показывать нельзя, но где-то рядом другой аэродром, откуда истребители все же взлетают. Только почему с таким опозданием? И "рама" успела навести бомбардировщиков, и - уж

совсем непростительно - "юнкерсы" сумели отбомбиться. Почему наши не взлетели на четыре-пять минут раньше?

В это время Кутихину доложили, что "дуглас" готов лететь за очередной партией технического состава. Командир полка дал мне последние указания, еще раз справился о самочувствии и пожелал ни пуха ни пера.

Самолет взлетает. Я, прижавшись к бортовому иллюминатору, стараюсь рассмотреть место, которое полчаса назад бомбили "юнкерсы". По мере набора высоты это удается. Судя по всему, там был аэродром. Явственно вижу грунтовую взлетную полосу, выбитую колесами, со свежими воронками от бомб. Разбита и стоянка: валяются обломки крыльев, разрушенные хвостовые оперения. Но какие там стояли самолеты, определить не успел.

Да, не очень радостным получился долгожданный день. Не успели еще побывать на фронте, как стали свидетелями печальной истории с бомбежкой, увидели - чего никак не ожидали - наглые действия вражеской авиации и явную нерасторопность наших истребителей. А ведь в тылу, судя по рассказам приезжающих фронтовиков, по материалам печати, по директивным документам, уже принято было считать, что наши ВВС сейчас гораздо активнее фашистских люфтваффе, которые советская авиация успешно атакует на Кубани.

Там бьют, а здесь...

Радист экипажа "Дугласа" крикнул из кабины:

- Подходим к Воронежу!

Об этом я его просил сообщить заранее. Мне хотелось получше рассмотреть город. В то, что он разрушен, не верилось. Я видел пострадавшие Симферополь, Керчь, но представить, что в большом городе не осталось целого здания - не мог. Экипаж самолета предоставил мне возможность разглядеть Воронеж.

И я увидел страшное зрелище: обрушенные закопченные стены домов, заваленные кирпичом улицы. Ни одной уцелевшей крыши, ни одного дерева. Я невольно подумал о своем Киеве, который после героической обороны в июле сентябре 1941 года вот уже почти два года томится под игом фашистов. Два года никаких сведений о родителях, братьях, сестрах. Где они, живы ли? Мы уже знали, что эсэсовцы не оставляют в покое семьи служащих Красной Армии, что они угоняют советских девушек на работы в Германию...

Вспомнился мне и Багеровский ров... Нет, не вспомнился. Такое забыть нельзя. Это в тебе надолго, наверное, на всю жизнь. Память сердца - она постоянна и нетленна. Да, безвинно загубленные дети, старики, женщины - это вечный смертный

приговор фашизму.

На обратном пути, став, во главе восьмерки истребителей, я обратил внимание летчиков на разрушенный Воронеж. Одного из молодых пилотов настолько потрясло увиденное, что он забыл об управлении - самолет с креном пошел на истребитель ведущего. Боевой злости у летчиков прибавилось.

Только вот настоящих боев у нас еще не было. Мы уже несли боевое дежурство, но вылетов на перехват самолетов противника нам не давали. Летчики тщательно изучали по картам, схемам, макетам, аэрофотоснимкам передний край немцев, объекты в тактической глубине их обороны, а полетов на штурмовку, даже на сопровождение "илов" или бомбардировщиков не поручали. Воевали другие: на наш аэродром, как на запасную посадочную площадку, иногда садились самолеты соседей, поврежденные в бою или без горючего в баках, а мы еще в воздух не поднимались.

Возникал вполне резонный вопрос: на фронте мы или нет? В конце концов узнали, что наш полк, дивизия включены в авиационное объединение генерала С. К. Горюнова, которое входит в состав войск Степного военного округа{4}. А пока было распоряжение усилить бдительность, строго хранить тайну дислокации, активно готовиться к предстоящим боям, непрестанно повышая боевую готовность.

Мы могли догадываться, что находимся в резерве. Хотя даже предположить, что такие крупные силы - войска целого округа и воздушную армию - держат в резерве, было трудно. Но так или иначе, а вступать в контакт с противником нам запретили. Даже полеты для поддержания техники пилотирования, обучения молодежи разрешали только в случае, исключающем появление самолетов противника в нашем районе.

Все внимание в отведенное летное время мы уделяли тренировкам молодых летчиков, прибывших из училища с так называемой ускоренной подготовкой. Отрабатывали с ними групповую слетанность, взаимодействие в паре, стрельбу, воздушные бои.

Но вот однажды командир полка подполковник Кутихин сказал мне:

- Пойдешь со мной в зону. "Покрутимся" немного - кто кого?

Я удивился и, уж если быть откровенным, даже обиделся. Сам "вывожу" молодежь, а тут опять проверяют меня, хотя проверок было уже немало. Но... командиру виднее.

Минут пять мы ходим друг за другом на виражах. Причем Кутихин несколько раз подпускал меня к хвосту своего самолета. Именно подпускал, ибо я не мог ни на мгновение подумать, что подхожу к его истребителю благодаря своему мастерству. Тем

более что, как только у меня появлялась возможность его "сбить", Кутихин увеличивал крен, угловую скорость и уходил.

Самолеты у нас новые, мотор тянет безупречно. Мой "як" идет на вираже, словно стоя на плоскости. Но тут Кутихин резко бросает машину вниз. Переходим на вертикальный маневр. Пикирование, боевой разворот, снова пикирование...

Два раза я почти загонял самолет командира в перекрестие прицела, несколько раз сам довольно удачно уходил из-под его удара. И лишь когда расходомер горючего показал, что бензина - только-только дойти до аэродрома, Кутихин покачал крыльями: задание кончаем. Радиопереговоры в нашем районе под строжайшим запретом.

Пристраиваюсь рядышком. Вижу довольное лицо. С такого расстояния не разглядеть, но кажется, что командир подмигивает мне. Я в ответ поднимаю левую руку. Все-таки "покрутиться" с таким летчиком - большое удовольствие и, главное, великая польза. На земле нужно будет подробно разобраться, как ему удавалось выходить из безвыходного положения и атаковать самому.

Снижаемся. Слева под нами тот самый аэродром, который немцы бомбили на наших глазах в день прилета. Вчера вечером его кстати снова бомбили, причем солидно. Странно, что сегодня ни одного обломка нет. В капонирах, прямо у взлетной полосы на опушке леса, стоят целехонькие плохо замаскированные самолеты. Только вот ни на один из знакомых мне типов не похожи... Да это ложный аэродром! Неплохо придумано. Немцы аккуратно бомбят фанерные макеты. А мы тогда об этом и не догадались...

Но вот Кутихин помахал мне рукой: "Подойди поближе!" Я догадался: хочет показать молодым летчикам пилотаж. Как положено, держусь - крыло в крыло. Сели, когда горючее было на нуле. Я удивился: так рисковать - не в правилах Кутихина. Но по дороге в штаб он все объяснил:

- Обиделся - зря! Пойми правильно - на должности помощника по воздушно-стрелковой подготовке мне нужен настоящий летчик, да и не хочу я быть виноватым в том, что тебя собьют в первом же бою.

Тут я чуть не вспылил:

- Так уж и собьют? Так уж и в первом?!

Кутихин положил руку мне на плечо:

- Василий, но у тебя же травмированный позвоночник. В любое время...

Он не договорил. Я готов был обнять своего командира! Такого радостного состояния не было у меня давно. Впервые за

целый год после тяжелой нагрузки я даже забыл о своих поломанных позвонках и, как совершенно здоровый человек, вспомнил о ранении только после слов Кутихина.

- Не болит у меня, командир! Совершенно не чувствую!

Кутихин посмотрел недоверчиво:

- Ну да... А ночью, говорят, стонешь.

- Товарищ командир, сегодня первый раз... Честное слово, не болит!

- Ну, хорошо, хорошо. Молодец! Это у тебя сгоряча, после хорошего полета. Но я очень рад: во-первых, большие перегрузки, во-вторых, полет на полную продолжительность. Именно это хотел проверить: твою выносливость, выдержку, а не технику пилотирования, как ты считал.

Он помолчал, еще раз внимательно посмотрел на меня.

- Я больше скажу: за документами, помнишь, тебя посылал?

- Еще бы не помнить! Тогда я действительно еще чувствовал ранение. Досталось.

- А я ведь тебя специально послал, - Кутихин усмехнулся, - ты ведь и перед отъездом говорил, что абсолютно здоров. Чем крыть? Тогда вот я подумал: хочешь ты летать, воевать, а как это получится - ни ты, ни я не знаем. Хорошо, что после возвращения в полк прошло еще полгода. А если бы сразу на фронт? Вот я тебя и послал - не сломаешься ты в дорожных перипетиях, значит, действительно окреп... Но сломаться на земле - одно, в воздухе - другое. Понял? И два перелета с Волги специально тебе запланировал: справишься, думаю, значит, молодец... Ну, а сегодня, будем считать, последняя проверка.

Кутихин говорил весело, с улыбкой. Чувствовалось, что он искренне рад за меня. А я был бесконечно благодарен командиру за его постоянное внимание, истинное значение которого оценил только сейчас.

Командир понял мое состояние.

- Все в порядке, Василий Михайлович! Как ты там любишь говорить: "Мы еще повоюем"? Повоюем, старший лейтенант Шевчук. Стоп! Помощник командира полка "по огню и дыму" - и старший лейтенант? Не годится...

Я был тронут до глубины души:

- Спасибо, товарищ командир. Спасибо, не нужно мне званий. Лишь бы в бой!..

- Отставить, Шевчук. Мы военные люди, и очередное воинское звание, когда оно заслужено, оправдано, не признак карьеризма. Да учти, я для полка стараюсь. Помнишь, как генерал Баранчук сказал, "знающий помощник по воздушно-стрелковой службе чтобы сам летал как полагается, а главное воевал умно и

умело учил воевать летчиков". Усвоил? - строго, словно сердясь на свою доброту, закончил разговор Кутихин.

Вскоре после "воздушного боя" с командиром меня вызвали в штаб. Там кроме Кутихина и Безбердого я увидел незнакомого капитана. Командир полка познакомил нас. Капитан оказался разведчиком из штаба нашей дивизии. Официальным тоном Кутихин приказал:

- Старший лейтенант Шевчук, получите у капитана задание на разведку. Вылет по готовности, но не позднее чем через час. Контроль проведу сам: Приступайте, товарищ капитан.

Тот показал мне разложенную на столе карту.

- Нужно сходить в район Белгорода, вот сюда, - капитан отметил карандашом точку километрах в двадцати пяти от линии фронта, к западу от Белгорода, - конкретной цели на поиск не ставится. Смотрите внимательно. Все, что увидите интересного, фиксируйте. Особое внимание на колонны танков, машин, пехоты. Вот здесь много дубрав возле дорог, приглядитесь, может быть, припрятана боевая техника, артиллерийские позиции. Вы, по словам командира, опытный разведчик, так что запоминайте. Линию фронта перелетите вот на этом участке, - он показал населенный пункт Гостищево, около которого линия фронта резко поворачивала на запад, - высота четыре тысячи. Потом, естественно, снизитесь до удобной для наблюдения высоты. Район, возможно, прикрыт зенитной артиллерией. Но это, как вы знаете, даже лучше, - капитан виновато улыбнулся, - я имею в виду не для вас, а для целей разведки. Открыв огонь, фашисты демаскируют позиции. Возвращаться можете на бреющем. Маршрут полета наносить только за линией фронта. Надеюсь, вам известно, что на карте нашей территории не должно быть ни одной пометки. Линия фронта - по передовым позициям противника. Давайте уточним их положение.

Я достал карту и карандаши из планшета. Капитан взял его, заглянул во все отделения.

- Извините, старший лейтенант. Сами понимаете, что при полетах через линию фронта, тем более на разведку, никаких лишних бумаг, никаких записей не должно быть. Документы тоже оставьте в штабе. Вам, конечно, это известно, но мой долг еще раз напомнить.

Потом мы нанесли синим карандашом передний край немцев.

- А район поиска запомните без отметки на карте. Желаю удачи, товарищ старший лейтенант. Возвращайтесь. Я вас жду.

Потом я попал уже в руки Кутихина. Он сам помог рассчитать маршрут полета, вместе со мной проиграл его во всех

подробностях. На самом деле командир больше помогал мне, чем проверял боевую готовность:

- Выходи в район поиска не прямо от линии фронта, а вот отсюда, с реки. Видишь - дорога, лесок. Но над дорогой не лети. Могут раньше времени засечь. Жми над лесом. А вот тут даже болото. Явно никаких пунктов наблюдения нет. Но учти, они сейчас локаторами засекают. Поэтому линию фронта прошел на заданной высоте - и сразу на бреющий, максимум пятьдесят метров. Идешь до речки. Тут горка. Набери восемьсот - тысячу метров для общего обзора. С этой высоты в радиусе пяти-шести километров увидишь все. Разглядишь что-нибудь подозрительное, снижайся и уточняй детали. Зенитки откроют огонь маневрируй. Только не постоянной змейкой - пристреляются. Все время меняй крен, угол отворота и высоту.

Периодически Кутихин задавал мне вопросы, ставил вводные:

- В пяти километрах от тебя воздушный бой. Бьют наших. Твои действия?

Вопрос на засыпку. Разведчику не положено вступать в бой. Если даже на него нападают, должен, не принимая боя, как это не стыдно, уйти. Я это хорошо знаю, но, пытаясь спровоцировать Кутихина, отвечаю:

- Конечно, надо уходить, но если наших...

- Никаких но, - резко перебивает он, - в драку не ввязываться. Это требование к воздушному разведчику старое и постоянное. Смотри у меня!..

Наконец все рассчитано и проверено. Кутихин переходит на неофициальный тон:

- Прошу тебя, будь повнимательней. На территорию противника мы давно не ходили. По сути дела, воевать начинаем заново... Ну, что еще? - озабоченно потер переносицу командир и, помолчав по обыкновению, спросил:

- Кого берешь ведомым? Павлова? А может, постарше кого?

- Рано или поздно их нужно выводить.

- Тоже верно... Ну, Василий Михайлович, давай начинай, продолжай счет боевых вылетов полка. Кстати, догадываешься, почему я именно тебя в разведчики определил?

Я улыбнулся:

- Примерно знаю.

Кутихин сердито посмотрел на меня:

- Не примерно, а точно скажу: потому что ты на Керченском очень часто летал. Опыт есть, хотя и забытый. Небось подумал, что снова тебя испытываю? Нет, брат Василий, теперь враг испытывать будет. Давай! Ни пуха...

Стоит ли говорить, как завидовали нам ребята?! А мы с

сержантом Павловым, гордые и по-настоящему счастливые, садимся в кабины самолетов.

После бесконечного ожидания настоящего дела взлет прошел так буднично и быстро, что я не успел испытать никакого душевного напряжения. И только сейчас, набрав высоту и взяв курс на юго-запад, в сторону фронта, почувствовал запоздалое, но сильное, до нервной дрожи, волнение.

Что это? Страх перед рискованным полетом? Любой полет на фронте, тем более на территорию противника, да еще на разведку, опасен. Но думать о риске - значит не летать. Да, известны случаи, когда летчик, сбитый зенитным огнем, после перерыва из-за ранения попадал снова на фронт и некоторое время боялся даже близко подходить к зоне зенитного обстрела. Так неужели я не готов к этому полету? Неужели трушу? Но откуда эта радость, гордость, что именно мне доверено задание на разведку?..

Я посмотрел на ведомого: тот идет рядом, но неровно. Плохо, что смотрит он не отрываясь на мой самолет и не ведет наблюдение за воздухом. А мы уже прошли контрольный ориентир, железнодорожную станцию Прохоровка на ветке Белгород - Курск. Кто бы мог подумать, что через несколько дней этот маленький населенный пункт войдет в историю второй мировой войны как место одного из грандиознейших танковых сражений?!

Скоро линия фронта, и смотреть нужно в оба. А ведомый, чувствую, волнуется. Надо его отвлечь, перебить волнение. По радио разговаривать нельзя. Летчик самолета-разведчика только в особом случае, при обнаружении стратегически важной цели, о которой необходимо тут же сообщить командованию, может использовать радиостанцию. Во всех остальных ситуациях полное молчание.

Покачиваю крыльями: "Внимание!" Павлов заметил - сейчас он должен делать все, как я. Подбираю ручку управления немного на себя, даю ее влево и одновременно жму левую педаль. Самолет выполняет аккуратную управляемую "бочку". Павлов тоже выполняет эту фигуру. "Ну вот и молодец", - киваю ему. Повеселел парень. Поднимаю руку, показываю пальцами на глаза и делаю над головой вращательные движения: "Смотреть надо вокруг!" Понял - теперь начал следить и за воздухом.

По расчетам - под нами линия фронта. По траншеям, окопам, ходам сообщения определить ее трудно. С нашей стороны и со стороны противника они отрыты на большую глубину обороны. Но с высоты четырех тысяч метров все это кажется тонкой паутиной.

Но вот слева внизу небо прошила трасса. Стреляют "эрликоны" двадцатимиллиметровые скорострельные пушки. Теперь ясно - мы над территорией противника. На Керченском полуострове, выполняя задание на разведку, мы заходили к немцам в тыл со стороны моря, где ни линии фронта, ни зениток не было. Здесь же сразу дали понять, что мы "в гостях".

Отдаю ручку от себя, бросаю самолет в пикирование, к земле. Взгляд на ведомого: идет нормально. Выводим на восьмидесяти метрах. Первая полоса обороны осталась позади. На такой высоте за нами уследить трудно.

Внизу мелькают перелески, речушки, полевые дороги, непаханые поля. Люди гибнут, земля, политая кровью, забывшая тепло человеческих рук, не родит хлеба.

Прошли над железной дорогой Белгород - Курск. Здесь и дальше на север она разбита: видны вывороченные шпалы, согнутые гигантской силой взрывов рельсы. По обе стороны насыпи рваные, искореженные коробки вагонов. Или партизаны пустили под откос, или поработали наши штурмовики...

Через пять - восемь километров - шоссе, тоже ведущее от Белгорода на Курск и так же порванное линией фронта. По шоссе едут только отдельные автомобили. Колонн нет: днем они замаскированы в лесах, оврагах.

Но вот несколько машин с большими кузовами-фургонами. Позади автомобиль-цистерна. Это что-то вроде ремонтно-технического подразделения. Огромное желание спикировать на них и пустить несколько очередей. Но разведка только началась - в любую минуту и для обороны боезапас может понадобиться.

Набираем высоту до четырехсот метров. Слева, на траверзе - Белгород. Он километрах в десяти. С такого расстояния, да еще в солнечном мареве, города не видно. Можно только догадываться, что это именно Белгород. От него до Харькова поездом - не больше трех часов. На самолете хватит и двадцати минут. Это уже родная украинская земля!..

Дом... Родные края... Вот они, совсем рядом, но дорога до них ох какая далекая! Даже посмотреть в ту сторону пристально, подольше, некогда. Мы в разведке. Нужно следить и за землей и за воздухом. Самолетов пока не видно. Основное внимание - земле, за воздухом наблюдает ведомый. Изредка поглядываю на него - ничего, головой крутит.

Прошли траверз Белгорода и поворачиваем, как советовал Кутихин, на запад. Вот и район, указанный капитаном из штаба дивизии. Лес, знаменитые в здешних местах дубовые рощи. Деревья растут нечасто, но густая широкая крона могучих дубов может укрыть что угодно.

Снова снижаемся. Берег речушки. На нем и в воде полно людей. Можно позавидовать - день жаркий. Да, но... До меня не сразу доходит, откуда здесь такое количество людей, тем более мужчин. Увидев нашу пару истребителей, купающиеся выскакивают из воды и нагишом бросаются в прибрежный кустарник, в лес. Теперь все понятно: солдаты. Остается только выяснить, какой род войск. Тут уже я догадался - если пехота, на берегу вместе с одеждой должно быть и оружие - винтовки, автоматы. Пехота везде с оружием, и на купанье, конечно. Делаем еще заход, все уже разбежались, но одежда так и осталась на берегу. Нет, оружия не видно. Все ясно - в лесу расположилась артиллерийская или танковая часть.

Проходим над лесом. Быстро мелькают деревья. Уменьшил скорость догадка оказалась верной: вот ствол торчит из-под ветвей, вот угадываются контуры башни. Несколько танков вообще не замаскированы.

Набираем высоту до трехсот метров. Да, в этой дубраве можно целую танковую бригаду спрятать. Судя по количеству купавшихся и учитывая, что немцы народ дисциплинированный и наверняка идут на купание по очереди, танков в этом лесочке - не меньше бригады.

Запоминаю характерные ориентиры: истребитель на разведке ничего не отмечает на карте. Все нужно запоминать. На карту успеваешь глянуть только для того, чтобы сличить ее с местностью. Мысленно накладываю на масштаб карты конфигурации леса, полевую дорогу с севера, характерный изгиб речушки.

В этот момент в наушниках - голос ведомого:

- Командир, "мессер" справа!

Смотрю направо и одновременно показываю Павлову кулак: разговори по радио запрещены! "Мессера" не вижу. А ведомый начинает разворачивать свою машину вправо. Пришлось тоже нарушить правила радиообмена; "Куда? Отставить!" - это я в микрофон, а в пятистах метрах от нас самолет наш Ил-2, "горбатый".

Ведомый уже понял свою оплошность. Я улыбаюсь: как все похоже. Когда-то и я не выдержал, тоже бросился, правда, на "юнкерсы". А здесь штурмовичок ползет над лесом, тоже, видимо, разведчик. Подходим - летчик показывает, что все в норме, собирается возвращаться, предлагает перед уходом "штурмануть" лес. Я отказываюсь - до дома еще далеко, боезапас может пригодиться. Жестами даю понять штурмовику, что прикрою его на всякий случай сверху.

"Ил" с первого захода попал во что-то горючее или

взрывчатое. Огромный дуб, окутанный клубами дыма, медленно, словно нехотя, поднялся в воздух и упал на соседние деревья. Молодец "горбатый"! Мне тоже очень хочется пройтись над лесом. Но что для танковой брони наши пулеметы? А вот там, на речке, можно было бы пострелять этих голышей, вывести из строя экипажи...

Много приходилось слышать, что, если нет противодействия с земли, фашистские летчики не упускают возможности поохотиться даже за отдельными людьми, будь то военные или нет. В прошлом году, когда, раненный, добирался из санчасти Семисотки на аэродром, сам был для них мишенью. А мне сразу просто в голову не пришло - расстрелять бегущих, тем более беспомощных голых людей...

Боезапас, правда, я в этом вылете все-таки использовал. На обратном пути мы догнали ту самую группу машин технического обеспечения и с двух заходов разбили ее.

Линию фронта вместе со штурмовиком прошли на бреющем. И он, покачав приветственно крыльями, пошел на север. Мы с ведомым благополучно сели на свой аэродром.

О результате полета я доложил командиру и капитану разведки. Рассказал и о купавшихся танкистах, выразив сожаление, что не обстрелял их. Кутихин рассмеялся:

- Много знаю признаков для выявления объектов разведки, а вот что по голым танкистам можно определить танковую бригаду - никак не представлял...

Капитан из штаба дивизии согласился, что несколькими очередями можно было действительно вывести из строя немало экипажей.

- Ладно, народ правильно говорит: "Век воюй - век учись, как нужно воевать", - переиначив пословицу, успокоил Кутихин. - Давай, Василий Михайлович, я тебя поздравлю.

Офицер из штаба тоже сказал, что доволен результатами разведки. Данные о танках сходятся с ранее постудившими сведениями.

Я поблагодарил и спросил:

- Теперь бы их, товарищ капитан, накрыть.

- Всему свое время, товарищ Шевчук. Успеете еще.

- Когда?

- Своевременно, - уклончиво ответил он.

В ближайшие несколько дней боевых заданий больше не было, на полеты наложили запрет. С утра до вечера мы усиленно занимались тренировками, проводили теоретические занятия. Каждый вечер руководящий состав полка, эскадрилий собирался возле штабной землянки. Командир подводил итоги, определял

задачи на следующий день, уточнял боевые расчеты групп на случай подъема в воздух.

В тот памятный вечер я подошел к штабу первым. Сел на скамейку, курить, правда, уже не хотелось. Днем стояла жара. Мой корсет был мокрым от пота. Но без него нельзя. Как-то попробовал не надевать: за несколько часов устал больше, чем за сутки на ногах. Спасает меня "жилет" мастера Вано, ох как спасает!

Из землянки вышел Кутихин. Молча сел рядом.

Предвечерняя густая тишина стоит над нашим "тыловым-фронтовым", как острили полковые шутники, аэродромом. Не шелестят даже листья деревьев, надежно спрятавших и наши истребители, и бронированные машины расположившейся в глубине леса большой танковой частя. У них тоже тишина. Нам хоть иногда полетать давали, а им даже моторы запускать запрещено. Все мы ждем своего часа.

Каждый день, судя по сводкам в газетах, советские летчики сбивали десятки вражеских самолетов. Нам оставалось только по-хорошему завидовать братьям по оружию.

Да, где-то люди дерутся, а у нас тишина. Кутихин, видимо тоже думая об этом, вздохнул:

- Тишина. Как будто и войны нигде нет.

Из-за кустов, со стороны эскадрильских каптерок, вышел Меркушев.

- Подходи, комиссар, подходи. Сейчас начальник штаба придет, я командиров эскадрилий вызвал, план на завтра нужно продумать, да расскажи, как собрание прошло, - позвал его Кутихин.

- Я уже полгода не комиссар, а ваш заместитель по политической части, с шутливой укоризной выговорил Меркушев командиру и начал уже серьезно: Молодцы, коммунисты второй эскадрильи! Знаете, какую резолюцию приняли? Не догадаетесь!

- Интересно! - с искренним любопытством сказал Кутихин.

- Ни меньше ни больше как постановили... Но нужно же так далеко смотреть, - Меркушев никак не мог успокоиться. - Так вот, цитирую дословно: "Заслушав и обсудив доклад "Задачи коммунистов эскадрильи в решающих боях с врагом", партийное собрание второй авиационной эскадрильи 247-го истребительного авиационного полка постановляет защищать Родину до последней капли крови, бить фашистов до полного разгрома в Берлине". Каково?

У меня невольно вырвалось:

- Это же здорово! Молодцы вторая!

- И я так считаю. Сначала решил, что слишком громко

сказано. А подумал - нет, все правильно. Слова попросил: учтите, говорю, решение принято и выполнять его вам. А они отвечают: "За нами дело не станет. Давайте в бой! Такого случая, чтобы коммунисты свое решение не выполнили, не было!" Вот так, товарищ командир.

Кутихина тоже обрадовало это неожиданное, но сильное беззаветной верой в победу решение коммунистов эскадрильи. Однако он вспомнил и о неприятных вещах:

- А как насчет винта, поломанного на прошлых полетах?..

Меркушев успокоил:

- Разговор был серьезный. Предложения кое-какие дельные есть. Суммирую их, завтра доложу.

У заместителя командира по политической части, как и у всех коммунистов полка, в последнее время забот было много. В конце мая вышло постановление Центрального Комитета партии "О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет". Это постановление выразило неусыпную заботу партии о дальнейшем улучшении партийно-политической работы в наших Вооруженных Силах. Первичные партийные и комсомольские организации, ранее существовавшие только в полках, теперь создавались в батальонах, дивизионах и равных им подразделениях. Вместо секретарей парторганизаций был введен институт назначаемых парторгов рот, батальонов и полков. Теперь в каждой авиационной эскадрилье у нас появилась полноправная партийная организация, решающая самостоятельно многие вопросы внутрипартийной жизни.

Майор Меркушев все время проводил то с одним, то с другим парторгом эскадрильи, вводил их в курс сложного дела организации партийно-политической и воспитательной работы.

Сегодня заместитель комполка по политической части был доволен: прошло первое в эскадрильском масштабе боевое партийное собрание.

- Понимаете, товарищи, - снова начинал Меркушев разговор на самую важную сейчас тему, - что у нас теперь получается? Коммунистов в частях, даже несмотря на потери, прибавилось. Взять наш полк: в начале войны чуть больше двадцати человек было. А сейчас в каждой эскадрилье по пятнадцать двадцать членов партии... Сила! Или, например, партийные собрания: что ни говори, а на полковых собраниях и толковали больше о полковых делах. О своих, эскадрильских, помалкивали. А тут, в подразделении, все хорошо знают ошибки и успехи каждого. Разговор конкретный, деловой. И уж если кто проштрафился - милости не жди! Да, товарищ Шевчук, - неожиданно обратился

Василий Афанасьевич ко мне, - есть одна идея...

Каждый из нас давно знал, что у заместителя командира по политической части всегда в запасе "одна идея". Если все эти "идеи", вернее, претворение их в жизнь сложить воедино, то в результате получалась большая и сложная сумма, которая как нельзя лучше характеризовала партийно-политическую работу.

А Меркушев уже доверительно положил руку мне на плечо:

- Вам, как члену партийного бюро полка, есть одно поручение. Дело такое: противника мы в глаза давно не видим. Какого-либо более или менее суммированного материала об опыте истребительной авиации за последнее время не имеем. А судя по всему, на Кубани, под Ленинградом, наконец, рядом с нами, у Курска, идут большие бои. Я бы даже сказал - воздушные сражения. Сами понимаете, как важно для наших, особенно молодых летчиков знать о действиях истребителей в этих боях. Соберите сообщения газет, есть любопытный материал в последнем номере журнала "Вестник Воздушного флота", проанализируйте их, обобщите и с тактическими выкладками доведите до летчиков. В прошлом году вы нечто подобное уже делали, и получилось неплохо.

Подполковник Кутихин, внимательно слушавший замполита, поддержал:

- Правильно. И кстати, Шевчук, посмотри у начальника штаба - пришла бумага по тактико-техническим данным самолетов, которые немцы вводят в последнее время в бой. Это уже твое служебное дело, начальник "огня и дыма".

Я, безусловно, был доволен таким поручением, хотя и понимал, что выполнить его не так легко. Меркушев нрав - обобщенных материалов о действиях нашей авиации почти не было. Если по отдельным статьям, очеркам, корреспонденциям в печати можно судить в определенной степени о напряженности воздушных боев, то специфика действий летчиков в тех или иных условиях, их тактика, применяемые боевые порядки в бою - материал не для газетных страниц.

Недавно среди сообщений Совинформбюро было следующее: "Группа наших летчиков-истребителей под командованием Героя Советского Союза капитана Глинки встретилась с десятью самолетами "Мессершмитт-109" и двумя "Фокке-Вульф-190". В ожесточенном бою советские летчики сбили 6 самолетов противника. Вместе с Дмитрием Глинкой отличился и его брат летчик Борис Глинка".

Прочитав, я очень обрадовался за Дмитрия, ставшего отличным летчиком, асом, Героем Советского Союза. Кроме того, в информации упоминался и его старший брат Борис. Они очень

давно хотели воевать вместе и, оказывается, добились этого.

Чрезвычайно интересный материал, а для меня, как для товарища Дмитрия, его однокашника и бывшего командира, особенно. Но как летчик, я из этой информации мало что почерпнул: "Ожесточенный бой...", "Сбили". Все это правильно. Но как сбили? С какой дистанции открывали огонь? Как заходили в атаку? Как дрались немцы, особенно "фоккеры"? На эти и массу других вопросов газетное сообщение, попятно, ответа дать не могло.

Но поручение Меркушева было мне по душе: я сам довольно много размышлял над тем, как лучше преподать молодым пилотам сложную науку ведения воздушного боя. Скоро начнутся крупные боевые операции. Любые сведения о действиях нашей и немецкой авиации сейчас пригодятся. Жаль, что нет специальных обзоров. Как бы они нам помогли!

К штабу подошли несколько летчиков, в том числе капитан Базаров, командир эскадрильи капитан Смагин, Степан Карнач. Смагин обратился к командиру:

- Какие указания на завтра, товарищ подполковник?

Кутихин вздохнул:

- Сейчас продумаем. Летать не дают. С утра, в общем, политинформация для всего личного состава майора Меркушева. Потом старший лейтенант Шевчук проведет занятия по тактике действий штурмовиков и организации взаимодействия с ними.

При этих словах Николай Смагин недовольно поморщился.

Командир насупился:

- Ну, чем недоволен?

- Сколько же, товарищ командир, можно про штурмовиков талдычить? Сами-то воевать будем?

- Командир дивизии сказал, что наша основная задача на ближайшее время - прикрытие штурмовиков. Вопрос исчерпан. Три часа хватит, Василий Михайлович?

Подполковник Кутихин один на один любому говорил "ты" и даже солдата мог назвать по имени. Но когда шел официальный разговор, он обращался ко всем только на "вы" и называл по званию или по имени и отчеству.

- У меня на четыре рассчитано, товарищ подполковник, - попросил я.

- Значит, четыре часа тактической подготовки. Как раз до обеда. После обеда - инженер по вооружению, на материальной части. А то... Смагин, это у вас кто-то в прошлый раз вышел на полигон, а отстреляться "забыл"? Нет? В первой эскадрилье, значит. Ну, вояка. Прилетел, докладывает, что оружие отказало. Проверили, а он перезарядку забыл сделать. Самое серьезное

внимание - действиям с арматурой кабины, - строго приказал Кутихин. Помолчал, словно прикидывая, что можно еще сделать. Но день был уже распланирован. Он улыбнулся.

- Ну, а вечером, опять же Василий Михайлович Шевчук, мой помощник по воздушно-стрелковой службе... - командир посмотрел на собравшихся, а те с недоумением ждали, что еще будет делать Шевчук, - а вечером - песни петь! Шевчук нам споет. Как там, Василий Михайлович: "Вечер близенько, солнце низенько"?

- "Солнце низенько, вечер близенько", товарищ командир, - поправил я.

- Все равно. Хорошая песня. Как сегодняшний вечер, хорошая, согласился Кутихин.

- Да, вечер что надо. Тишина, - поддержал Николай Смагин и прислушался, - чу... кукушка.

Действительно, где-то далеко, в глубине леса, еле слышно раздавалось: "Ку-ку... Ку..."

- И сколько же ты накукуешь? - улыбнулся Кутихин.

Но кукушка смолкла. А может быть, вовсе и не кукушкин это был голос...

- Немного, - произнес кто-то.

Все молчали. Не принято говорить об этом у летчиков, тем более на войне. Но про себя каждый, наверно, подумал: "Кому это? Мне? Ему? Или ему? А может быть, и все доживем до светлого дня, до первого дня мира?.." Хотелось, очень хотелось в это верить. Но все, кто стоял сейчас здесь, возле штабной землянки, под старыми березами с густой кроной: командир полка, майор Меркушев, Иван Базаров, Николай Смагин, Степан Карнач, Николай Буряк, - все побывавшие на фронте знали, что даже победные бои без потерь не обходятся.

- Да, тишина, - перебил молчание Василий Афанасьевич Меркушев, - а войне третий год пошел.

- Что позади - неважно, впереди сколько? - вставил Кутихин.

- Как воевать будем, - улыбнулся замполит.

- Подполковник Кутихин! На проводе командир дивизии! - крикнули из землянки.

...Позавчера, второго июля, генерал Баранчук был у нас. На совещании руководящего состава полка он обратил самое серьезное внимание на поддержание высокой боевой готовности.

- Мы-то всегда готовы. А когда команда на взлет будет? - не удержался от давно наболевшего Степан Карнач.

Баранчук, не обращая внимания на вопрос, как всегда добродушно, бросил командиру полка:

- Кутихин, я всегда говорил, что у тебя не летчики, а

ораторы, - и уже серьезно громким басом продолжал: - Да, боевую готовность от нас требовали всегда. Но с сегодняшнего дня, подчеркиваю, с сегодняшнего, особенно с рассвета завтрашнего - третьего июля, приказываю чувствовать себя так, будто каждую минуту может прийти команда на вылет. Задачи полку: первая и основная - сопровождение штурмовиков по маршруту и прикрытие их действий в районе цели. Количество сопровождающих самолетов, групп будет объявляться дополнительно в каждом отдельном случае. Вторая задача - прикрытие наших наземных войск от воздействия противника с воздуха. Третья - самостоятельная штурмовка наземных объектов противника по особому приказу. Во всех трех случаях - борьба с бомбардировщиками и истребителями фашистов. В любое время может поступить команда на воздушную разведку противника. Для этого выделить лучшие экипажи, имеющие опыт разведполетов. Это - четвертая задача. Еще раз говорю, по-морскому: быть "на товсь"!

Телефонный разговор Кутихина с генералом Баранчуком продолжался недолго. Вышел наш командир из землянки озабоченным.

- В чем дело? - спросил Меркушев.

- На "товсь"! - ответил Кутихин словами командира дивизии и приказал: Перед самым рассветом, а точнее, в два тридцать первой эскадрилье заступить на боевое дежурство. Над КП две зеленые ракеты - немедленно в воздух. Это значит, что где-то рядом самолеты противника. Действовать самостоятельно и по командам радио с земли. Первой и третьей эскадрильям находиться возле самолетов. О задачах полка позавчера говорил командир дивизии. Повторяю: главная - сопровождение штурмовиков, прикрытие наземных войск, самостоятельная штурмовка. Конкретное задание - перед вылетом.

Кутихин посмотрел на часы.

- Все ясно? На ужин и отбой...

Но мы медлили расходиться. Сейчас все были убеждены, что на этот раз начинается серьезное дело. Каждый По-своему, по-разному, но все думали об одном и том же - наступают очень важные, решающие дни не только для нас, летчиков 247-го истребительного авиационного полка, но и для всей Красной Армии, для Родины.

Два года войны подготовили в нас эту уверенность.

Все было: жестокие, неожиданные поражения в неравных боях, горе огромных потерь, бессильная ярость отступления, растущая ненависть к фашизму. Но с первого дня войны были у нас и победы. И с каждым днем было больше и больше наших

побед. Пусть нас теснили на юге, но под Москвой наступали мы. Мы отходили к Кавказу, но насмерть стояли под Ленинградом. Мы оставили Севастополь, но отстояли Сталинград. Мы бросались под танки с последней гранатой, но преграждали врагу путь. Мы закрывали грудью амбразуры дотов, но наши товарищи шли вперед. Мы падали, ломая самолеты, но Родина давала нам новые могучие крылья, и мы взлетали снова, били врага яростно и умело.

Да, не все дойдут, не все долетят до нашей большой Победы. Но каждый из нас в грядущих боях одержит свою личную, пусть незаметную, но победу. И та, большая Победа будет знать каждого, ибо она называется еще по-другому: вечная память погибшим за народ, за Родину.

И мне в эти минуты торжественного молчания друзей вспомнились строчки из последнего письма жены: "Я не говорю тебе - береги себя. Знаю, на войне беречься - значит быть трусом. Но молю, заклинаю - вернись живым. Мы с дочкой очень просим - победи и вернись. Мы ждем..."

* * *

Утром, скорее даже ночью, еще затемно, все проснулись без обычной команды "Подъем!". Я с вечера, чтобы не тратить времени на одевание, лег, не снимая "жилета" мастера Вано. Здорово выручает меня работа старика. Спать, правда, в нем не очень удобно...

Мы торопимся к самолетам, поеживаясь, подходим к стоянкам. Механики уже расчехлили машины и снова поправили маскировку. Баки заправлены, оружие готово к бою.

Летчики первой эскадрильи заняли места в кабинах. Чтобы не терять время даром, я решил еще раз напомнить остальным о немецком истребителе ФВ-190А, уточненные тактико-технические данные которого получены вчера. Эта модификация "фокке-вульфа" отличалась усиленной броневой защитой, вплоть до специального броневого кольца вокруг капота двигателя, мощным вооружением. Но было уже известно, что ни усиленная броневая защита, ни мощный залп бортового оружия не спасают это очередное "сверхоружие" фашистского рейха от советских истребителей. По выражению одного летчика-фронтовика, "горят они нормально".

С востока послышался гул авиационных моторов. В посеревшем предрассветном небе над нами пролетела группа "пешек" - пикирующих бомбардировщиков Пе-2. Следом прошла вторая. Еще одна. Потом солидно проплыла девятка тяжелых Ил-4 - модифицированного варианта дальнего бомбардировщика ДБ-3. Эти самолеты еще в августе сорок первого года, когда

геббельсовская пропаганда кричала на весь мир, будто люфтваффе уничтожили советскую авиацию, бомбили Берлин.

После дальних бомбардировщиков снова шли группы Пе-2.

Бомбардировщики и раньше летали над нами. Но такого количества мы ни разу не видели.

- Вот это сила! - восхищенно воскликнул кто-то из молодых летчиков, - в жизни столько самолетов сразу не видел.

Я и сам подумал, что видел такое не часто. Вспомнилась весна сорок второго на Керченском полуострове. Тогда над нами тоже летело очень много самолетов и сосчитать их тоже было трудно. Но шли они в те дни с запада и несли на хвостовых оперениях зловещую свастику. Гул их моторов заставлял прижиматься к земле. Сейчас рокот боевых машин казался мощной боевой песней нашего наступления. И я восторженно закричал:

- Ребята, это же наступление! Начинается!

...Но в тот день, 5 июля 1943 года, началось наступление не наших, а немецко-фашистских войск.

Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, с открытием которого наши союзники явно не спешили, немецко-фашистское командование перебросило в район Курской дуги несколько дивизий. Сюда стягивались и крупные силы авиации. Из Франции, Норвегии и Германии дополнительно было перебазировано пять авиационных групп. Всего насчитывалось более 2000 боевых самолетов под командованием известного немецкого аса командующего 4-м воздушным флотом люфтваффе генерал-фельдмаршала В. Рихтгоффена. Для удара по советским войскам гитлеровцы стянули до 2700 танков, среди которых было несколько сотен новых машин типа "тигр" и "пантера". Эту технику гитлеровцы считали тем пресловутым "секретным оружием", которое якобы даст им "ключ к победе" на восточном фронте. Под Курском они были введены в бой впервые.

Красная Армия тоже усиленно готовилась к решающему сражению. Верховное Главнокомандование намечало в летне-осенней кампании этого года разгромить немецкие группы армий "Центр" и "Юг", освободить Левобережную Украину, Донбасс, восточные районы Белоруссии. В этом наступлении должны были участвовать войска левого крыла Западного фронта, Брянский, Центральный, Воронежский, Степной фронты и часть сил Юго-Западного фронта. Главные усилия Ставка предполагала сосредоточить на юго-западном направлении. Здесь планировалось разгромить врага на Курской дуге, в районах Орла и Харькова.

В начале июля в частях противника шли последние

приготовления к наступлению. Фашистское командование старалось обеспечить внезапность удара. Но эти надежды не оправдались. Советское командование внимательно наблюдало за действиями врага. 2 июля было определено время начала операции. В тот день Ставка сообщила командующим Центральным и Воронежским фронтами, что противник может перейти в наступление на Курской дуге в период 3-6 июля. Перед этим, правда, уже были сигналы, что наступление гитлеровских войск может начаться 10, а затем 19-26 мая, однако сведения оказались неточными. Но в первых числах июля предположения Ставки о сроках начала немецкого наступления подтвердились показаниями пленных. В эти дни в районе Воронежа летчик-истребитель лейтенант А. Кожевников сбил самолет-разведчик противника. Немецкий пилот был взят в плен и на допросе в штабе Воронежского фронта показал, что наступление намечалось в июне, но было отложено на начало июля.

Реальность предположения Ставки, основанного на глубоком анализе, сопоставлении всех имеющихся в ее распоряжении сведений, подтвердили и немецкие пленные, захваченные нашими разведчиками в ночь на 5 июля. Они точно назвали время начала наступления - 3 часа ночи.

На рассвете 5 июля войска Центрального и Воронежского фронтов обрушили мощный артиллерийский удар по боевым порядкам, огневым позициям артиллерии, командным и наблюдательным пунктам врага.

В то равнее утро мы, летчики 247-го истребительного авиационного полка, конечно, не знали обо всем этом. Мы были готовы к боям, с нетерпением ждали их около своих самолетов. Наконец команда на взлет.

Началась одна из крупнейших битв второй мировой войны...

Под крылом - земля Украины

Мы в воздухе. Курс на юго-запад. Прошли линию фронта и направились к цели - одному из аэродромов под Харьковом. Но время налета выбрано неудачно: "юнкерсов" на аэродроме нет. Они, видимо, тоже ушли на задание.

Ведущий группы штурмовиков идет на заранее определенную запасную цель район переправы через реку. Там окопались находящиеся в резерве танки, автомашины. Несколько зениток открыли огонь. Темные шапки разрывов вспыхивают между штурмовиками, к ним потянулись и трассы "эрликонов". Но тут же на зенитные позиции бросились несколько Ил-2. Они встали в круг и, не давая зенитчикам поднять головы, методично поливают позиции пушечно-пулеметным огнем, осыпают бомбами.

Наша группа ходит выше штурмовиков. Каждый внимательно смотрит за воздухом, ведя поиск вражеских самолетов. Но их пока нет, и взгляд невольно обращается к земле. Там вспыхивают пожары, взрывы поднимают огромные клубы дыма и пыли, выше которых взлетают обломки боевой техники противника - вот они, результаты работы "илов". А они непрерывно делают заход за заходом. Ракеты срываются из-под плоскостей штурмовиков, огненными молниями мчатся вниз, вспарывают землю, уничтожают все, что там находится.

С этого вылета началась активная боевая работа нашего 247-го истребительного авиационного полка. В основном мы летаем на прикрытие штурмовиков. А у них задач много: удары по аэродромам сменяются обработкой переднего края противника, штурмовкой танков, подходящих к полю боя или выдвигающихся из глубины обороны.

Недаром командование дивизии в последнее время обращало наше внимание на изучение тактики действий штурмовиков, методов обеспечения их истребительной авиацией. Хотя наши летчики, которые воевали еще на Керченском полуострове, и имеют определенный опыт совместной работы, занятия по взаимодействию со штурмовой авиацией полезны и нам, особенно молодым пилотам.

По сравнению с прошлым способы боевого применения штурмовой авиации приобрели много нового, рожденного в боях прошедшего года войны. Развитие тактики штурмовиков, повышение эффективности их действий обеспечило резкое количественное и качественное улучшение самолетного парка.

Самолеты-штурмовики Ил-2 получили свою защиту - во второй кабине вооруженный пулеметом стрелок-радист. Увеличилась бомбовая нагрузка, пушечный залп, на машинах появились устройства для подвески грозного оружия - реактивных снарядов.

Очень многие летчики-штурмовики - эти смелые, мужественные люди успешно вели бои с истребителями противника и побеждали. Но боевая практика показала: прикрытие действий штурмовиков необходимо. Как правило, оно осуществлялось двумя способами: непосредственным сопровождением и патрулированием в районе цели.

Ко времени Курской битвы основным способом обеспечения действий штурмовиков было сопровождение их нашими истребителями до цели и обратно. Наряд сил прикрытия зависел от воздушной обстановки, важности задачи, количества штурмовиков, наличия истребителей.

Завтрашний вылет, например: наша истребительная

авиационная часть в полном составе получила задачу прикрывать два полка штурмовиков.

Подполковник Кутихин сам проводил предварительную подготовку летного состава. Он уже встретился с ведущим группы - командиром штурмовой авиационной дивизии полковником Володиным и обговорил с ним все детали взаимодействия в предстоящем вылете.

Кутихин распределил летчиков полка в две группы. Первая - главные силы прикрытия. В нее вошли две эскадрильи. Вторая - непосредственного прикрытия. У каждой из них задача одна и та же - не допустить нападения истребителей противника на боевые порядки штурмовиков, но выполняется она по-разному.

Группа главных сил прикрытия (потом ее стали называть ударной) отсекает нападающего противника, сковывает его боем и не подпускает к штурмовикам. Истребители непосредственного прикрытия ограждают Ил-2 от нападения отдельных самолетов и мелких групп, прорвавшихся через боевые порядки главных сил прикрытия.

После общей предварительной подготовки все детали предстоящего вылета обсуждаются в группах, звеньях, парах. Подполковник Кутихин ведет, как и положено командиру, группу главных сил прикрытия. И я в ней - ведущим пары. Опять немного обидно - больше пары Кутихин мне не доверяет и держит около себя. Но оспаривать решение командира я не привык.

Многих из тех, кого завтра пойдем прикрывать, мы уже знали. Летчики-штурмовики Талгат Бегельдинов, Иван Михайличенко, Василий Андрианов, Николай Столяров, Алексей Митрофанов, Михаил Степанов, Алексей Пошивальников и их товарищи из полков соседней штурмовой авиационной дивизии, с которой мы будем взаимодействовать, были уже известными воздушными бойцами, имели на своем счету не один десяток боевых вылетов. А что такое боевые вылеты на штурмовку, хорошо известно всем авиаторам. Еще на Керченском полуострове мы были свидетелями их отчаянной храбрости. Они выполняли важнейшие задания командования по уничтожению штабов, переправ, колонн техники, обрабатывали передний край противника, ходили на разведку.

Наши летчики хорошо понимали, что задача на прикрытие штурмовиков почетная и ответственная. Каждому хотелось поговорить, обменяться мнениями по поводу грандиозности операции (никому из нас еще не приходилось участвовать в таком массовом вылете), но мы были предупреждены, что до самого взлета никто из посторонних не должен знать о содержании задания.

Войдя в столовую, мы, однако, ахнули. Командир БАО - знал ли, догадывался ли - ужин организовал на славу. Сказать прямо, кормили нас не очень здорово, хотя норма и была летная. А тут если не праздничным был стол, то, во всяком случае, не обычным. Еды вдоволь, приготовлено вкусно и даже с деликатесом - свежей жареной картошкой. Официантки нарядные, мило улыбаются, словно весь полк - именинники.

Кто-то из ребят не удержался и сказал, вспомнив свою жизнь до армии в деревне:

- Как дома, бывало, перед пахотой, мать мужиков кормила. Весна - время голодное, а уж перед выходом в поле - на столе самое лучшее, досыта.

Слово - к месту. Завтра у нас действительно "пахота".

После ужина отбой. Спать никому не хочется. Возбуждение не дает закрыть глаза, но предстоящее завтра трудное дело потребует свежих сил...

Утром нам уточняют задачу: сопровождать штурмовики 1-го штурмового авиационного корпуса, которые идут для нанесения удара по скоплению танков на обояньском направлении, где противник все еще пытается развить свой незначительный успех первых дней наступления.

Внушительное зрелище - летящая армада самолетов. Штурмовики идут девятками друг за другом. Два полка, пятьдесят четыре самолета, груженных бомбами, реактивными снарядами, с полным боекомплектом к пушкам и крупнокалиберным пулеметам - сила немалая.

Наша группа следует с превышением над строем штурмовиков в шестьсот семьсот метров, Самолеты непосредственного прикрытия - следом за ними и выше метров на двести.

И появляется чувство гордости за нашу авиацию, за тружеников тыла, которые дают нам в руки такую силу. А вместе с этим растет уверенность в успехе, тем более что в воздухе мы не одни. Слева выше нас солидно плывут бомбардировщики - тоже под прикрытием истребителей. Справа ниже - опять штурмовики. Их небольшие группы одна за другой идут на передний край противника помогать пехоте. А там роятся истребители - прикрывают наши наземные войска, ведущие тяжелые бои с наступающим врагом.

Незадолго до вылета мы нанесли на карты очертания переднего края. Противник начал наносить главный удар в первые дни своего наступления из района западнее Белгорода в общем направлении на Курск. Входившие в ударную группировку танки наступали в полосе около 30 километров. Из района

северо-западнее Тамаровки механизированные войска фашистов пошли на Черкасское и Обоянь, а из района севернее Тамаровки - на Грезное. Продвигались их танковые части и в направлении Корочи.

Вражеские танки при поддержке артиллерии и авиации шли вперед группами от семидесяти до двухсот машин. Уже в первый день в боях на этих направлениях участвовало до семисот танков. Но наши войска не дрогнули. Фашисты попали под хорошо организованный прицельный огонь орудий, минометов, реактивной артиллерии и несли большие потери. Однако гитлеровцы лезут напролом, бросая в бой все новые и новые силы.

Наступают немецко-фашистские войска с неослабевающим напором. Пыль и дым, поднятые танками и разрывами, хорошо обозначают район боев. На ближнем к нам участке фронта, на восточном углу южного фаса Курского выступа, противник нанес мощные танковые удары от Белгорода в северном направлении на Курск и к северо-востоку на Корочу.

В танковых корпусах фашистов, которые лавиной идут на оборону советских войск, "тигры", "пантеры", словом, целый зоопарк. Прикрывают этих "зверей" новые штурмовые орудия.

Да, техника серьезная. У танков толстая броня, мощные пушки, хороший ход. Но, наткнувшись на специально оборудованные противотанковые узлы нашей обороны, эти бронированные чудовища не могли одолеть мужество советских воинов, вооруженных мощными противотанковыми средствами.

Отличное средство борьбы с танковыми полчищами врага есть и у наших друзей - штурмовиков. Мы, летчики-истребители, сопровождая "илы" на штурмовку танковой колонны, удивились, увидев, что из-под плоскостей штурмовиков посыпались маленькие, почти невидимые в воздухе, бомбы. Первая мысль: таким "горохом" даже пехоту не побьешь. Но большинство танков, осыпанных маленькими бомбочками, начинали гореть, испуская, словно дьявольский дух, черный смердящий дым.

О нашем налете в сводках 1-го штурмового авиационного корпуса будет написано: "...7 июля 1943 года в период с 4 час 40 мин до 6 час 40 мин штурмовики 1 шак двумя группами в 16 и 33 самолета под прикрытием 30 истребителей нанесли удар по скоплению 300-350 танков противника, изготовившихся для атаки на обояньском направлении. Совместными усилиями 3-го механизированного корпуса и 1-го штурмового авиакорпуса была ликвидирована попытка прорвать оборону в центре 1-й танковой армии"{5}.

Приземлившись, мы попросили штурмовиков показать нам этот "горох". Оказалось, что перед началом Курской битвы в штурмовые и бомбардировочные авиаполки самолетами были доставлены прямо с заводов только что запущенные в массовое производство специальные противотанковые кумулятивные авиабомбы. Ими наполняли контейнеры, которые подвешивались к самолетам. Ил-2, например, брал с собой около 200 этих бомбочек.

Кумулятивное действие ПТАБ основывалось на принципе концентрации взрыва в одном направлении. Со скоростью 12-16 километров в секунду бомба устремлялась на чрезвычайно малую площадь, и тонкая струя раскаленного металла и газов буквально прошивала броню танков. Эффективность этого оружия, как и артиллерийских снарядов, основанных на том же принципе, была необычайно высока.

Наступление немецко-фашистских войск на Обоянь и на Корочу продолжалось. Они несли большие потери, по вводили в бой очередные дивизии танковых корпусов. 7 и 8 июля гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки расширить

коридор прорыва флангов в сторону на обояньском направлении и углубить его к Прохоровке, на корочанском же направлении около 300 танков рвались от Белгорода на северо-восток.

Если наш первый вылет 5 июля прошел без вмешательства вражеских истребителей, то в последующем бои приходилось вести часто.

Особенно трудно пришлось утром 8 июля. Как обычно, все наши истребители пошли на прикрытие двух полков штурмовиков. Над линией фронта в воздухе такая масса самолетов, что сразу трудно разобраться - где свои, а где чужие. Перед самой целью в боевые порядки нашей группы врезалось около двух десятков "юнкерсов" вместо со своим прикрытием. "Илы" быстро встали в круг. Этот боевой порядок позволяет штурмовикам наиболее эффективно отражать атаки противника. Истребители группы непосредственного прикрытия, которую вел комэска Смагин, вступили в бой с "мессерами". Часть нашей ударной группы пошла ему на помощь, вторая начала атаковать "юнкерсы" и их прикрытие.

Через несколько минут в воздухе все смешалось. Даже поймав в прицел вражеский самолет, иногда опасно открывать огонь, так как здесь же одновременно и наши самолеты. Много внимания тратишь, чтобы просто не столкнуться со снующими вокруг машинами. Ведущий нашей ударной группы подполковник Кутихин все время старается перевести бой на вертикаль. Мы быстро набираем несколько сот метров, осматриваемся, разбираемся в обстановке, насколько это возможно, и, выбрав цели, мчимся вниз.

Район боя насквозь прошит огненными трассами: атакуем мы, отстреливаются "юнкерсы", ведут огонь "мессеры", отбивают атаки "илы".

Задымив, падают первые сбитые самолеты. Белыми ромашками распускаются парашюты. В правой плоскости моего "яка" прямо на глазах появляется несколько отверстий. Внизу подо мной - распластанные крылья "юнкерса". Сетку прицела стараюсь наложить на двигатель или кабину, открываю огонь. Мимо "юнкерс" уходит в пикирование. Но у меня скорость больше - догоняю, подтягиваю ручку на себя, "переламываю" траекторию полета. Совсем рядом голубое, с черными подтеками масла брюхо бомбардировщика. Палец жмет на гашетку. Явственно вижу, как пушечная очередь впивается в машину противника, рвет дюраль фюзеляжа.

В нескольких десятках метров креном вправо ухожу от него в сторону и вверх. Вовремя: очередь, видимо, попала в бомболюк. Мощный взрыв разнес "юнкерс", сильно тряхнул мой самолет. А

через секунду на месте только что летевшего бомбардировщика - мелкие обломки.

В этом бою летчики полка сбили шесть вражеских самолетов. Отличились Иван Базаров, Степан Карнач, сам командир полка Кутихин.

Столько же сбили и наши друзья - штурмовики. Да, второй член экипажа стрелок-радист, занимает в боевой машине место недаром.

Радость победы омрачена большой утратой. Мы потеряли двух товарищей. Погибли замечательный человек, отменный истребитель командир эскадрильи капитан Николай Смагин и опытный летчик командир звена старший лейтенант Василий Федоров. Николай Смагин поджег один "мессершмитт", заходил в атаку на второй, и в этот момент его сбили. Самолет Федорова, судя по рассказам очевидцев, поджег стрелок "юнкерса". Еще два летчика полка на поврежденных самолетах перетянули линию фронта и над нашей территорией воспользовались парашютами...

После боя командир полка приказал мне опросить участников вылета, составить подробную схему боя всей группы, отдельных пар и летчиков, проанализировать ошибки, отметить тех, кто действовал грамотно, решительно.

Анализ показал, что большинство истребителей, даже молодежь, в сложной обстановке действовали правильно. Но выявился и существенный недостаток. Вначале пары старались держаться плотным строем и этим сковывали друг другу свободу маневра. Во второй половине боя, наоборот, группа рассыпалась на пары и даже на одиночные самолеты. Не избежал этой ошибки и я с ведомым, который потерял меня в первые минуты. То же самое случилось и с парой Николая Смагина. Ведомый оторвался от него, и в критический момент Николай остался один на один с четырьмя истребителями противника.

В тот день мы с командиром полка, Карначом и Меркушевым долго размышляли над итогом боя, прежде чем подполковник Кутихин выступил с разбором перед летчиками. Напрашивался вывод - при полете большой группой для предоставления свободы маневра паре, звену, для эффективной атаки противника каждым самолетом необходимо боевые порядки группы строить более рассредоточенно, увеличить интервалы и дистанции между звеньями и парами. Самое серьезное указание ведомым летчикам: из строя пары их может вывести только смерть.

Одна из причин наших ошибок - отсутствие опыта ведения боевых действий такими большими группами. Это количественное изменение едва не обратилось против нас. Раньше все мы, не исключая командира полка, считали, что чем

плотней боевой порядок группы, чем тесней взаимодействие в ней пар и звеньев, тем мощней удар по противнику. Но это тесное взаимодействие сковало нас в начале боя и привело к распылению сил группы в последующем.

Майор Меркушев во время обсуждения боя высказал даже предложение о том, что пары и звенья в группе можно рассредоточить не только в горизонтальной плоскости, но и эшелонировать по высоте.

К великому сожалению, нам тогда не было известно, что именно так строили свои боевые порядки наши истребители во время воздушных боев на Кубани. Вскоре, однако, начали поступать документы, обобщающие опыт боев нашей авиации на разных фронтах. Командование Военно-Воздушных Сил Красной Армии как раз в это время обратило серьезнейшее внимание на анализ и распространение опыта лучших частей и соединений авиации, летчиков-асов. Мы узнали, что в воздушных армиях генералов К. А. Вершинина, Т. Т. Хрюкина, в соединениях генерала Е. Я. Савицкого, полковника А. В. Бормана, И. М. Дзусова летчики А. И. Покрышкин, Д. Б. Глинка, В. И. Фадеев, Г. А. Речкалов уже весной этого года широко применяли растянутые и эшелонированные по высоте боевые порядки в группах истребителей. Именно там появилась знаменитая "кубанская этажерка" и формула победы: "Высота, скорость, маневр, огонь", одним из авторов которой был Александр Иванович Покрышкин.

Нужно прямо сказать, что информация о передовом боевом опыте, новых тактических приемах и способах борьбы в воздухе, которая регулярно, хотя и с некоторым опозданием, стала поступать по официальным каналам, принесла неоценимую пользу нашей авиации. В середине сорок третьего года специальным приказом командующего ВВС Красной Армии в воздушных армиях, соединениях вплоть до дивизии была введена специальная должность офицера по обобщению и распространению в частях боевого опыта. А в штабе ВВС даже создан целый отдел.

В то же время помощнику командира полка по воздушно-стрелковой службе вменялось в обязанность составление графических схем проведенных летчиками боев с кратким их описанием. Каждый бой, в котором был сбит противник или наш самолет, в обязательном порядке подтверждался такой схемой-описанием. Это прибавило мне работы, но позволило глубже и внимательнее изучать действия летчиков в бою, выявлять их слабые и сильные стороны.

Несмотря на все еще сильное противодействие авиации противника, наши летчики одерживали одну победу за другой. На

бортах самолетов Ивана Базарова, Николая Буряка, Степана Карнача регулярно прибавлялись новые красные звездочки - так с некоторых пор стали отмечать победы летчиков в воздухе. Прибавилось несколько звездочек и у меня.

Но не в этом, конечно, главное, а в том, что в течение нескольких дней, когда немецкие танковые войска пытались безуспешно развить свой первоначальный успех (к 11 июля за пять дней наступления, введя все дивизии танковых корпусов, противник сумел продвинуться к Прохоровке на расстояние до 35 километров, а на корочанском направлении - на 10-12), советская авиация выходила победительницей в единоборстве за господство в воздухе.

Да, бои были жестокие и на земле, и в воздухе. Тысячи советских воинов покрыли себя неувядаемой славой мужественных, стойких, умелых бойцов. В те дни не было легких побед, если только вообще они могут быть легкими! С каждым днем все яростнее разгорался огонь сражения на земле, и чернело небо, застланное дымом падающих самолетов. Каждый день приносил успех, по нередко мы несли и потери.

Неудачным стал для меня шестой день Курского сражения. В первом утреннем вылете я был во главе десятки истребителей группы прикрытия штурмовиков, которых вел полковник Донченко - командир штурмовой авиационной дивизии. До цели дошли относительно спокойно. "Илы" успешно отработали, и мы возвращались домой. На подходе к линии фронта нас атаковали "мессершмитты". Мы связали их боем, оттянув в сторону от штурмовиков, которые благополучно ушли за линию фронта. У нас же горючее и боеприпасы - на исходе. Я подал команду летчикам выходить из боя и лететь на свою территорию. В это время несколько "мессеров" отсекли меня от группы. Очередь крупнокалиберного пулемета прошила борт кабины и разворотила всю приборную доску. Брызнуло стекло высотомера.

Даже не оглянувшись, я бросил самолет на левое крыло вниз. Второе такое попадание могло натворить бед побольше. Вывел свой "як" над самыми верхушками деревьев. Поднял голову, осмотрелся - "мессеры", как стервятники, кружатся над лесом. Но, видимо, мой самолет зеленым камуфляжем хорошо вписался в зелень леса - так они меня и не разглядели, а то пришлось бы худо. У противника преимущество в высоте, и расстрелять истребитель, прижатый к земле, не составило бы большого труда.

Только подходя к линии фронта, увидел на полу кабины, на приборной доске кровь и тут же почувствовал боль... На правой руке вырван кусок перчатки; кровь льет, а остановить нечем. До аэродрома же еще добрых полсотни километров.

В это время - тревожный голос по радио:

- "Шевченко", "Шевченко"! Где ты? Где ты?

В таком измененном виде моя фамилия стала позывным.

Отвечаю:

- Иду на точку.

А на аэродроме беспокоятся:

- Что случилось?

- Все в норме, чуток поцарапан.

Я так думал. Одна из пуль, видно, прошла по мякоти между большим и указательным пальцами. Заживет! Только вот кровь хлещет... Пытаюсь зажать рану левой рукой, но это невозможно, руки для управления истребителем должны быть свободными.

Вот и Старый Оскол - полевой аэродром. Захожу на посадку - в конце полосы стоит санитарная машина, несколько человек в белых халатах. Спросил по радио Кутихина, который сегодня руководил полетами:

- Как мои?

Командир успокоил:

- Порядок, все сели. Как ты? - И, не дождавшись ответа, приказал: Подруливай к санитарной.

Я хотел было возразить: "Стоит ли связываться с медициной?" - но не успел самолет закончить пробег, как рядом уже стояла машина с красным крестом. Я порулил на стоянку. Остановив мотор, расстегнул ремни парашюта и... потерял сознание.

Врач констатировал: "Ослабление организма до потери сознания летчиком произошло из-за большой потери крови". Поставил мне скобочку на рану и уложил в постель.

Но залеживаться я не собирался. На другой день утром, пользуясь отсутствием врача, выпросил у сестры обмундирование и, как потом доложили командиру, "самовольно прекратил процесс лечения и дезертировал из санчасти". Сразу, правда, меня Кутихин в воздух не выпустил. Но на следующее утро, поверив моему честному слову, что чувствую себя отлично, разрешил летать.

Этот день был решающим моментом Курского сражения. Советское Главнокомандование, оценив обстановку, приняло решение перейти в контрнаступление. Вчера немцы, убедившись, что прорваться к Курску кратчайшим путем невозможно, сосредоточили все усилия на прохоровском направлении. Произошло крупнейшее в истории второй мировой войны встречное танковое сражение.

"Тигры", "пантеры", "фердинанды" устремились на Прохоровку. Им навстречу шли наши танки Т-34. Несмолкающий

лязг танковых гусениц, взрывы снарядов и бомб сотрясали землю. На многие километры вокруг, как и над полем боя, клубилась пыль, к небу поднимался густой черный дым. Пороховая гарь чувствовалась даже в кабине самолета. В воздухе в это время на нескольких ярусах дрались истребители, ниже большими группами работали штурмовики.

Нашей дивизии, соседям-штурмовикам, хотя мы и числились в составе резервного Степного фронта, наземные войска которого еще не вступали в сражение, приходилось выполнять по нескольку вылетов в день. Особенно большая нагрузка выпала на долю незаменимых "илов". Капитаны Шубин, Пошивальников, лейтенант Бегельдинов, который летал с раненой рукой, их товарищи штурмовали подходящие танковые резервы врага прямо на поле сражения. А это было непросто. Дым и пыль затрудняли поиск целей, возникала опасность нанести удар по своим. Но мастера штурмовых атак действовали умело, четко.

В эти дни у штурмовиков погиб Герой Советского Союза Михаил Малов. Совершил подвиг командир эскадрильи капитан Шубин. Разрывом зенитного снаряда на его машине оторвало полкрыла. Самолет падал, экипаж мог выброситься на парашютах. Но краснозвездный штурмовик шел вниз. Летчик и стрелок-радист предпочли плену смерть. Перед самой землей комэска вырвал самолет из пикирования и направил на скопление вражеских танков...

Авиация противника, несмотря на то что гитлеровское командование перебрасывало силы с других фронтов и из резерва, все больше и больше теряла свои позиции. Борьба за господство в воздухе, начатая в воздушном сражении на Кубани, уже в период оборонительных боев на Курской дуге принесла успех нашей авиации.

3 августа ранним утром началась артиллерийская подготовка Воронежского и Степного фронтов к решающему этапу наступательной белгородско-харьковской операции, Активное участие в подготовительном периоде наступления принимала и авиация. Части 2-й воздушной армии генерала С. А. Красовского и 5-й воздушной армии генерала С. К. Горюнова обрушили всю мощь своих ударов на противника.

247-й истребительный авиационный полк по-прежнему имел главной задачей прикрытие штурмовиков. Из многочисленных вылетов тех дней особенно запомнился следующий. Командир эскадрильи штурмовиков Герой Советского Союза капитан Девятьяров во время разведывательного полета обнаружил тщательно замаскированные - укрытые копнами - танки противника. Фашисты готовились к нанесению контрудара по

нашим наступающим войскам в районе Белгорода. Девятьяров сам повел Группу штурмовиков. Для их сопровождения подполковник Кутихин выделил восьмерку истребителей, которую поручил вести мне. А немногим раньше командир поздравил меня с присвоением очередного воинского звания "капитан".

Сопротивление немцев в воздухе было сломлено. Через линию фронта они почти уже не летали, но у себя иногда оборонялись зло.

До цели мы дошли без помех. Даже тогда, когда уже были на месте и штурмовики готовились к нанесению удара, молчали вражеские зенитки. Противник надеялся, что группа советских самолетов появилась над этим полем случайно. Очень уж хитро были замаскированы танки, и враг не хотел раскрывать позиции. Но ведомые капитана Девятьярова хорошо знали свои цели. На копны с танками посыпались убийственные ПТАБы, их рвали реактивные снаряды, огонь пушек. Через несколько минут огромное поле объято огнем. Горят в белом густом дыму копны необмолоченного хлеба, черный смрад идет от взорванных танков. В ужасе носятся по полю под огнем экипажи. Несколько десятков бронированных машин, представляющих грозную силу, нашли здесь свой конец.

Мы, внимательно следя за воздухом, восхищаемся умелой работой штурмовиков. Настроение великолепное - и оттого, что успешно выполнено задание, и оттого, что сегодня отличный летний день, и оттого, что наши войска бьют врага, - мы наступаем.

Позади запоздало стучат "эрликоны", а в воздухе показалась группа "фокке-вульфов". До сих пор мне не приходилось сталкиваться с этими истребителями. Но меня еще не покинуло ощущение радости, и чувствуется необычайный прилив сил. В безотчетном порыве я нажимаю кнопку передатчика и громко в эфир:

- Трепещите, варвары! Вам приходит конец, наступает Россия, наступает русский народ, наступает Красная Армия! Я - "Шевченко", прием!

Тут же я развернул группу на "фоккеров". В этот момент в наушниках голос командира корпуса генерала В. Г. Рязанова:

- Молодец, "Шевченко"! За болтовню в воздухе объявляю выговор!

Но строгое взыскание не испортило настроение. Тем более что я понял виноват, своим "выступлением" забил эфир и помешал, может быть, передаче важной команды.

Пользуясь преимуществом в вертикальном маневре, веду

группу на высоту. У "фокке-вульфов" хорошая скорость, мощное вооружение, сильная броневая защита, но в маневренности машина уступает нашим "якам". Теперь предстояло испробовать свои силы и возможности наших истребителей в схватке.

Но бой продолжался недолго. С первого захода сверху я длинной очередью попал в ведущего группы противника. Он сразу же рухнул вниз. Остальные, не приняв боя, улетели на запад. Не тот, совсем не тот пошел фашистский летчик. Даже на таком хорошем самолете уходит от боя...

Когда о сбитом мной "фоккере" доложили командиру корпуса, он позвонил в полк и передал Кутихину: "Шевчуку выговор оставить и объявить благодарность за сбитый ФВ-190". Так в один день, даже в один час, я сумел получить от начальства и выговор и благодарность.

Два дня продолжались ожесточенные бои за Белгород. Два дня мы делали по три-четыре боевых вылета. А 5 августа к исходу дня в Белгороде закончились уличные бои. В 9 часов вечера по радио передали приказ Верховного Главнокомандующего. Торжественный голос диктора оповестил страну, что в ознаменование освобождения доблестными советскими войсками городов Орел и Белгород приказано "произвести артиллерийский салют". Это был первый победный салют Родины.

Наше наступление продолжалось. На следующий день командующий Степным фронтом генерал-полковник И. С. Копев обратился к вверенным ему войскам с письменным призывом, в котором были слова, запомнившиеся на всю жизнь: "Впереди нас ждет измученная врагом, истерзанная украинская земля!"

Части и соединения Степного фронта наступают на Харьков - первый город на родной украинской земле. Противник яростно защищает этот важный стратегический центр своей обороны...

Августовское солнце жжет еще в полную силу. Жарко везде: на земле и в воздухе. Моторы "яков" не успевают остыть после полета, летчики - отдохнуть. Механики быстро заправляют баки бензином, оружейники пополняют боезапас - и мы снова в воздухе.

Вражеская авиация активизировалась. По данным только нашей, воздушной, разведки, противник перебросил из тыла и с других участков фронта на аэродромы Полтавского и Харьковского аэроузлов около 400 бомбардировщиков и 200 истребителей. Особенно много самолетов зафиксировано на аэродромах Конотопа, Полтавы, Лебедина, Миргорода. Для истребителей полевые аэродромы и площадки оборудованы ближе к линии фронта, в пригородах Харькова. Чаще стали появляться "фокке-вульфы". Их немцы пытаются использовать в

качестве штурмовиков, а также сгруппированных "воздушных охотников".

Без боев обходится редкий вылет, и работы много. Команда "На взлет" звучит ежедневно по три, четыре, а иногда и по пять раз подряд. Задачи - на сопровождение штурмовиков, на разведку, на прикрытие наземных войск. В последние дни отличились многие летчики полка. Среди них Иван Базаров, Николай Буряк, Александр Копяев. Они сбили по два-три самолета, а боевой счет уничтоженных вражеских самолетов у Ивана Базарова перевалил за полтора десятка.

Великая радость - радость наступления заглушает напряженность тяжелых боев, усталость от многочисленных вылетов. Настали долгожданные дни: мы не только воюем, но и бьем врага, гоним его с нашей советской земли, с Украины. Но омрачает это лучезарное чувство увиденное с высоты - сгоревшие села, вырубленные сады, мертвые пашни, полуразрушенный Харьков.

К исходу 22 августа, возвращаясь на свой аэродром мимо города, мы заметили, что не только на окраинах, но и на улицах уже идут бои. На следующий день Совинформбюро сообщило, что крупнейший центр Украины многострадальный Харьков освобожден советскими войсками. Ликованию не было предела, тем более что вечером по радио зачитали приказ Верховного Главнокомандующего, в котором среди других соединений войск Степного фронта отмечались и летчики генерала Рязанова, а это значит, и мы, истребители 247-го истребительного авиационного полка.

Пятьдесят дней продолжалась Курская битва - одна из величайших в истории второй мировой войны. Красная Армия, в ожесточенных боях сдержав наступление немецко-фашистских войск, уничтожила огромные силы гитлеровской армии, ее лучшие механизированные, танковые и авиационные соединения и, перейдя в решительное наступление, за короткий срок отбросила противника на 140 километров на запад. Мощный удар советских войск на белгородско-харьковском направлении открыл "ворота" в пределы Левобережной Украины и Донбасса. Контрнаступление Красной Армии переросло в стратегическое наступление почти по всему советско-германскому фронту.

Через два дня после освобождения Харькова наш полк перебазировался на полевой аэродром и без всякой передышки продолжал боевую работу. В одном из вылетов группу штурмовиков в составе 18 самолетов, которую прикрывала восьмерка наших истребителей, командир корпуса генерал-лейтенант авиации В. Г. Рязанов неожиданно перенацелил на

другой объект. Приказано было прочесать небольшую рощу в полутора километрах южнее Коротич. Штурмовики, а затем и истребители, поскольку самолетов противника в воздухе не было, выполнили по нескольку заходов на указанную цель. Через два дня, когда наши танки овладели этой рощей, были обнаружены разбитые штабные машины. Оказалось, что разведке армии генерала И. М. Манагарова стало известно о расположении там штаба танковой дивизии СС. Он передал это генералу Рязанову, и штаб был выведен из строя нашими летчиками{6}.

А вечером того же дня нас ждал приятный сюрприз. На аэродром приехала большая группа деятелей советской культуры и искусства поздравить нас с началом освобождения украинской земли. Среди них замечательная советская балерина Ольга Васильевна Лепешинская, известный украинский поэт Павло Григорьевич Тычина, народные артисты Советского Союза Иван Сергеевич Паторжинский и Мария Ивановна Литвиненко-Вольгимут.

Но получилось так, что прежде чем мы начали благодарить артистов бурными аплодисментами, они дружно приветствовали нас. Перед концертом прибывший в полк командующий воздушной армией генерал Горюнов вручил ордена авиаторам, отличившимся в Курской битве.

На импровизированную сцену вызывали моих боевых товарищей: Ивана Базарова, Николая Буряка, Степана Карнача. Орден Отечественной войны II степени - дорогая мне память о июльском сражении 1943 года...

Были вручены награды и летчикам соседнего истребительного полка Героям Советского Союза Сергею Луганскому, Ивану Корниенко, Николаю Шутту и другим. И каждый переданный генералом в руки пилота орден сопровождался продолжительными аплодисментами. Восторженно и громче всех хлопали артисты. Ведущий концерта весело иронизировал, что столько аплодисментов ни Ольга Васильевна Лепешинская, ни другие артисты за всю концертную жизнь не получали.

Но это, понятно, только шутка: Каждое выступление наших знаменитостей, каждый номер сопровождался, как говорится, бурей оваций.

Долго в тот вечер на лесной поляне у фронтового аэродрома звучали мелодичные, раздольные украинские песни, исполненные бесподобным басом Паторжинского, на маленькой сцене легкая, грациозная Лепешинская исполнила свои знаменитые партии из "Золушки" и "Лебединого озера". Гневно звучал голос поэта: Павло Тычина читал отрывки из последней поэмы "Похороны

друга" - стихи о несгибаемой воле советского человека, о любви к Родине.

Перед концертом ко мне подошел майор Меркушев:

- Василий Михайлович! Тебе ответственное поручение.

Увидев, наверное, как лицо у меня вытянулось от огорчения, Меркушев рассмеялся:

- Не волнуйся, поручение самое мирное и без отрыва от обязанностей зрителя. Поскольку ты у нас тоже певец, мы с командиром решили оказать тебе доверие - после выступления поблагодарить артистов.

Легко сказать "не волнуйся" - лучше бы, пожалуй, меня на боевой вылет послали... Но делать нечего. Слушая концерт, я лихорадочно сочинял текст выступления. Но можно было не готовиться.

Концерт закончился. В необычайном волнении я поднялся на "сцену". Успел пожать руку Паторжинскому и сказать: "Большое спасибо вам, товарищи..." В этот момент с нарастающим грохотом над аэродромом промчалась четверка "фоккеров". К счастью, бомбы упали в стороне.

Такой "аккомпанемент" сопровождал финал этой замечательной, надолго запомнившейся нам встречи. Враг не давал забыть о войне...

26 августа без малейшей передышки после белгородско-харьковской операции войска Степного фронта вместе с соседними фронтами начали освобождение Левобережной Украины и Донбасса. Армии и дивизии нашего фронта наступали в направлении на Красноград и Верхне-Днепровск.

Во время выхода войск фронта к Днепру авиация использовала все силы и возможности для эффективной поддержки действий наземных частей и соединений. К сожалению, наша авиационная боеспособность была несколько ограничена. В то время как противник располагал большой сетью хорошо подготовленных аэродромов, запасами горючего и боеприпасов, нашим полкам приходилось садиться на разрушенные врагом при отходе аэродромы. Батальоны аэродромного обслуживания отставали от продвинувшихся вперед летных частей. Подвоз горючего и боеприпасов осложнялся тем, что наступающим силам требовалось огромное количество материальных средств, все дороги были забиты транспортом. Иногда, чтобы обеспечить наиболее важные вылеты, мы сливали бензин со всех самолетов и заправляли хотя бы две-три четверки. Бывало, что вылетали и с неполным боезапасом. Было тяжело и досадно, хотя мы понимали, что хозяйственники стараются сделать все для нормальной боевой работы. Те

действительно делали все возможное и невозможное. Солдаты БАО с помощью местных жителей быстро восстанавливали взлетные полосы, стоянки, жилье для летного состава. Горючее и боеприпасы доставлялись любым возможным транспортом, вплоть до перевозки по воздуху. И мы опять делали по два-три вылета в день.

Никогда не забыть полет, в котором я впервые с воздуха увидел Днепр. Рискуя подвергнуться внезапному нападению, подпустить противника, я не мог оторвать взгляда от величественной реки, прославленной в песнях и былинах. Я долго смотрел вверх по течению, туда, где в каких-то двухстах пятидесяти километрах впадает в Днепр речушка моего детства - Ирпень.

Вскоре в полк пришло радостное известие - Указом Президиума Верховного Совета СССР капитану Ивану Базарову присвоено звание Героя Советского Союза. Для получения награды его вызывали в Москву.

Ребята горячо поздравляют Ивана, а он смущенно улыбается:

- Это мне повезло. У нас весь полк герои...

Хорошее слово "повезло". А "повезло" в том, что под Белгородом и Харьковом, а еще раньше на Керченском полуострове и под Севастополем, почти в каждом вылете приходилось вести воздушные бои... "Повезло" в том, что из каждого боя Иван приводил самолет в сплошных дырках, и механики еле успевали их латать...

Мы по-хорошему завидовали Базарову, его выдержке в бою, хладнокровию, точности расчета, меткой стрельбе. Он не бросался на противника сломя голову, не старался взять его, что называется, "нахрапом". Базаров точно знал, что он делает сейчас и что будет делать в бою через минуту, откуда зайдет на "мессер", с какой дальности начнет стрелять по "юнкерсу". Стеснительный, скромный парень, в воздухе он действовал решительно, настойчиво, отважно. В этом и было все его "везение".

Нарядили мы Ивана, как жениха, в самое лучшее, самое новое, даже парадные авиационные погоны раздобыли. Проводили его в столицу с напутствием: все посмотреть, все запомнить, обо всем рассказать, особенно о салюте, если повезет. В последнее время Москва часто салютовала отличившимся войскам. Мы слышали гром салютов по радио, но плохо представляли, какое это зрелище наяву.

На следующий день после отъезда Ивана Базарова "повезло" и мне. Действительно, в этом смысле слова мне уже давно не везло. После Харькова практически я не участвовал ни в одном мало-мальски стоящем воздушном бою. Возможно, в районе, где

работали прикрываемые моей группой штурмовики, и там, куда я ходил на разведку, не было вражеской авиации. Но редкие встречи с противником можно объяснить и нежеланием фашистских летчиков драться с нами. Дело в том, что в последнее время мне поручалось командовать группой истребителей в составе 8-12 самолетов, а иногда и больше. А столько истребителей плюс два десятка штурмовиков - это уже солидная сила. Может быть, поэтому истребители противника, которые летали обычно группами по 6-8 самолетов, и не рисковали вступать с нами в бой. Во всяком случае, в последнее время я видел вражескую авиацию только издали или при штурмовке на аэродромах.

А тут "повезло". Давно ждал я настоящего воздушного боя. Мы же все-таки истребители! Схватку эту, правда, настоящей считать нельзя, но в сетке прицела я видел вражеский самолет, и очередь моего истребителя свалила его на землю.

В этот раз, как обычно, мы прикрывали штурмовиков, которых вел капитан Девятьяров. Сначала они разбили колонну мотопехоты на дороге Кременчуг Новоукраинка. Потом вышли на немецкий аэродром и обработали стоянки самолетов. Я, оставив четверку прикрытия, со своим ведомым тоже решил потратить боезапас на аэродроме. Штурмовики поработали хорошо. "Юнкерсы", видимо готовые к вылету, подорвались на своих же бомбах, прошитые меткими очередями 37-миллиметровых пушек наших "илов". Еще несколько самолетов горело. Но были и неповрежденные.

Я направил самолет в пикирование. Глянул на ведомого: Саша Коняев молодцом, держится рядом. Скорость растет, земля приближается. Плавно подвожу нос "яка" к одному из не тронутых огнем "юнкерсов". Смотрю в прицел: вижу на фюзеляже тевтонский крест. И сам бомбовоз перед глазами в сетке прицела, как тот крест. Еще чуть ручку на себя - перекрестие уже в точке, где у "юнкерса" топливные баки. Жму на гашетку. Короткая очередь. Еще одна, подлиннее. Земля совсем рядом. Нужно учитывать просадку самолета при выводе. Выхожу из атаки.

Все это продолжалось несколько секунд. Хотя и была уверенность, что попал, результатов заметить не успел. А когда оглянулся на выводе из пикирования, "юнкерс" уже был закрыт черным дымом.

Ведущий штурмовиков, как всегда, торопит домой. Иду к группе. Взгляд ощупывает серенькую мглу осеннего неба и... не верю своим глазам! Над противоположной стороной аэродрома в воздухе плывет какой-то агрегат. Не без труда сообразил, что это самолет-разведчик "рама".

Сбить его удавалось не каждому летчику. У этой машины хорошая броневая защита, и при всей своей неуклюжести, которую придают два фюзеляжа и два киля, она обладает достаточной маневренностью. Нередко "рама" уходила из-под атак истребителей, а иногда и сбивала их, отвечая мощным пулеметным огнем. Она вела корректировку артиллерийского огня, разведку, наводила на воздушные и наземные цели свои самолеты. Словом, вреда "рама" приносила больше, чем любой бомбардировщик.

Упустить такую ценную "птичку" я не мог. Тем более что разведчик наверняка возвращался из-за линии фронта и на борту - ценные данные. Нашу пару экипаж не видит. С земли же его не предупредили: видимо, при штурмовке уничтожена немецкая рация.

Саша Коняев подводит самолет совсем близко к моему. Вижу возбужденное, радостное лицо. Парень держится хорошо, но увлекается. Ему сейчас нужно во все глаза наблюдать за воздухом - тут можно и самим оказаться в роли "подстреленной" дичи. Приказываю по радио: "Смотреть за воздухом!" - делаю небольшой отворот влево, набираю высоту и сваливаю машину в правую сторону. "Рама" точно в прицеле...

На весь бой - удар по "юнкерсу" и атаку самолета-разведчика - ушло немногим больше минуты. Кто-то из штурмовиков, кажется сам Девятьяров, пробасил в эфир: "Неплохо сработано!" Я и сам считаю, что неплохо, на одном дыхании: пикирование, огонь по "юнкерсу", набор высоты в развороте, выход на "раму" и снова огонь. Ни одного лишнего маневра, ни одной бесполезной очереди.

Вечером механик с удовольствием рисует на борту "яка" звездочку. К сожалению, одну. Самолеты, уничтоженные истребителями на земле, в боевой счет не идут. Но я все равно несказанно доволен - сбитой "рамой" похвастаться может не каждый. Теперь на моем счету есть практически все основные типы фашистских самолетов: несколько "юнкерсов" и "мессершмиттов", бронированный ФВ-190 и живучая вредная "рама"...

В эти дни - середина октября сорок третьего года - наши войска после прочного закрепления плацдармов на правом берегу Днепра и тщательной подготовки перешли в наступление. 13-го числа войсками соседнего Юго-Западного фронта был освобожден город Запорожье. 15-го утром ударная группировка Степного фронта, сосредоточенная на плацдарме юго-восточнее Кременчуга, тоже начала наступление.

Из Москвы вернулся Иван Базаров, по-моему, еще более

стеснительный и скромный, чем уезжал. Во всяком случае, уж очень он смущался, когда мы рассматривали его Золотую Звезду. Немногословно и без подробностей, к огорчению майора Меркушева, рассказал Иван, как Михаил Иванович Калинин вручал группе летчиков награды, какой стала наша салютующая Москва. Именно здесь Базаров оживился:

- Тут мне повезло, - вставил он любимое словцо, - салют видел. Помните, 9 октября наши освободили Тамань? Так вот в честь этого - двадцать артиллерийских залпов из двухсот двадцати четырех орудий!

Иван, помолчав, добавил:

- А вы, пока я ездил, вижу, вон как развоевались!

Разговор прервал дежурный:

- Летный состав! На постановку задачи и предварительную подготовку в штаб полка...

Прошло то время, когда вся подготовка летчиков к боевому вылету ограничивалась короткой постановкой задачи. Сейчас каждый день заканчивался тщательным разбором боевых вылетов и детальной предварительной подготовкой к выполнению завтрашних заданий. Сюда входило подробное изучение района предстоящих вылетов, линии фронта, действий войск противника и своих, анализ предстоящих метеоусловий. Все это необходимо было для разработки тактических приемов при выполнении той или иной задачи, способов ведения боевых действий в данной конкретной обстановке.

Во время предварительной подготовки наряду с изучением общей наземной и воздушной обстановки, содержания поставленной задачи мы старались как можно подробнее разработать и отработать приемы, которыми можно будет воспользоваться завтра в воздухе. Большое значение придавали розыгрышу различных боевых маневров пары и пар в группе, исходя из наших возможностей, используемых противником приемов ведения боя, летно-тактических данных его самолетов.

Лучше в последнее время стали отрабатывать и вопросы взаимодействия со штурмовиками. Как правило, базировались мы хотя и рядом, но на разных аэродромах. И если в воздухе иногда встречались по нескольку раз в день, то на земле виделись редко. Сейчас командование корпуса стало чаще организовывать встречи, особенно ведущих групп истребителей и штурмовиков, при планировании боевых вылетов старались составлять группы так, чтобы ведущие - и мы, и штурмовики - чаще летали вместе, больше взаимодействовали друг с другом.

Как правило, перед началом операции наземных войск или выполнением наиболее важных полетных заданий

организовывали летно-тактические конференции штурмовиков и истребителей. Все это, несомненно, улучшило наше взаимопонимание, а значит, и эффективность боевой работы.

Чаще, чем с другими, я летал с летчиками-штурмовиками Михаилом Одинцовым, Александром Девятьяровым, Талгатом Бегельдиновым, Юрием Балабиным. Все они были замечательными мастерами штурмовых ударов, опытными командирами.

Вот и завтра я поведу группу для прикрытия штурмовиков Девятьярова. Их задача - нанести удар по колоннам противника, которые подтягиваются к фронту. Наша - обеспечить безопасность штурмовиков и, если не будет противодействия в воздухе, поддержать штурмовку противника.

Нужно сказать, что раньше мы, летчики, слабо разбирались в наземной обстановке. Более или менее хорошо представляли рисунок переднего края, места базирования вражеской авиации, и только. Сейчас нам подробно разъясняли обстановку на фронте, да и сами мы уже научились понимать многое. В двадцатых числах октября - мы знали и видели с воздуха - почти на всех участках нашего, Степного, вернее, уже 2-го Украинского фронта{7} шли тяжелые бои с контратакующим противником, стремящимся всеми силами ликвидировать правобережные плацдармы и отбросить советские войска за Днепр.

Как позднее стало известно, дивизии и авиационные группы, которыми немецкое командование укрепило группу армий "Юг" и 4-й воздушный флот, перебрасывались из Западной Европы. Летчики шутили: "Союзники ждут, когда на Западе один Гитлер с Герингом останутся, тогда и второй фронт откроют..."

Из доклада начальника штаба ясно, что в районе Кривого Рога фашисты сосредоточивают несколько танковых, моторизованных пехотных дивизий и авиационных групп. Мы нанесли на свои карты передний край противника. Командир полка провел контроль готовности к полетам. Уже затемно поужинали и отправились отдыхать.

Вечером Иван Базаров разговорился. Рассказал, как выглядит Москва. По его словам, она стала вполне тыловым, мирным городом. На фотографиях в газетах сорок первого и сорок второго годов мы видели улицы Москвы, перегороженные баррикадами, ощетинившиеся противотанковыми ежами. Тогда вражеские бомбардировщики, хотя и нечасто, но прорывались к городу и наносили бомбовые удары. Иван же утверждал, что ни одного разрушения он не видел. Улицы чистые, просторные, люди ходят спокойно.

- А в Большом театре - мы даже балет "Лебединое озеро"

смотрели - можно подумать, что войны вовсе нет, - Иван вздохнул, улыбаясь, - блеск люстр, женщины разодеты, мужчины чуть не во фраках... Хорошо, красиво. Как до войны...

Он лег, закинул руки за голову. Помолчав, продолжил:

- Только вот гражданских и женщин мало было. Одни военные. Фронтовиков много...

Утром мы вместе с Базаровым шли на стоянку самолетов. Оба поглядывали на темное предутреннее небо. Погода в те дни была по-осеннему неустойчивой. То из тяжелых свинцово-серых туч пойдет дождь, то появятся просветы и блеснет солнце, то снова плотная облачность до самой земли.

...И не мог я предположить в тот момент, что Ивана никогда уже больше не увижу.

Наша группа удачно нанесла удар по колонне танков. Я еще раз воочию убедился в силе маленьких бомбочек кумулятивного действия. Экипажи фашистских танков сейчас уже не ждали, когда посыплется на них этот "горох", и разбегались во все стороны. Первое же время немцы считали, что такие крохотные снаряды ничего не сделают с прочной броней.

Истребителям группы прикрытия на этот раз пришлось вести бой с "мессерами", которые появились в самый разгар штурмовки. Судя по всему, они были еще "не пугаными", наверняка прилетели откуда-нибудь из Франции или Голландии.

Шестерка "мессеров" неосмотрительно, нагло - а мы от этого уже стали отвыкать - ринулась на мою группу. У нас - три пары рядом, а одна - слева и выше. Сначала немецкие самолеты шли навстречу и издалека открыли огонь. Трассы обрывались вниз, не задев наши самолеты. Я продолжаю вести группу вперед: нельзя без риска оторваться от штурмовиков. Ведущий "мессер" решил атаковать нас сбоку, под ракурсом две четверти - развернул свою группу градусов на тридцать в сторону и снова на нас. В это время наша пара, которая шла в стороне и выше, атаковала его. И очень удачно: подожгли ведущего шестерки и еще один самолет. Группа, оставшись без командира, вышла из боя и удалилась восвояси.

На обратном пути нам пришлось еще раз отогнать "мессеры" от штурмовиков. Велик соблазн - завязать с ними бой и постараться уничтожить. Но это могла быть и отвлекающая группа, которая, втянув нас в бой, позволила бы своей ударной напасть на неприкрытые штурмовики.

Да, 4-й воздушный флот гитлеровских люфтваффе, получив резерв свежих сил с Запада, явно осмелел. Работы по безопасности в воздухе нам опять прибавляется. И, видимо, наше командование увеличит число ударов по аэродромам. Что же,

дело трудное, но знакомое.

Проводив штурмовиков до аэродрома, возвращаемся домой. Дело сделано: "илы" выполнили задачу, мы их надежно прикрыли, увеличили при этом боевой счет полка на два самолета.

Следом за нами садится и группа, в которой вылетал Иван Базаров. Одного самолета не хватает. Это уже большая тревога... Кто?

"...Четыре истребителя Як-1 под командованием Героя Советского Союза капитана И. Базарова над вражеской территорией вступили в бой с двумя группами истребителей противника, в состав которых входило до 12 самолетов ФВ-190 и Ме-109. Капитан Базаров связал боем группу ФВ-190. В неравном бою он сбил один истребитель противника и поджег второй. Но не успел уйти от удара внезапно появившейся новой группы в составе четырех ФВ-190. Пушечной очередью истребитель капитана Базарова был подбит. Летчик или убит, или смертельно ранен. Неуправляемый самолет упал в районе деревни Грузьке на территории противника (схема боя прилагается).

Начальник воздушно-стрелковой службы 247 иап капитан Шевчук".

Такое донесение мне, как начальнику воздушно-стрелковой службы полка, пришлось составлять по рассказам очевидцев - участников боя, трагически закончившегося для Ивана Базарова. Многого не напишешь в таком документе! Не расскажешь о молчаливой скорби товарищей, о клятве отомстить врагу, которую каждый из нас дал себе. Не доложишь в официальной бумаге о том, как Иван перед схваткой весело бросил по радио: "Ребята, нам повезло!" Не напишешь и о том, как мастерски капитан Базаров вел этот бой, как умело выбирал момент и удачно атаковал. О том, каково одному драться с четырьмя истребителями противника. Не объяснишь, почему он не сумел заметить новую группу или все же увидел, но не успел уйти из-под удара. Не расскажешь о ярости и горе товарищей, которые не могли прийти на помощь, так как сами были связаны тяжелым неравным боем. Не все они даже видели, как самолет Ивана Базарова резко пал на крыло, перевернулся и круто пошел к земле...

Неравный бой... Меня, как и многих летчиков-фронтовиков, можно упрекнуть, что, рассказывая о годах войны, мы часто вспоминаем неравные бои. Упрек этот можно подкрепить широко известными статистическими данными о том, что во второй половине войны советская авиация получала самолетов гораздо больше, чем немецкая, и превосходство в силах было на нашей стороне. Это правильно. Но, во-первых, как я уже говорил,

немецкое командование весьма умело маневрировало своими наземными и воздушными армиями, создавая в отдельные моменты на данном направлении если не превосходство, то, во всяком случае, равновесие. Во-вторых, фашистские летчики в начале войны да и в любой ее период редко вступали в бой, имея равные, тем более численно уступающие силы.

Нужно отдать должное, летчики люфтваффе хорошо пилотировали, умели вести стрельбу из разных положений, грамотно использовали выгодные условия воздушной и метеорологической обстановки. Их командиры, ведущие групп, умело выбирали и применяли такие тактические приемы, как внезапность нападения, преимущество в высоте, атаки со стороны солнца. У них были свои "охотники", свои асы, сражаться с которыми приходилось в очень нелегкой обстановке. Это необходимо помнить, потому что каждая победа давалась советским летчикам большим напряжением всех духовных и физических сил...

Но при всем своем мастерстве и подготовленности фашистские летчики не отличались большой храбростью и мужеством, я с полной ответственностью утверждаю это и думаю, что авиаторы-фронтовики согласятся со мной. Да, они были смелы. Но смелость эту можно назвать смелостью разбойников, грабителей, убийц. Те смелы при налете из-за угла, при нападении на слабого, на того, кто не может или боится дать сдачи, вступить в борьбу. Такое случалось и в бою с фашистскими летчиками, воспитанными гитлеровской поистине разбойничьей идеологией.

Да, случалось, что вид сбитых напарников действовал на них ошеломляюще и они панически старались выйти из боя. Истребители, например, могли при этом бросить бомбардировщики, которые они сопровождали. Бомбардировщики, атакованные нашими самолетами, могли освободиться от бомбового груза над своими же войсками, рассыпать свой строй и стремительно уйти подальше от зоны боя.

Поэтому, повторяю, немецкие пилоты редко вступали в бой с нашими, если перевес в силах или тактическая обстановка были не на их стороне, но смело бросались в атаку, если надеялись застать нас врасплох и имели численное преимущество. Вот почему воздушные бои, которые приходилось вести советским летчикам, до самого последнего дня войны были для нас зачастую неравными.

...На фронте о погибшем товарище много не говорят. Только память сердца навечно хранит его имя. И в трудную минуту, и в торжественные, праздничные дни погибший друг всегда рядом.

Так было и так будет всегда.

Вскоре после гибели Ивана Базарова мы услышали по радио необычайно радостное известие: 6 ноября войска соседнего 1-го Украинского фронта штурмом овладели столицей Советской Украины - городом Киевом. Так на всю жизнь и остались для меня неразрывными два события: героическая гибель Ивана Базарова а праздник освобождения столицы моей родной многострадальной республики.

4 миллиона 500 тысяч человек погубили гитлеровцы на Украине за годы оккупации. Только в Киеве они уничтожили около 200 тысяч человек. Ко многим уже известным гигантским могилам советских людей, таким, как Багеровский ров на Керченском полуострове, прибавился Бабий Яр, ужасающий количеством убитых, ни в чем не виновных людей... Вечным проклятием, зловещим преступлением гитлеровских палачей будет трагическая память Бабьего Яра под Киевом.

Многие советские воины героически пали при форсировании Днепра, немало летчиков сложили головы в его небе. Мужеством, отвагой, героизмом живых и павших враг был отброшен с правого берега Днепра. Отчаянно обороняясь, он отходил на запад.

Теперь во время разведки мы вели поиск отступающего противника и, чтобы не дать ему обосноваться на новых рубежах, штурмовали колонны автомашин с пехотой, танки, артиллерию. Используя данные воздушной разведки, наземные войска наносили удары по противнику, предопределяя окружение крупных его группировок.

Государственная граница

Мрачные тяжелые облака медленно ползут над самой головой. Рассвет не может разогнать серую мглу. День до вечера тянется хмурыми сумерками. Часто идет мокрый, липкий снег. Не по времени ранняя февральская оттепель превратила землю в холодное хлюпающее под ногами болото.

Я себя чувствую препаршиво. То ли от постоянно промокших ног, от сырого промозглого воздуха начинается простуда, то ли просто устал - дает знать о себе позвоночник. Травмированные места нудно ноют, слабость разливается по всему телу. Хорошо, что изба, в которой разместился штаб, освещена лишь слабым огоньком самодельной лампы и командир полка при постановке задачи не заметил моего состояния.

Несмотря на снегопады и низкую облачность, мы продолжаем летать. Штурмовики корпуса, действуя небольшими группами, но регулярно, наносят значительный урон противнику, окруженному в районе Корсунь-Шевченковского. В этих налетах отличились наши старые товарищи из штурмовых дивизий корпуса

Девятьяров, Одинцов, Бегельдинов, Балабин. Парами, а иногда и в одиночку, прижатые непогодой к самой земле, они выходили на цели и наносили весьма ощутимые удары. Как только метеоусловия улучшились, командование 1-го штурмового авиационного корпуса сразу же организовало массированные налеты. Так, в начале февраля два удара в районе села Хилки значительно ослабили контратакующие действия фашистских танков.

Ходили на штурмовку и бомбометание и мы, летчики истребительной дивизии корпуса. В то время на многих "яках" уже на заводе были поставлены приспособления для подвески бомб. Один истребитель мог взять две фугасно-осколочные бомбы по двести пятьдесят килограммов каждая. Благодаря маневренности, именно истребители достигали довольно высокой точности бомбометания. Парами, четверками мы искали крупные скопления техники, личного состава противника и аккуратно "укладывали" бомбы в цель.

Однако главная задача истребительной авиации в те дни состояла в блокировании окруженной группировки противника с воздуха. Немецкое командование пыталось, как и под Сталинградом, наладить "воздушный мост" для снабжения войск боеприпасами, продуктами питания, медикаментами. Но советские истребители практически перекрыли все возможные маршруты пролетов Ю-52 - транспортных самолетов люфтваффе. Лишь одиночным машинам из-за низкой облачности и плохой видимости удавалось прорываться на посадочные площадки окруженных войск.

Мне с ведомым судьба до сих пор не уготовила встречу с противником такого рода. Сколько мы ни барражировали на путях возможного пролета транспортных кораблей - все безрезультатно. Но сегодня я получил задание, которое могло "реабилитировать" наше затянувшееся "невезение".

Как сказал вызвавший меня командир полка, командованию стало известно, что на одной из посадочных площадок в сумерках приземлились несколько транспортных самолетов, предназначенных для вывоза из котла руководящего состава группировки. Фашистские военные главари решили спасти собственные персоны бегством, оставив подчиненных на произвол судьбы. Пленные показали, что часть генералов и старших офицеров уже успела удрать. 8 февраля 1944 года наше командование предложило руководству окруженной группировки сложить оружие. Но штаб генерала Штеммермана отклонил капитуляцию, приказав своим солдатам "сражаться до последнего", и вот теперь пытается прорваться к своим на

самолетах, которые могли бы вывезти раненых.

- Задача трудная, погода ни к черту. В этой хмари нужно проутюжить весь участок окруженных войск, не заблудиться, не врезаться в землю и разыскать посадочную площадку, точно засечь место стоянки самолетов. Учитывай, что они обязательно замаскированы, - такими словами командир закончил объяснение задания.

Честно говоря, нужно было отказаться. Температуры у меня, правда, не было, однако чувствовал я себя прескверно. Но разве можно пропустить такое задание? Да, оно трудное и опасное, но важность его не вызывает никакого сомнения. И я гордился доверием, был рад, что выбор командования пал на меня, а не на других, тоже опытных воздушных разведчиков...

И вот мы с Сашей Коняевым идем к стоянке самолетов. Бойцы батальона аэродромного обслуживания чистят взлетную полосу, рулежные дорожки. Промокшие, сутками без отдыха, на ветру, под снегопадом работают они для того, чтобы наши самолеты могли выходить на задания. Самая "мощная" техника здесь, как шутили в полку, "ла-пятый", то есть попросту лопата, которая созвучна названию нового самолета конструктора Лавочкина. А ведь служили в БАО в основном люди старших призывных возрастов, годившиеся нам в отцы.

Я представил себе отца, орудующего вот такой широкозахватной лопатой, его жилистые, когда-то сильные руки... Недавно наконец получил от него ответ на письмо, которое отправил сразу же после освобождения Киева. Отец писал, что все они живы-здоровы. Много девчат угнали в Германию. А сестер моих удалось сберечь от фашистского рабства, спрятали их вовремя.

Весточка из отчего дома меня, конечно, обрадовала. Но, всматриваясь в строчки дорогого письма, я невольно вспоминал твердый отцовский почерк, каким он писал мне до войны. Неровные пляшущие буквы, пропуски целых слов, да и сам тон письма говорили, что отец не просто постарел на два года, а сильно сдал в лихолетье оккупации... Больше всего он - не зря, видно, болит родительское сердце - беспокоился о моем здоровье. Хотя тут же поразил и своей догадливостью. В письме к отцу я ни словом не обмолвился о том, что участвую в освобождении Украины. Но по каким-то непонятным ни мне, ни военной цензуре признакам отец додумался сам: "Бей, сынку, фашиста злей, освобождай быстрее Украину и приезжай до дому".

Батя, батя! Представить невозможно, как хочется мне повидаться с тобой! Пошли бы мы в наш лес, посмотрели выросшие за это время деревья, если не вырубила, не сожгла их

война... Да, батя, война!.. Отпусков сейчас не бывает. Но главное - мы освобождаем села, деревни и города нашей родной Украины. А здоровье? Ничего, батя, на мой век, а главное, на войну хватит. Побаливает порой спина. Но окажусь в кабине своего истребителя - и все болячки пройдут...

Взлетели нормально. После взлета то и дело навстречу снежные заряды, видимость приближается к нулю. Волнуюсь за Коняева - в таких условиях держаться в строю сложно. Внимание нужно уделять и земле, которая совсем рядом, и облачности, скребущей буквально по фонарю кабины, и, главное, смотреть за воздухом, помогать ведущему в поиске объекта разведки.

Не представляю, как может выглядеть посадочная площадка, которую мы ищем: там явно нет никаких характерных признаков настоящего аэродрома, взлетно-посадочной полосы, стоянок самолетов, проторенных подъездных путей. Одним словом, ее можно оборудовать на любой лесной поляне. Надо искать. Надеюсь, какой-нибудь демаскирующий признак немцы все-таки оставили. Тщательно укрыть несколько больших транспортных самолетов сложно, тем более в спешке. Район разведки нами изучен досконально, до мельчайших ориентиров, но определиться очень непросто. Зима вообще скрывает многие характерные приметы местности, а в такую погоду на малой высоте нужно быть особенно внимательным. Иногда, чтобы разглядеть хорошо отложившийся в памяти изгиб какой-нибудь речушки, приходится возвращаться. Лучшее подтверждение тому, что мы находимся над территорией окруженной группировки, - запоздалые, вслед нам, трассы зениток. Чувствуется, что не хватает боеприпасов, гитлеровцы деморализованы голодом, холодом, постоянными налетами нашей авиации, наступательными действиями наземных войск. И вот сейчас, когда положение немецких войск безнадежно, их командование, которому наш ультиматум предоставил возможность спасти тысячи жизней простых солдат, бросает их на произвол судьбы... Ну что же, будем искать стоянку транспортных Ю-52 и ликвидируем эту возможность позорного побега.

Мы с Коняевым тщательно обследовали все поляны, просеки, выгоны у деревень, которые можно, на наш взгляд, приспособить для посадки и взлета тяжелых "юнкерсов". Пока безуспешно, а стрелка счетчика бензина неумолимо ползет вправо. Еще несколько минут полета, и горючего останется только на обратный путь и посадку. И вдруг... Перед нами, вернее, уже позади нас та самая злополучная площадка! Над одной из длинных ровных полян я, приказав ведомому идти выше, снизился почти до высоты выравнивания на посадке. И слева, на

уровне глаз, увидел характерные по конфигурации хвостовые оперения транспортных самолетов.

В конце поляны круто развернул самолет с небольшим набором высоты и обратно. Саша - молодец, успел пристроиться рядом. Прошли всю поляну, но "юнкерсов"... не было. "Наваждение какое-то! Галлюцинация, - с великим огорчением подумал я. - В психологии известны случаи, когда от длительного ожидания человеку может почудиться желаемое..."

Разворачиваемся снова, и я опять иду к самой земле. Стоят, голубчики! Вот они, прижатые к самой стене леса, накрытые маскировочными сетками, растянутыми на шестах. Сверху их не видно, так как сами самолеты камуфлированы бело-серыми пятнами да и на сетку с белыми кусками полотна навалило снегу.

Зафиксировать место расположения - и домой. Засекаю время, курс, иду до первого характерного ориентира. Как ни трудно, ставлю отметку на карте. Сейчас шли на запад, нужно разворачиваться на сто восемьдесят градусов, чтобы выйти к своему аэродрому.

Опять снежный заряд. Пытаюсь обойти его справа. Под нами какая-то речушка - сверху отличается от поверхности леса и поля более чистым снегом. Слева не то большое село, не то маленький, городок. Нужно определить место, где проходим. И в этот момент к нам потянулись хорошо знакомые трассы "эрликонов". Интенсивность огня указала на внешний фронт окруженной группировки. Так и есть. Речушка называется Гнилой Тикич (одно название чего стоит!), а населенный пункт на запомнившемся ее изгибе - Лысянка. Место это все летчики хорошо знают по памяти. Именно здесь, между двумя населенными пунктами, Лысянкой и Шендеровкой, самое короткое, двенадцатикилометровое, расстояние от внутреннего фронта окруженной немецкой группировки до внешнего.

Кстати, на всякий случай замечаю ориентиры района сильного зенитного прикрытия - какой-то важный объект. Скорее всего артиллерийские позиции или скопления танков. Штурмовикам будет работа.

Наши самолеты с набором высоты уходят в белесую мглу снежного заряда. Ничего не поделаешь, неприятно, но лететь придется почти вслепую...

А через полчаса после нашего возвращения мы снова в воздухе. На этот раз с нами группа штурмовиков. Погода не улучшилась, но сейчас маршрут уже знакомый. Мы с Коняевым идем на этот раз не только для прикрытия штурмовиков, главная наша задача - провести "илы" по кратчайшему расстоянию и показать им транспортные самолеты на площадке.

Штурмовиков ведет Юрий Балабин, совсем молодой, но уже опытный летчик. "Илы" вытянулись за нами в колонну, а мы с Сашей, как бывалые охотники в лесу, ведем их по известным только нам приметам: тут замысловатой конфигурации перелесок, тут на опушке три стога сена, дальше вдоль речушки, потом по просеке и так до самой цели.

Беспокоит одно: не догадались ли гитлеровцы, что их обнаружили, не перелетели ли в другое место? Подходим к той самой злосчастной поляне. Я сразу, без дополнительного захода, провожу свою пару над запомнившейся стоянкой самолетов. Их и сейчас не видно. Но я стреляю из всего бортового оружия по предполагаемому месту. Юрий Балабин, идущий следом, потом долго смеялся, вспоминая:

- Смотрю, а капитан Шевчук - из всех стволов по сугробам! Не то пушки проверяет, думаю, не то просто так дурачится, тоже - нашел время. А пригляделся - видимость-то ни к черту, - под "сугробами" они стоят...

Задание было выполнено. Через несколько дней товарищи поздравили меня с награждением орденом Красного Знамени.

В эти дни ушел от нас на другую должность заместитель командира полка но политической части майор Меркушев. Василий Афанасьевич, уже Герой Советского Союза, был назначен командиром соседнего истребительного авиаполка. Так воплощалось в жизнь мудрое предвидение Центрального Комитета партии, определенное им в постановлении о введении единоначалия в Красной Армии осенью сорок второго года. В нем говорилось, что многие комиссары, политработники, ведя огромную партийно-политическую работу, за первый период войны приобрели большой боевой опыт и сами могут стать командирами частей и соединений.

Действительно, Василий Афанасьевич Меркушев показал себя не только как замечательный политработник - умелый организатор, талантливый воспитатель. Он был и настоящим воздушным бойцом. Командир полка поручал ему водить большие группы истребителей, и майор Меркушев отменно справлялся с любым заданием. Как ведущий, всегда тактически грамотно оценивал обстановку, действовал инициативно, энергично, смело. И молодые, и опытные летчики любили ходить на задание в "комиссарской", как говорили по старой памяти, группе.

Не знаю, откуда у Василия Афанасьевича всегда на все хватало времени. Он проводил занятия, политинформации, инструктировал партийный и комсомольский актив, много работал с секретарями партийных и комсомольских организаций,

присутствовал на каждом заседании партийного бюро полка. При этом я не помню ни одного случая, чтобы майор Меркушев пропустил занятия, которые проводились с летным составом, хотя ему, как заместителю командира полка, посещать их было не обязательно.

Василий Афанасьевич интересовался каждым боем, проведенным летчиками полка, в том числе и молодыми. Он искал и суммировал нюансы, детали боевых схваток, которые пополнили бы его собственный тактический арсенал. И ничего, конечно, удивительного не было в том, что на борту его истребителя красовалось более полутора десятков красных звездочек - счет сбитых вражеских самолетов.

Бывал наш заместитель по политчасти и непреклонен, и жесток, но не по своей человеческой сущности, а по велению сурового времени, когда любая оплошность на земле или в воздухе, вызванная попустительством, ненужным мягкосердечием, могла привести и приводила подчас к поражениям и потерям.

Василий Афанасьевич был хорошим оратором. В тяжелые дни отступления, в праздники победных боев его выступления на партийных и комсомольских собраниях, на митингах принимались и сердцем, и разумом. Недаром говорится, что слово - великая сила. Я бы уточнил: сила слова зависит от человека, сказавшего его. Нетрудно произносить нужные, красивые слова, высказывать правильные мысли. Но, если слова эти, мысли не несут в себе энергии высказавшего их человека, его веры, убежденности, я бы сказал, частицы его самого, - они бессильны и бесплодны. Мне повезло: я всегда встречал политработников, слова которых выражали их собственную духовную силу, силу партийной убежденности. А вернее, других людей, поставленных партией проводить в массы свою политику, вести за собой, учить великому делу коммунизма, среди политических работников в армии просто не было. Это я могу сказать о комиссаре эскадрильи еще предвоенного времени - старшем политруке Береговском, батальонном комиссаре Якименко, майоре Меркушеве.

Мы с искренней радостью за нашего комиссара встретили известие о присвоении ему высокого звания Героя Советского Союза и огорчились, узнав о переводе майора Меркушева в другой полк. Но в ту пору многие летчики, командиры, политработники с боевым опытом выдвигались на новые, более высокие должности - становились на место погибших в боях, уходили во вновь организуемые части. Промышленность поставляла все больше и больше самолетов, летные училища

увеличивали выпуск, вчерашние рядовые летчики-фронтовики становились командирами. Оставалось пожелать Василию Афанасьевичу больших боевых побед на новом поприще.

На прощанье майор Меркушев организовал поездку летного состава полка на место гибели Героя Советского Союза Ивана Базарова. После освобождения жители деревни Грузьке передали нам его планшет и документы.

Я, к сожалению, не сумел там побывать, но наши офицеры, в частности Николай Буряк, очень подробно рассказали обо всем.

...Истребитель Ивана Базарова упал в огороде старого колхозника Коваленко под углом градусов тридцать к земле и, не взорвавшись, пропахал глубокую борозду. Иван Базаров, как мы и предполагали, был убит еще в воздухе. Немцы сразу бросились к самолету, вытащили из кабины летчика, но, увидев, что он мертв, оставили его там, в огороде. Жителям строго-настрого приказали не касаться покойного, предупредив, что, если его захоронят, будут приняты самые жестокие меры.

Однако к утру следующего дня тело летчика исчезло. Но к деревне уже подходили наши части, и фашистам было не до расправы.

Оказалось, что старик Коваленко не мог выдержать глумления над телом погибшего. Один, чтобы не подводить других, ночью выкопал недалеко от самолета могилу и перенес туда тело летчика. А когда немцы перед бегством в панике собирали свои вещи, старик проник в избу и украдкой взял со стола планшет.

Николай Буряк спросил:

- Диду, ты же знал, чем рисковал, - и головой, и хатой.

- А як же, сынки, иначе? Он, красный сокол, нам свободу на своих крыльях нес. И погиб як настоящий герой, мы же все бачили. И тело такого человека на поругание врагу оставить? Як же так можно?

Вся боевая жизнь русского парня Ивана Базарова была подвигом, как жизнь тысяч и тысяч советских людей в те незабываемые годы. И смерть его озарена отсветом великого народного мужества - старый украинский крестьянин Коваленко из села Грузьке, не страшась вражеской пули, проводил летчика в последний путь...

18 февраля 1944 года по радио был объявлен приказ Верховного Главнокомандующего о том, что в результате ожесточенных боев, продолжавшихся непрерывно в течение четырнадцати дней, 17 февраля завершена операция по уничтожению десяти дивизий и одной бригады 8-й армии противника, окруженных в районе Корсунь-Шевченковского.

Летчикам-истребителям и штурмовикам нашего корпуса было радостно сознавать, что и мы внесли свой вклад в эту победу. Хотя, нужно сказать прямо, в Корсунь-Шевченковской операции авиация далеко не полностью решила свои задачи. Во всяком случае, не в таких больших масштабах, как под Курском, Белгородом, Харьковом. Там мы часто наносили массированные удары по танковым группировкам противника. Здесь такая возможность предоставлялась редко из-за плохих метеоусловий, раскисших от непогоды аэродромов, недостатков в снабжении горючим и боеприпасами, виной чему было бездорожье.

Исход операции решила героическая борьба стрелковых, мотострелковых, танковых, саперных частей. В холодную сырую погоду, по пояс в снегу, днем и ночью, в постоянных боях сужали они кольцо окружения, отбивали яростные контратаки противника. По фронту ходили легенды о бойцах стрелкового корпуса генерала П. Ф. Батицкого. Фамилию эту мы, летчики, услышали еще на. Степном фронте во время Курского сражения.

Позднее соединения и части корпуса Батицкого отличились при форсировании Днепра южнее Канева и захвате плацдарма на правом берегу. Корпус успешно выполнил очень сложную боевую задачу, проведя вторичное форсирование Днепра в районе Черкасс, и принимал самое активное участие в освобождении этого города. При окружении и ликвидации корсунь-шевченковской группировки бойцы и офицеры под командованием генерала Батицкого, на прикрытие действий которых вылетали истребители нашего полка, несмотря на чрезвычайно сложную обстановку, в короткие сроки вместе с другими войсками фронта блестяще выполнили поставленную задачу.

В начале войны, в первый ее период, даже руководящий состав авиационных дивизий, тем более уже полков, редко знал фамилии командиров наземных частей и соединений, с кем работал. Причин тому много: сохранение поенной тайны, быстро меняющаяся обстановка, нарушение связи, боевого управления, слабо отработанные вопросы взаимодействия.

В сорок третьем и особенно сейчас, в начале сорок четвертого года, положение изменилось. Мы знали фамилии командиров многих частей и соединений наземных войск. Этому способствовали длительные совместные действия. Так, например, наш авиационный корпус начиная с Курской битвы действовал, по сути дела, в полосе наступления одних и тех же соединений и армий. И конечно, фамилии командующих были хорошо известны.

В настоящий период представители руководящего летного

состава авиационных полков, дивизий, не говоря уже о корпусе, постоянно находились в боевых порядках наземных войск, располагались вблизи их командных или наблюдательных пунктов. Эти своеобразные авиационные пункты управления (начало им было положено во время Сталинградского сражения) осуществляли взаимодействие с наземными войсками, руководство действиями авиации в воздухе.

Велика была роль такого целенаправленного руководства штурмовыми и истребительными полками корпуса при наступлении наземных войск на Умань и дальше на юг, в направлении Молдавии и советско-румынской границы по реке Прут. Ведя тяжелые бои в сложных условиях весенней распутицы, войска фронта, тем не менее, продвигались вперед очень быстро. Достаточно сказать, что после ликвидации корсунь-шевченковской группировки противника, начав наступление 5 марта из района Звенигородки, к 26-му числу мы вышли широким фронтом на реку Прут. За двадцать дней, сломив яростное сопротивление противника, наши войска преодолели более 300 километров.

Приходилось менять аэродромы чуть ли не каждый день. Противник все, что поддавалось сожжению и разрушению, уничтожал. Наши батальоны аэродромного обслуживания в условиях бездорожья отставали, и мы часто садились на необорудованные площадки, с помощью местного населения приводили их хоть в какое-то подобие взлетных полос и летали, не дожидаясь БАО. Горючее и боеприпасы в таких случаях доставлялись на транспортных самолетах. И то и другое, понятно, было в ограниченном количестве. Штурмовики и мы, истребители, выполняли только очень важные для наземных частей и соединений задания. И здесь четкое оперативное руководство штаба корпуса, работающего в тесном контакте с командованием наступающих войск, было особенно ценно. Каждый самолето-вылет - на учете и используется только при большой необходимости.

Случалось, что полеты находились под угрозой полного срыва. На одном из аэродромов под Уманью взлетная полоса была совершенно непригодна для работы. Размокшая почва, мокрый снег, грязь забивали во время разбега масляный и водяной радиаторы на наших истребителях. Моторы перегревались, выходили из строя. Штурмовики с полным полетным весом, груженные бомбами, реактивными снарядами, с такой полосы взлетали с большим трудом.

Выход из создавшегося положения был найден. Штурмовики стали загружать не полностью, в облегченном варианте.

"Яки" тоже оставались в строю. По предложению инженерно-технического состава сделали "доработку" на самолетах. Из обыкновенной фанеры полковые умельцы вырезали специальные щитки для радиаторов. На взлете они надежно закрывали их от грязи и снега. Сразу после отрыва летчик специальным тросиком, протянутым в кабину, открывал эти щитки. За короткое время разбега мотор не успевал нагреться до критической температуры.

Больше всего вылетов в этот период мы, пожалуй, выполняли на разведку. Нашему командованию важно было знать направление отхода войск противника, районы подготовленной обороны, переброски и выдвижения его резервов, места, наиболее удобные для переправ через реки.

Для ведения разведки мы начали довольно часто применять вылет смешанных групп. На задание выходила пара штурмовиков, ее прикрывала пара истребителей. Такой способ имел целый ряд преимуществ. Экипажи "илов", а летчиками в них были самые опытные - Герои Советского Союза М. Одинцов, Т. Бегельдинов, Ю. Балабин, - все внимание уделяли поиску объектов разведки, земле. Наша пара по всему маршруту прикрывала полет "илов" от вражеских истребителей.

Запомнился один из таких вылетов, закончившийся весьма печально. Поступил приказ: моей паре прикрыть полет пары штурмовиков во главе с Талгатом Бегельдиновым. Мы с Александром Коняевым сидим в кабинах "яков", ждем пару Бегельдинова. Когда истребители и штурмовики базировались на разных аэродромах, сбор группы, как правило, происходил над нашим. Мы - в полной готовности, при подлете штурмовиков взлетаем, занимаем место в боевых порядках.

Так было и в том вылете. Слышу в наушниках характерный акцент Талгата:

- "Шевченко", подхожу к вам. Взлетай.

Выруливаем на полосу. Даже на рулежке самолет водит - скользко. По радио предупреждаю ведомого: "Внимательно, не торопись!" Командир дает добро на взлет. И вот сектор газа - плавно вперед, так же плавно отпускаю тормоза. Самолет по мере роста скорости идет ровнее. Сейчас ни одного резкого движения ни рулем поворота, ни тем более тормозами: может выбросить с полосы. Перед самым отрывом слышу по радио тревожный голос командира:

- Коняев, спокойней! Не дергай! Брось тормоза!

Что там? Оглянуться во время отрыва от полосы, тем более в таких условиях, ни на мгновение нельзя. Наконец прекратился шум под фюзеляжем. Самолет легко идет вверх, и я убираю шасси. В десяти - двенадцати метрах от земли делаю крен, чтобы

увидеть взлетную полосу. Командир с той же тревогой в голосе:

- "Шевченко"! Куда заваливаешь?!

Я выровнял самолет, спросил:

- Что там?

На этот раз голос Кутихина прозвучал неуверенно в тихо:

- Все нормально, на задание иди один. Справишься?

- Справлюсь. Что случилось?

- Вернешься, расскажу. Иди. Задание важное... "Горбатый" слева выше двести...

Ищу Бегельдинова. Вот он, идет по кругу нашего аэродрома от второго разворота. Судя по тому что Коняев не догнал меня до первого разворота, что-то произошло на взлете. Видимость плохая, но со 150-метровой высоты полосу можно разглядеть. Примерно посередине ее, в стороне, - самолет в каком-то неестественном положении, вокруг люди... Запрашиваю по радио:

- Что с Коняевым? Жив?

- Жив, жив. Иди спокойно.

Только сейчас обратил внимание, что штурмовик Бегельдинова тоже в гордом одиночестве.

- Почему один? - спрашиваю его.

Талгат, как всегда, спокойно:

- Второй тоже "раздумал".

Он еще шутит. Но тут же серьезно:

- Твой, похоже, скапотировал. Ну, раз жив - все в норме.

Беспокойство за Сашу Коняева долго не оставляло меня. Видимо, на скользкой полосе не справился с управлением. Невольно вспоминается злополучный вылет со Степаном Карначом первого мая сорок второго года на Керченском полуострове. Тогда мы тоже оба остались без ведомых.

Чем ближе подлетаем к линии фронта, тем больше техники: автомашины, артиллерийские прицепы и танки, танки, танки. Они идут вдоль дорог, по обочине, обгоняя обозы, заторы автомобилей, извивающиеся бесконечно длинной серой лентой колонны пехоты. Талгат тоже видит, сколько у нас теперь боевых машин, коротко резюмирует:

- Сила!

Я не отвечаю. Все понятно и так. А у линии фронта разговоры по радио нужно вести как можно меньше. Вот, пожалуй, и она, но точно сказать сразу трудно. Если раньше, особенно на Курской дуге, и с нашей стороны, и со стороны противника на переднем крае была отрыта масса земляных сооружений, то сейчас немцы не успевают как следует закопаться в землю, а у наших войск необходимость в этом возникает нечасто - они идут вперед. Так что привычное понятие "передовые позиции" сейчас уже не

существует. Есть так называемая линия соприкосновения. Она изменяется каждый день, каждый час, меняет свою конфигурацию то быстрее, то медленнее. Постоянную характеристику имеет только одну - упорно продвигается на запад к Польше и на юг - к Румынии.

...Штурмовик Талгата то ползет над самой землей, то набирает высоту. Я слежу за ним и внимательно осматриваю воздух. Самолетов не видно. Авиация противника никак не может оправиться после поражения на Курской дуге, над Днепром, в небе Кубани. И хотя бывают ожесточенные бомбежки, воздушные бои, но в воздухе мы уже хозяева.

Даже над чужой территорией я полностью уверен в победе, только когда веду восемь - десять самолетов. А сейчас?.. Во всяком случае, встретиться даже с двумя парами "мессеров" или "фоккеров" не хочется. Одну-то пару я свяжу боем, но вторая может атаковать Бегельдинова.

Только подумал о противнике, о том, что его пока нет, а он тут как тут. С востока, со стороны фронта, под самыми облаками - комариная точка. Напрягаю до предела зрение: сколько их и кто? Пока вижу одного. Но остальная группа, может быть, прячется в нижней кромке облаков? Немецкие летчики на всякого рода хитрости горазды. Их истребители поодиночке не летают даже в крайних случаях. Комариная точка становится все больше и больше "Фокке-Вульф-190". Это не страшно. Но я по-прежнему кручу головой во все стороны, предупреждаю Талгата, чтобы был повнимательней. Нет, "фоккер" один. Значит, или потерял где-то своего напарника, или его сбили наши.

За это время я набрал максимально возможную высоту, под самые облака. Их нижний край не больше пятисот - шестисот метров. "Фоккер" приближается. Под ракурсом три четверти сбоку захожу на него в атаку. Заметил, отвернул от трассы моих пушек и вошел в вираж. Мне не оставалось ничего другого, как сделать то же самое. И тут все повторяется, опять на виражах - навязчиво вспоминается керченский бой.

Продолжая наблюдать за воздухом - не появится ли где напарник фашистского летчика, - делаю вираж как можно круче. У "фоккера" на этой высоте в горизонтальном полете скорость побольше, чем у "яка". У него значительно хуже характеристики вертикального маневра. Но в таких условиях на вертикаль бой не переведешь. Внизу, совсем рядом, земля, над головой облака.

Долго ходим друг за другом в левом вираже, меня беспокоит штурмовик Бегельдинова. Как он там? Не напал ли на него кто внезапно? Нет, нормально. Словно над его головой все спокойно, Талгат невозмутимо рассматривает что-то в выжженном лесу. А у

меня от длительной перегрузки, вдавливающей тело в чашу сиденья, начинает побаливать спина. Давно в полете я этого не чувствовал. Надо что-то предпринимать - этак мы можем до полной выработки горючего виражить. Вот если бы Бегельдинов... Нажимаю кнопку передатчика:

- Талгат!

- На приеме.

- Помог бы, что ли...

- Не могу, "Шевченко". Засек тут одну штуку. Надо проверить. Ты его подержи еще малость.

Что ж, все правильно. У него задача - разведка, а я должен обеспечить безопасность. Хотя так все просто: Талгат подводит свой штурмовик к "фоккеру" и снизу одним залпом из всех своих стволов...

Начало боя по часам не засек, но крутимся в одном вираже, кажется, уже вечность. Если бы со мной был Саша Коняев! Давно бы разделались с этим "фоккером". Правда, если бы и у фашиста был ведомый, они бы меня тоже быстро зажали.

А Бегельдинов упрямо продолжает рыскать над землей и смеется:

- Подержи, подержи еще! Или он тебя держит? Горючего у меня остается уже меньше половины.

Сколько же у немца? Тоже, видимо, с бензином туго. "Фоккер" выходит из виража и одновременно почти пикирует к земле - выходит из боя. Я бросаюсь за ним. Уходит. ФВ-190 значительно тяжелее, на пикировании скорость набирает быстрее, да и мотор у него более мощный. После вывода в горизонт я все-таки ловлю его в перекрестие и выпускаю несколько очередей. Но силуэт вражеского самолета сквозь кольцо прицела все уменьшается, а в хвост "фоккер" сбить трудно. У летчика мощная бронированная спинка сиденья, до мотора не достанешь, тем более с такой большой дистанции... Ушел.

Возвращаемся домой и мы. Над своей территорией подхожу вплотную к самому Бегельдинову. Показываю кулак. У того от смеха высоко взлетают черные смоляные брови, ослепительно белеют зубы. Талгат поднимает вверх большой палец: "Все нормально", а я укоризненно качаю головой: "Упустили!" Талгат машет на прощание рукой - пришли на его аэродром. Подождав, пока штурмовик зарулит на стоянку, я отправился к себе.

Горючего оставалось в обрез. Не делая традиционного круга, сразу пошел на посадку. Во второй половине пробега справа от полосы вижу изуродованный самолет Александра Коняева.

Неудавшийся воздушный бой с "фокке-вульфом" почти заставил забыть о неудаче ведомого на взлете. Помнил, конечно,

слова Командира о том, что он жив. Сейчас на взлетной полосе беспокойство вспыхнуло с новой силой. И не без основания.

Саша, как я предположил, упустил направление в первой половине разбега. Самолет повело - и он переборщил с тормозом. Нужно бы прекратить взлет, но лейтенант спешил, не хотел отрываться от ведущего. Истребитель снесло с расчищенной полосы и, как на грех, в незасыпанную воронку от бомбы. Самолет скапотировал - перевернулся на спину, да еще загорелся. Пока подбежали, погасили огонь, перевернули - Коняеву обожгло сломанные ноги.

Два дня мучился Саша - началась гангрена, ноги ампутировали, но поздно. На земле Украины осталась еще одна могила летчика 247-го истребительного авиационного полка.

Вскоре мы прокладывали новые маршруты на своих полетных картах. Наземные войска, успешно форсировав Южный Буг, шли к Днестру, в Молдавию.

Война по-прежнему неутомимо пишет свою суровую летопись. В ней все больше и больше отводится места героическим победам советского оружия. Поздней осенью прошлого, 1943 года Красная Армия начала освобождение Белоруссии. Зимой и весной сорок четвертого наши войска провели успешные наступательные операции на многих фронтах. В январе враг был отброшен от Ленинграда и изгнан из древнего Новгорода, четыре Украинских фронта вели упорные бои за полное освобождение Украины и Крыма.

26 марта 1944 года приказ № 94 известил о том, что войска 2-го Украинского фронта, продолжая стремительное наступление, несколько дней назад форсировали реку Днестр на участке протяженностью 175 километров, овладели важным железнодорожным узлом Бельцы и, развивая наступление, вышли на нашу государственную границу - реку Прут на фронте протяженностью 85 километров.

Летчики, естественно, побывали за границей СССР значительно раньше. Хотя, честно говоря, сами мы это событие чуть не пропустили. На наших полетных картах государственная граница не отмечалась. Вместо нее мы наносили каждый день положение вражеских войск. Три реки: Южный Буг, Днестр и Прут - были в зоне действия нашей авиации весной этого года. События развивались стремительно. Кажется, только что прикрывали форсирование Южного Буга и ходили на разведку вражеских переправ через Днестр, а уже штурмуем отходящие к Пруту поиска противника, барражируем над понтонными мостами через Днестр, по которым днем и ночью идут наши танки, пехота, артиллерия. Вчера я вел воздушный бой где-то в

районе Каменки, что на характерном изгибе Днестра, сегодня уже сопровождаю штурмовиков майора Одинцова под Бельцы. Этот городок Советской Молдавии завтра утром наши войска освобождают, а мы в это время уже ведем бои над Яссами.

Летчики полка сделали несколько вылетов на ту сторону Прута. Вдруг кого-то осенило:

- Братцы, а мы ведь сейчас из-за границы вернулись!

Что тут началось! Открытие ошеломило всех. Мы ждали, верили, что настанет день, когда будем бить врага и его союзников на их земле, в их небе. Но как-то не подумали о том, что в горячке наступательных будней этот день подойдет так просто, незаметно. Поднялись в воздух, пролетели над границей и обратно...

- Над государственной границей! Вдумайтесь только! - восторженно повторял Николай Буряк.

Кто-то разрядил в небо обойму пистолета, за что и получил взыскание от командира, нестрогое по такому случаю. Молодые ребята - механики и мотористы прыгали от радости, бросали вверх пилотки. Все обнимались, кричали "ура", словно наступила сама победа.

В следующем вылете внимательно (как будто можно рассмотреть эту невидимую линию - границу) смотрю вниз, на землю, на реку. Земля, как и на нашей стороне, просыпается от зимы. Сады стоят еще серые, голые, но луга начинают зеленеть.

В деревнях и селах, над которыми пролетаем, дома такие же, как в Молдавии и на Украине, - в основном белые мазанки. Но... есть, конечно, разница. На румынской стороне не видно сожженных, разрушенных домов, тем более деревень. А сколько их на нашей земле! Этим же отличались друг от друга городки Бельцы и Яссы. В Бельцах много разрушений, пожарищ, а в Яссах целехонькие, аккуратные улочки...

Через день после освобождения Бельцов я получил приказ организовать рядом с городом пункт наведения. Мне не хотелось расставаться с истребителем в самый разгар наступления. Но начальник штаба дивизии полковник Виноградов, пригласивший меня на беседу, объяснил, что, во-первых, пунктам наведения придается сейчас очень большое значение, поэтому летчики на них должны быть опытными. Во-вторых, опыт боевого управления действиями истребителей с земли необходим авиационному командиру.

- Товарищ полковник, я же не командир!.. Услышав мое уточнение, начальник штаба улыбнулся:

- Сегодня - начальник воздушно-стрелковой службы, завтра - командир полка, дивизии и так далее. Жизнь, товарищ Шевчук,

на месте не стоит. Я вам по секрету скажу, генерал Баранчук приказал "пропустить" через пункт наведения всех кандидатов на выдвижение.

И вот самолет У-2 высадил меня на восточной окраине городка. Летчик ушел вторым рейсом за радистом, выделенным в распоряжение нашего ПН, а я решил осмотреться и выбрать удобное место.

Для наземной боевой работы - наблюдения за воздухом, наведения самолетов - я еще с У-2 присмотрел подходящую высотку. На ней мы и разместились с рядовым Васильевым.

Васильев - человек в возрасте, опытный радист, но уж очень любил побурчать, что, мол, ему, профессионалу, приходится работать на таком старом аппарате, для которого нужен не радист, а рабочая лошадь... Дело в том, что радиостанция пункта наведения обеспечивалась питанием от специального устройства, в шутку названного "солдат-мотор". Радисту приходилось вручную крутить рычаги, те вращали динамо-машину, вырабатывающую электрический ток. И это занятие, конечно, не вызывало энтузиазма у моего помощника. Однако человек он был исполнительный, отлично знал свое дело, и с радиостанцией, с качеством приема и передачи забот у меня не было.

Но в работе по непосредственному руководству полетами я встретился с немалыми трудностями, особенно поначалу. Хотя и проинструктировали меня в штабе дивизии подробно, обстоятельно, ввели в курс всех обязанностей, практически с этим делом столкнулся впервые. В воздухе я получал с земли, с такого же вот пункта наведения, информацию о противнике, указание о направлении, более удобном для атаки. Нередко пункты наведения предупреждали летчиков об опасности - внезапно появившихся вражеских истребителях. Все это на первый взгляд не представлялось мне особенно сложным. Но здесь, на ПН, в первый же день я почувствовал, что дело это очень непростое. Во-первых, чувство большой ответственности: любая команда с земли исполнялась летчиками беспрекословно, а значит, любая моя ошибка могла дорого обойтись. Во-вторых, если ты даже хорошо просматриваешь воздушную обстановку, свои самолеты и самолеты противника, необходимо уметь быстро принять правильное решение времени на раздумья нет.

В нашем районе установилась хорошая, по-настоящему весенняя погода. Авиации в воздухе - больше чем достаточно. Немецкие бомбардировщики все время пытались бомбить наши войска как на передовой, так и на подходе из тыла, а истребители постоянно шныряли над Бельцами в поисках добычи. Летать дальше в тыл они не рисковали. Особенно досаждали нам "фокке-

вульфы", которые враг использовал для штурмовки.

Над передним краем в полосе наступления наземных войск, действия которых обеспечивал наш авиакорпус, с утра до вечера в воздухе кружилась карусель воздушных боев, проносились эскадрильи штурмовиков, проплывали девятки бомбардировщиков Пе-2, надсадно, с каким-то прерыванием урчали моторы "хейнкелей". Конечно, хорошо разобраться в такой обстановке, выделить главное - сложно. Тем более что я должен был не только наводить истребители своего полка, но и помогать всем самолетам, действующим в этом районе.

Генерал Баранчук, который всегда лично инструктировал офицеров-летчиков, направленных на пункты наведения, подчеркнул, что во время воздушного боя, и особенно когда в воздухе несколько его очагов, очень важно произвести перегруппировку сил с таким расчетом, чтобы был обеспечен перевес сил на наиболее важных участках воздушной схватки. "Этого, настоятельно указывал он, - можно добиться, даже не имея превосходства в воздухе, хотя сейчас оно наше полностью".

И в первый же день я убедился в правоте его слов. Около полудня надо мной сошлось до двух десятков машин. Ведущего группы советских истребителей я узнал по голосу - заместитель командира соседнего истребительного авиаполка Герой Советского Союза майор С. Д. Луганский.

Сергей Данилович прославился еще в боях под Сталинградом, где сбил более десяти вражеских самолетов, причем один из них - таранным ударом. Именно за смелость, мужество, мастерство, проявленные в боях над Волгой, Луганскому и присвоили это высокое звание. Отлично воевал он и во время Курского сражения.

Наши полки, входившие в одну дивизию, часто базировались вместе, и летчики хорошо знали друг друга. В этой части летал и мой товарищ по службе в полку Дзусова - отчаянный пилот, весельчак Николай Шутт. Он, кстати, дрался сейчас в группе Луганского.

Честно говоря, увидев бой с земли со всеми подробностями, я немного растерялся. В воздухе, будь ты о семи пядей во лбу, всего происходящего не увидишь. Там прежде всего тебя интересуют ближайшие самолеты противника: из них выделяешь тот, который можешь атаковать сам или который собирается напасть на тебя. За остальными же уследить просто невозможно.

С земли все видно как на ладони. Встретились истребители на высоте метров восемьсот двумя ярусами: и наши, и немецкие на разных эшелонах, с превышением - группа над группой. Одна четверка Шутта шла позади своих и выше. Немецкие летчики ее,

вероятно, не заметили, иначе вряд ли бы вступили в бой.

С ходу обе четверки немцев ринулись на звено, которое вел сам Луганский. Но тот упредил их: его нары разошлись, как ножницы, и с двух сторон атаковали "мессеров" на встречных курсах.

Один Ме-109 задымил в первую же минуту и, выходя из боя, начал снижаться на свою территорию. Его тут же добили.

Я так увлекся картиной боя, что чуть не пропустил самого главного немцы вызвали подмогу. С запада приближалась еще четверка "мессеров". Я крикнул в микрофон Луганскому:

- Внимание! С юго-запада четыре "мессершмитта"! С юга-запада четыре Ме-109!

- Спасибо, понял, - ответил Луганский и передал приказ Николаю Шутту атаковать подходящего противника.

Тот ответил:

- Понял, командир, выполняю.

Шестерка остроносых "ястребков" Луганского весьма успешно расправилась с "худыми". Тот Ме-109, который был сбит в начале боя, упал в километре от пункта наведения.

Вслед за ним к земле пошел еще один. "Мессершмитты" заметались между парой и четверкой группы Луганского. Тогда, чтобы не тянуть время, он со своим ведомым отвалил в сторону, с небольшим принижением набрал скорость и боевым разворотом вышел для атаки "мессеров". Несколько коротких очередей и сбит третий самолет гитлеровцев.

А что же четверка Шутта? Она продолжает набор высоты и идет явно в сторону от приближающегося противника. Еще немного - и будут потеряны возможности для атаки.

Тогда я закричал в микрофон:

- Шутт! Противник ниже справа!

После секундного молчания Николай переспросил:

- Где?

Теперь понятно: он просто не видел подходившую группу Ме-109, а переспросить не решился - понадеялся на свои глаза. Я же, наблюдая с земли воздушную обстановку, не учел, что из кабины самолета оценить ее труднее. Такие просчеты могли бы дорого нам стоить.

Летчики группы Луганского, уверенные, что им ничего не грозит, все внимание сосредоточили на оставшихся "мессершмиттах". Звено Николая Шутта, приняв мою команду, быстро и четко выполнило ее, и пилоты открыли по "мессерам" огонь на пикировании. Попасть с большой дистанции, понятно, трудно, но трассы заставили немцев отвернуть в сторону.

Группа Луганского тем временем, услышав наши переговоры

по радио, естественно, отвлеклась, в какой-то степени утратила активность, и немецкие летчики вышли из боя. "Мессершмитты", атакованные звеном Шутта, тоже убрались восвояси.

По давно сложившейся привычке вечером я постарался проанализировать свою сегодняшнюю работу, особенно при наведении группы Луганского. Сколько же раз у меня было такое: победа одержана, а горький осадок остается! Да, наши истребители сбили три самолета, и потерь нет. Но если бы не моя оплошность и Шутта, бой мог кончиться с большим эффектом...

После наступления темноты, когда на пункте наведения, все техническое оснащение которого состояло из радиостанции с "солдатом-мотором", делать было нечего, я еще раз вычертил схемы схваток с противником, разобрал характерные промахи, возможные, наиболее оптимальные варианты тактических приемов, которые мог подсказать летчикам.

В эти дни в жестоком бою над Яссами был сбит Василий Афанасьевич Меркушев - Герой Советского Союза, любимый наш комиссар, бывший заместитель командира полка по политической части. Я долго не мог поверить этому горестному известию...

А бои продолжались.

В последующие дни я довольно быстро усвоил, что самое важное при управлении боем - разгадать как можно раньше замысел противника. По положению его самолетов, по предшествующим действиям старался смоделировать возможные варианты схваток с гитлеровцами. Исходя из этого, давал целеуказания своим истребителям.

Командир дивизии был прав - работа на пункте наведения пошла на пользу. Теперь я многое пересмотрел, переосмыслил. По-новому, например, оценил действия ведущего в бою. До сих пор многие наши командиры, водившие в бой группы из восьми и более самолетов, действовали так же, как и ведущие пары, звена. Мы шли в атаку во главе группы, увлекая за собой ведомых, нападали на первые попавшиеся на пути самолеты противника. Практика на пункте наведения привела меня к выводу, что ведущему группы, особенно большой, далеко не всегда необходимо идти впереди подчиненных. Участие в первой же атаке противника лишает командира возможности по-настоящему руководить боем, так как основное внимание он уделяет уже ближайшим самолетам противника, а не общей воздушной обстановке. И тогда ведущие звеньев и пар полагаются больше на самих себя, чем на его руководство.

А если ведущие - недостаточно опытные? Тогда бой может превратиться в хаотичную, неуправляемую схватку, единоборство

звеньев, пар, подчас и отдельных летчиков. В таком случае исход его решают, только индивидуальное мастерство, настойчивость, активность.

Конечно, приятно записать на свой счет сбитый немецкий самолет. Больше того, бывают случаи, когда пойти в атаку первым просто необходимо. Но весьма часто, в этом я убедился, ведущему группы из четырех, трех и даже двух звеньев резоннее находиться во втором эшелоне истребителей и оттуда руководить боем. Понятно, каждую пару, каждого летчика опекать невозможно, да это и не требуется, но основные очаги боя, главный удар истребителей должны находиться под непосредственным руководством. Тогда бой станет управляемым процессом.

Об этом еще стоило поразмыслить, посоветоваться с, товарищами, но я был уверен, что рациональное зерно в моих суждениях есть.

Наши наземные войска продолжали наступать. Вскоре Совинформбюро сообщило, что они форсировали реку Прут, овладели городами Дороха, Ботошани, целым рядом других румынских населенных пунктов. Фронт ушел от нас больше чем на пятьдесят километров.

Смещалась на запад и арена воздушных боев. Мы с рядовым Васильевым остались практически безработными. Но вот приказ - пункт наведения свернуть, возвратиться в часть.

Перед отлетом мы видели, как по пыльной, выбитой танковыми гусеницами дороге нескончаемой серой колонной пошли пленные. Для них война кончилась...

В тылу

В полку нас ждали новости. И заключались они в одной фразе, которой встретил меня на аэродроме летчик Николай Буряк. Широко улыбаясь, он поздоровался и приложил руку к козырьку фуражки:

- Поздравляю вас, товарищ гвардии майор, с поездкой в тыл!

Я не сразу сообразил: гвардии, да еще майор?.. Но понял, что Николай не шутит - улыбка его светилась большой сердечной радостью. Он сам еще не привык к гордо звучащему слову "гвардия", и, конечно, ему доставляет искреннее удовольствие произносить его, А новость действительно знаменательная. Наш 247-й истребительный авиационный полк стал 156-м гвардейским!

А то, что Николай назвал меня майором, было не столь неожиданным. Перед отъездом на пункт наведения я узнал от начальника штаба, что представление на меня уже подготовлено...

Но вот при чем здесь тыл? Неужели?.. Первая мысль о том, что единственно связывающее меня со словом "тыл" - травмированный позвоночник. Нет, он почти не беспокоил меня. Во всяком случае, я старался как можно реже думать о нем, хотя корсет грузина сапожника ежедневно утром и вечером напоминал о злополучном компрессионном переломе. Я знал, что рано или поздно врачи обо мне вспомнят. Но сейчас?..

- В тыл... Ты понимаешь, Николай, что это для меня такое? Сам знаешь: врачам только попадись в руки...

- Какие еще врачи? - не понял меня Буряк. - Товарищ гвардии майор! Да вовсе вам не на медицинскую комиссию в тыл, а за самолетами и пополнением.

Действительно, в штабе полка лежал приказ командира дивизии о моей командировке на один из тыловых аэродромов. Я должен был получить новые самолеты и привести пополнение летного состава для полков соединения.

Нужно сказать, что в это время авиационные части, а тем более соединения, редко, только в порядке исключения, переводились с фронта в тыл для переформирования, пополнения самолетами и летчиками. И в этом был свой смысл. В начале войны после жестоких, кровопролитных месяцев отступления во многих полках не оставалось ни летчиков, ни боевых машин, а если и оставались, то единицы. Но сейчас дело до этого, конечно, не доходило. Да, потери были - и в самолетах, и в личном составе, но полки оставались сплоченными, боеспособными воинскими коллективами, обогащенными опытом, замечательными традициями. Отправить такой полк на переформирование - значит поставить на его место необстрелянную часть из тыла. В первых же боях она могла понести большие потери. Поэтому закономерно было вводить в строй нескольких, пусть совсем неопытных, молодых летчиков, чем целый полк.

Полки и дивизии 1-го штурмового авиационного корпуса, к примеру, после начала боевых действий на Курской дуге не отводились в тыл до конца войны. Безусловно, трудно было воевать, что называется, без перерыва, но летчики, авиационные командиры одобрительно относились к такому решению командования Военно-Воздушных Сил. Тем более что летному составу по мере возможности предоставляли краткосрочный отдых в небольших профилакториях в прифронтовой зоне. А некоторые наши товарищи, родные которых находились не слишком далеко, даже уезжали в недолгий - неделя-полторы - отпуск домой.

В части и соединения прибывали по мере необходимости

новые самолеты, летчики из запасных полков. Как правило, офицеры из руководящего состава фронтовых частей на месте проверяли уровень подготовки молодых пилотов, облетывали выделенные для перегонки самолеты и приводили группы прямо на фронтовые аэродромы.

На этот раз такое задание поручили мне и штурману соседнего 152-го гвардейского истребительного авиационного полка Герою Советского Союза гвардии майору Ивану Корниенко.

Короткие сборы, прощание с боевыми друзьями, инструктаж командира - и вот мы на аэродроме, возле транспортного самолета, командир которого доложил мне как старшему группы, что до Москвы у нас будут попутчики. - Вот посмотрите, - протянул он список пассажиров. Сразу бросились в глаза известные фамилии - Симонов, Алейников...

Не было, наверное, в то время в нашей стране человека, который бы не читал стихов, корреспонденции и очерков с фронта Константина Симонова. О Петре Алейникове и говорить не приходится - он был одним из самых популярных киноактеров. А может, просто однофамильцы?

Но в это время к самолету подошла группа людей, среди которых мы сразу узнали Алейникова. А кто же из них Симонов?

Я хорошо помнил его стихи, которые в Краснодарском госпитале проникновенно читала актриса Зоя Федорова:

Под Кенигсбергом на рассвете
Мы будем ранены вдвоем,
Отбудем месяц в лазарете,
И выживем, и в бой пойдем.
Святая ярость наступленья,
Боев жестокая страда
Завяжут наше поколенье
В железный узел навсегда.

Самым поразительным было то, что написано это еще в 1938 году. Там же, в госпитале, я впервые услышал "Жди меня", "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины" и другие ложащиеся прямо на сердце стихи...

В самолете мы быстро перезнакомились. На первой же сотне километров маршрута все пассажиры неумолимо тарахтящего Си-47 стали единой группой фронтовиков, летящих в тыл.

Путь на Москву лежал через Киев. Погода в столице Украины была плохая: дождь, видимость почти нулевая. Но, прижавшись к стеклу бортового иллюминатора, я пытался хоть что-то рассмотреть. Вон там, слева, всего в нескольких десятках километров, - родные ирпенские леса, речушка, село Ставки. Ведь это уж поистине прямо из симоновского стихотворения "Родина":

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

Не знаю, как уж командир нашего самолета сел в такую непогоду, только в Москву мы в этот день не вылетели. Симонов добровольно взял на себя заботы о нашем ночлеге, а по тем временам дело это было нелегким. Но Константин Михайлович добился-таки для нашей команды целой комнаты и даже организовал поездку в Киев.

Я видел разрушенную Керчь, Феодосию, Воронеж, Харьков. Тяжело смотреть на руины. Но в этих городах я не был до войны и мог лишь предположить, какими они были раньше. А Киев я знал хорошо: его проспекты, Крещатик, зеленые улицы, набережную Днепра. Светлый, необыкновенной красоты город, где жили радостные, счастливые люди.

Во что можно превратить цветущий край! Мы въезжали в город от Жулян и ничего не узнавали - кругом руины, руины, руины. Киев казался мертвым. Мы молчали, потому что не существует слов для выражения истинной скорби.

Но чем ближе к центру, тем больше и больше оживлялись глаза моих попутчиков. Город вставал из пепла и руин: развалины многих домов убраны, улицы расчищены, много строительных лесов. И больше всего нас радовало и удивляло, что на Крещатике несколько женщин сажали в сквере цветы...

Да, Киев, выдержав месяцы борьбы, оккупации, возвращался к жизни. Теми малыми силами и средствами, которые могла выделить страна на восстановление, город благодаря сверхчеловеческим усилиям своих жителей начинал приобретать прежний облик. Я мысленно забегаю вперед и вижу, верю, что он будет лучше, краше и радостнее довоенного.

Вечером, выложив съестные припасы, пассажиры нашего самолета сели ужинать. За окном шел дождь. Кто-то попросил Симонова почитать стихи. Не только я, видно, хотел их послушать. Константин Михайлович без тени наигранности, полусерьезно, полушуткой ответил:

- Да ведь только писать немного умею. А читать - это дело их, актеров, - он, улыбаясь, кивнул в сторону Алейникова.

Тот запротестовал:

- Не верьте ему, товарищи. Константин Михайлович превосходно читает. И вообще, лучше самого поэта его стихи никто не прочтет.

Симонов спорить не стал, задумался:

- Что же... Что же вам прочитать?

Мы молчали, предоставив поэту самому выбрать строки, подходящие сегодняшнему настроению. Мягко картавя, чуть нараспев, казалось без выражения, Константин Михайлович начал:

Когда ты входишь в город свой
И женщины тебя встречают,
Над побелевшей головой
Детей высоко поднимают...

Я представляю разрушенный Киев, ликование жителей, когда в прошлом году, 6 ноября, наши войска освободили город. А Симонов сделал паузу, прошелся по комнате и вдруг совсем другим голосом, энергично и, как мне показалось, жестко, продолжал:

Пусть даже ты героем был,
Но не гордись - ты в день вступленья
Не благодарность заслужил
От них, а только лишь прощенье.

От волнения у меня перехватило дыхание. А стихи безжалостно подводили итог:

Ты только отдал страшный долг,
Который сделал в ту годину,
Когда твой отступавший полк
Их на год отдал на чужбину.

Не было ни аплодисментов, ни восторженных отзывов. Да и нужды в них не было. Суровая правда поэтической публицистики осенила, задела и нас, и самого автора.

Мы с Константином Михайловичем разговорились о боях под Керчью. Оказалось, что оба были там в одно время, вспомнили печальной памяти Багеровский ров. Симонов рассказывал, как приехал туда как раз в то время, когда вынимали трупы.

- Никакими средствами выражения человеческих чувств - ни музыкой, ни живописью, ни литературой - невозможно, по-моему, передать другим людям то, что ты видел сам, - своим ровным, но выразительным голосом говорил он. - Что бы мы ни написали о фашизме, о его зверствах - все будет мало и все будет в общем-то не так, как было... Но писать об этом надо, и мы будем писать. Человеческая память коротка. Даже не столько коротка, сколько добра по своей природе. Она долго помнит хорошее и старается забыть гнусное, подлое, зверское. А не говорить о фашизме, предать его забвению - значит дать возможность другим выродкам повторить все это в новом, еще более античеловеческом варианте...

На следующий день мы без всяких препятствий долетели до Москвы. Константин Михайлович не уехал в редакцию "Красной

звезды" до тех пор, пока не помог устроиться нам в гостиницу.

В штабе ВВС быстро были решены все вопросы, получены необходимые документы. Вылет назначен на следующий день. Мы с Иваном Корниенко решили побродить по столичным улицам. Я вспомнил, как погибший Иван Базаров с восхищением рассказывал нам о Москве, о Большом театре. В театр мы, правда, не попали, но по московским улицам находились. О войне сейчас напоминало только большое количество людей в военной форме.

Совсем мирный, довоенный облик придавали городу театральные афиши, объявления о футбольных матчах и больше всего - легкие полотняные козырьки над окнами магазинов. Ни одного разрушенного здания - Москва жила обычной деловой, рабочей жизнью.

На следующее утро новый перелет - и мы на месте, на аэродроме полка, готовящего пополнение для фронта. Трудно переоценить значение запасных авиационных частей. Здесь на боевых самолетах обучались летчики, прибывшие из авиашкол или из госпиталей. Летный состав запасных авиационных бригад и полков принимал на заводах самолеты, перегонял их на свои аэродромы. Там технический состав устранял выявленные дефекты, пристреливал бортовое оружие. Самолеты тщательно облетывались. Потом их переправляли на фронт.

С рассвета и до темноты на аэродроме, куда мы прибыли с Иваном Корниенко за пополнением, шли полеты. Словно на конвейере, на взлетно-посадочной полосе взлетали и садились боевые машины. Над самым летным полем беспрерывно в воздушной карусели кружились истребители отрабатывались учебные бои.

Но вот первая встреча с командованием части раздосадовала и огорчила нас. Ее командир, рослый, с буденновскими усами полковник, даже не дослушав наш доклад, огорошил отказом:

- Ничего сразу, товарищи, не получите. Месячишко придется отдохнуть.

Сами же мы рассчитывали управиться за три, ну пусть за пять дней. А тут - "месячишко"!

- Товарищ полковник! - перешел я в наступление. - Мы ведь с фронта, там людей ждут и машины тоже.

- Ну конечно, вы с фронта, а мы тут, в тылу, баклуши бьем... Таких, как вы, здесь десятки. И все ждут, - устало ответил полковник, остановив меня жестом руки. - Поживите, посмотрите, как мои пилоты работают, потом возражайте... Самолетов, кстати, полно. Можете хоть сегодня забирать и отправляться обратно. А летчиков нет. Готовим. Скоро будут.

Я понял, что спорить, что-то доказывать бесполезно. А

полковник рассказывал нам, с какой подготовкой прибывают сюда выпускники после училищ:

- Это же птенцы. Взлететь кое-как могут, а садятся - глаза зажмуривай: убьет себя или только машину разложит?.. А уж воевать... Да им только скажи, они же пешком на фронт побегут!..

Действительно, летчики запасных полков открыто завидовали нам, фронтовикам, жаловались на свою "невезучую" судьбу - они не сбивали вражеские самолеты, о них не писали в газетах, их не снимала кинохроника. Но каждый фронтовик, тем более прошедший школу запасного авиационного полка, знакомый с работой его личного состава, не задумываясь, отдал бы свои награды этим людям.

- Так что не обессудьте, товарищи фронтовики, придется вам отдохнуть у нас в тылу, - заключил беседу полковник. - Единственно, о чем вас попрошу, так это выступить перед моими пилотами - рассказать им о настоящих боях. Вы, я вижу, - он жестом указал на наши ордена, - воюете неплохо. Вот и поделитесь опытом...

Аэродромная гостиница была забита такими же, как и мы, фронтовиками, прибывшими за пополнением. Нас с Иваном устроили в профилактории на дальнем конце аэродрома. Там жил и генерал-лейтенант авиации С. П. Денисов, дважды Герой Советского Союза. Первую Золотую Звезду он получил за бои в небе Испании. Генерал оказался очень радушным, простым человеком. Мы с Корниенко не преминули использовать такое соседство в "корыстных" целях - попросили С. П. Денисова оказать содействие в нашем деле. Он пообещал, но взамен предложил "поработать":

- Люди здесь, в тылу, очень и очень интересуются нашими фронтовыми делами. Сами понимаете, товарищи, газеты - одно, а живой рассказ человека, который воюет, - другое. Я вас свяжу с горкомом комсомола. Ребята вы молодые - побываете на предприятиях города. Кстати, обязательно нужно съездить на авиационный завод - рабочие всегда интересуются, как летают их самолеты. Да и вам полезно посмотреть, каким трудом достигается наш перевес в боевых машинах. Это нужно увидеть самим.

Генерал Денисов отдыхал здесь не то после ранения, не то после болезни. И хотя был не очень здоровым человеком, ежедневно ездил на заводы и фабрики города.

- Это, - объяснял он нам, - я считаю своим партийным долгом. Посмотрите, как жадно ловят люди любое наше слово. У каждой семьи кто-то на фронте, и каждый из нас - не абстрактная фигура военного человека, а какая-то частичка сына, отца, брата...

Несколько дней с утра до вечера мы с Корниенко провели на предприятиях города. Побывали и на заводе, который выпускал истребители Яковлева.

Нас долго водили по цехам, знакомили с производством, людьми. С гордостью показывали технологические новинки, созданный уже в ходе войны сборочный конвейер, благодаря чему постоянно увеличивался выпуск самолетов.

Боевой истребитель - сложнейшая машина. Даже мы, летчики, не одну сотню часов пролетавшие на "яках", только сейчас, увидев его без обшивки, получили полное представление об этом уникальном техническом изделии. Электрические провода, трубопроводы, силовые наборы фюзеляжа, плоскостей, собранные с большой точностью из огромного количества деталей, казались фантастическим сооружением, а не детищем обычных человеческих рук. Но мы видели эти руки: по-стариковски медлительные, но уверенные, по-мальчишески быстрые, нетерпеливые, но старательные, по-женски ловкие, аккуратные, непомерно усталые - все они тщательно выполняли свою работу.

Мы познакомились с одной из бригад, носящей звание фронтовой, и ее бригадиром. Он был моим тезкой по имени и отчеству, почему я его хорошо и запомнил. Бригада работала на самой трудоемкой и ответственной операции. А необычное было в том, что этим рабочим едва минуло шестнадцать-семнадцать лет, а их бригадиру и того, наверное, меньше.

Маленький, худенький, остроплечий паренек в аккуратной спецовке на уважительное обращение к нему "Василий Михайлович!.." только повернул к нам голову и жестом предупредил: "Не мешайте".

- Подождем, когда пойдет конвейер, - сказал сопровождавший нас мастер. И тут мы узнали историю этой мальчишеской бригады.

- Вы только не подумайте, - пояснил он, - что на заводе одни малолетки работают. У нас много кадровых, опытных рабочих. Все рвались на фронт, но им разъяснили, что строить самолеты - наиважнейшее дело. Хотя до сих пор кое-кто заявления подает, чтобы на фронт, значит, уйти. Вот, полный карман. - Мастер показал десятка два сложенных разного формата листочков и продолжил свой рассказ.

Завод раньше выпускал сельскохозяйственные машины, а с началом войны его срочно переоборудовали в авиационное предприятие. Оно расширилось в несколько раз, потребовались многочисленные новые кадры - тогда прибыли специалисты с других авиационных заводов, пришли на предприятие и

мальчишки. Учили их в ремесленном училище, прямо в цехах.

- Наш Василий Михайлович, - мастер с любовью посмотрел в сторону конвейера, - работает уже почти два года. - Поступил на завод только-только четырнадцать лет исполнилось. Отец под Москвой погиб в сорок первом... Руки у парнишки золотые, а голова и того дороже... Характер тоже будь здоров. Где-то через полгода пришел к директору и заявил, что он и его товарищи умеют работать самостоятельно и хотят создать свою бригаду.

Мастер улыбнулся своим воспоминаниям:

- Словом, месяца два сплошная кутерьма с этими пацанами была. Дело-то сложное, а тут мальчишки. Опасно доверить... Но добились-таки своего. Сейчас почти все время первое место держат. Вот тебе и пацаны...

Прозвучал сигнал, и рабочие отошли от конвейера. Тележки, на которых устанавливались собираемые истребители, плавно тронулись с места в направлении ворот цеха. Передний - уже готовый к взлету истребитель выкатили за ворота, и там он сразу же попал в руки аэродромной команды. Вскоре заводской летчик-испытатель поднимет новорожденный самолет в воздух. А потом, может быть, именно на этой машине я, или Иван Корниенко, или кто-то из молодых пилотов нашей группы полетит на фронт.

Мы подошли к ребятам из бригады Василия Михайловича. Держались они солидно, во всем подражая взрослым рабочим. И вопросы тоже были серьезные: "Как там, на фронте?", "Как наша продукция воюет?", "Часты ли недоделки?".

А мне просто хотелось обнять этих ребят, расцеловать их. Почему-то запершило в горле, я с трудом сдержал подступавшие слезы. Им бы в футбол гонять, в лапту играть, сидеть за учебниками, дергать за косы девчонок, а они...

Не сговариваясь, мы с Иваном одновременно сняли свои часы и протянули Василию Михайловичу. И тут мальчишки одержали верх над "солидными" производственниками. Окружив своего бригадира, они рассматривали часы, и в глазах был неподдельный детский восторг. До войны, тем более сейчас, наручные часы были в общем-то редкостью, и не каждому удавалось держать их в руках.

Мы подарили часы ребятам, сказав, что это на память от фронтовиков. Они несказанно обрадовались, а мы почувствовали себя неловко - двое часов на целую бригаду. Но выход нашел сам Василий Михайлович:

- Спасибо, товарищи летчики, - он сердечно пожал нам руки, - а носить будем по очереди. Нет, не совсем так... Носить фронтовые часы будут те, кто по итогам недели выйдет на первое место в соревновании.

Бригадир протянул мои часы одному пареньку, Ивана Корниенко - другому.

Те в один голос запротестовали, а Василий Михайлович степенно отвел их руки с протянутыми часами:

- Заслужу, и я буду носить...

Однако бригада не согласилась с таким решением, и в цехе поднялся настоящий мальчишеский гвалт. Но прозвучал новый сигнал, и ребята поспешили к рабочим местам. Мастер нас успокоил:

- Не волнуйтесь. Ссоры не будет. Василий Михайлович сделает все как надо...

После окончания смены в красном уголке состоялась наша встреча с коллективом завода. Пришли все до одного. Усталые, голодные, но живо заинтересованные люди жадно слушали наше выступление. А мы, как могли, рассказывали о своих фронтовых делах, о подвигах товарищей. И старались говорить так, чтобы рабочие, которые, не жалея сил, обеспечивали наши боевые подвиги, почувствовали и уважение, и великую признательность всех летчиков-фронтовиков.

Генерал Денисов сдержал слово - вместо обещанного нам "месячишки" через неделю после прибытия мы с Иваном приступили к отбору летчиков и облету самолетов. Командир полка, правда, "выцыганил" у нас обещание помочь его летчикам-инструкторам, полетать с молодыми пилотами на учебные бои. Это, понятно, мы сделали с великим удовольствием. Полеты с новичками безусловно были в наших интересах.

А молодые летчики, как только им стало известно, что очередную партию на фронт поведем мы с Корниенко, стали нас ловить по одному, по два, целыми группами и просить, доказывать, что именно им, а не кому-нибудь другому необходимо скорее быть на фронте.

Начав полеты с этими ребятами, я сразу понял: хотя командир полка и говорил, что они "птенцы", но по сравнению с прошлогодними питомцами летных училищ выпускники 1944 года основательно отличались подготовкой, но до настоящих воздушных бойцов им было, конечно, еще далеко.

Несколько дней летали мы с Иваном Корниенко за инструкторов. Пилотировали в зоне так, как это бывает в реальном воздушном бою. Молодые пилоты очень расстраивались, когда теряли самолет ведущего в воздухе. Но с каждым днем держались все более цепко. В конце программы они уже по-мальчишески свысока начали посматривать на своих товарищей-неудачников, то есть не вошедших в нашу, уже отправляющуюся на фронт группу.

Между мной и этими ребятами - разница всего в пять лет. Им по двадцать, мне в этом году исполняется двадцать пять. Если считать простую разность лет - мы почти сверстники. Но если суммировать не дни, месяцы, годы, а события, которыми они наполнены, боевой опыт, приобретенный за это время, мы с ними словно два поколения. Даже потом, на фронте, когда они будут уже настоящими бойцами, разница эта если и сократится, то незначительно.

Этим ребятам не пришлось пройти первые два года войны. Они не будут знать, что такое беспощадность отступления, что означает нехватка самолетов и "безлошадный" летчик. Да, они переживут еще горечь потерь, пьянящую радость победы в бою, они еще прикрепят ордена к своим гимнастеркам. Но для них, как и для наших детей, первые месяцы войны - уже почти история. Поэтому они и смотрят на нас с Иваном Корниенко, как на отцов.

Ребята старались. Очень старались хорошо летать и нам понравиться. От чрезмерного напряжения допускали еще больше ошибок, безмерно огорчались. Нельзя было без улыбки сочувствия смотреть на удрученные лица Толи Турунова, Алексея Комарова и их товарищей, когда я или Иван строго перечисляли после посадки все их промахи, допущенные в полете. Зато какой искренней радостью, прямо-таки счастьем засветились их глаза, когда мы сообщили ребятам, что всех берем с собой на фронт!..

И вот уже произведены расчеты для полета по маршруту, с летчиками проиграны детали задания. Ранним июльским утром три десятка новеньких "яков" пристроились к самолетам-лидерам и взяли курс на запад.

Вскоре маршрут полета пошел по знакомым местам: над Харьковом, Десной, Днепром, над Уманью. Всю Украину пересекли мы с востока на запад за несколько летных часов. И даже отсюда, с высоты полета, было видно, как возрождается, обновляется земля. Все меньше и меньше в селах и деревнях видно черных обгорелых печных труб. На их местах белеют свежей побелкой новые хаты. А главное - оживают поля. Все реже встречаются необработанные участки. На быках, на коровах, а зачастую и на себе, вспахали люди освобожденную в прошлом году землю, засеяли ее, и радостно зеленеют сейчас поля моей родной Украины. Но не вся она пока освобождена от врага. В руках захватчиков Львовщина, Закарпатье. Там еще будут жестокие бои.

А пока я то и дело узнаю памятные трудными боями, победами и потерями места. Вот слева бывший фашистский аэродром. Здесь мы штурмовали на земле "юнкерсов", и над ним я сбил "раму"... Вот здесь, над этим селом, меня чуть не сбили.

Выручил Саша Коняев. А вот и аэродром, с которого пошел он в последний свой боевой вылет...

Ребята, которые сейчас летят за мной, и не подозревают, каким горячим было это небо несколько месяцев назад. Какой станет для них война? Желания драться у молодых летчиков много, горячи не в меру, неопытны. Конечно, сейчас не те жесткие времена, когда каждый летчик, каждый самолет у командира на счету и, чтобы хоть как-то помочь своим войскам, он поднимал в воздух все наличные силы. И обжигали ребята свои необлетанные крылья, падали, не успев набраться сил для борьбы... Нет, сейчас все будет по-другому. Они пойдут в бой только с опытными пилотами, и те, знающие, умелые, будут направлять и контролировать молодых... Мы научим их бить врага...

Через семь летных часов, совершив несколько посадок для заправки и короткого отдыха, наша группа прибыла на место. Встречал нас сам командир дивизии генерал Баранчук. Он побеседовал с каждым из молодых летчиков, расспросил нас о их подготовке и распределил но полкам. Мне очень хотелось, чтобы летчики Комаров и Турунов попали именно к нам. Но комдив направил их к Луганскому, в 152-й гвардейский. Я горячо посетовал на это. Генерал Баранчук лукаво посмотрел на меня:

- Что, хорошо летают ребята?

Я, чтобы не захваливать, ответил:

- Нормально, товарищ генерал!

Баранчук улыбнулся и, казалось, поддавшись моим уговорам, махнул рукой.

- Будешь ты с ними летать, не волнуйся... А пока спасибо за службу, пожал он нам с Иваном Корниенко руки. - Перелет дальний - организовали и провели без ЧП. Молодцы...

Лукавую улыбку генерала Баранчука я вспомнил через несколько дней, когда мне объявили приказ о переводе в соседний, 152-й гвардейский истребительный авиационный полк на должность заместителя командира полка летчика-инструктора по технике пилотирования. К этому времени наша дивизия, как и весь 1-й штурмовой авиационный корпус, в составе 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта оказалась на львовском направлении.

Утром 13 июля войска северного крыла фронта перешли в наступление на рава-русском направлении, а на следующий день с юга к Львову устремились войска генералов П. А. Курочкина и К. С. Москаленко. Условия для наступления в этом районе были очень сложные. Немецкое командование прикладывало все усилия, чтобы удержать Львов - важный стратегический опорный пункт. К 16 июля наши войска с большим трудом вклинились в

оборону противника на участке шириной не более шести и глубиной до восемнадцати километров. В этот прорыв командование ввело мощные танковые силы, благодаря чему фронт быстро продвинулся вперед на запад, к советско-польской границе.

Сандомир

Я прибыл к новому месту службы - в 152-й гвардейский истребительный авиационный полк в самый разгар наступления на львовском направлении, на третий его день.

Жаль было расставаться с боевыми товарищами, с которыми начал войну на Керченском полуострове, пережил горечь отступления. Они были моей опорой и поддержкой в трудное время. С их помощью обрел я новые крылья, в их боевом строю сражался в победных боях Курской битвы, над Украиной, Молдавией, Румынией.

Но облегчала переход мысль, что новый мой полк, его летчики были мне уже хорошо знакомы. С Курского сражения мы шли с ними крыло в крыло, участвовали в одних и тех же боях, часто базировались на одних и тех же аэродромах. 152-й гвардейский, так же как и наш полк, входил в состав истребительной авиационной дивизии генерала Баранчука.

Здесь летал мой довоенный сослуживец, ставший Героем Советского Союза, - капитан Николай Шутт. А штурманом полка был Герой Советского Союза Иван Корниенко, с которым мы подружились во время недавней поездки в тыл. Хорошо знал я и летчиков Евгения Меншутина, Николая Дунаева, Анатолия Федюнина, Гари Мерквиладзе, Виктора Усова. Хотя воевать они начали в разное время, все стали отличными воздушными бойцами. Заместителем командира полка по политической части был смелый пилот, грамотный политработник майор Иван Федорович Кузьмичев. Чем-то он напоминал мне нашего комиссара Василия Афанасьевича Меркушева. И так же, как и Меркушев, стал Героем Советского Союза.

О подвигах командира полка Сергея Даниловича Луганского я уже упоминал. Свой боевой путь он начал еще в финскую кампанию. Там молодой летчик отличился мужеством, мастерством. В одном из воздушных боев над Карельским перешейком Луганский был сбит над вражеской территорией. Во время прыжка с парашютом у него сорвало унты, и в сорокаградусный мороз, проявив огромное самообладание, силу воли, летчик сумел пройти сквозь вражеские заслоны и выбраться к своим.

Во время этой войны Сергей Данилович сражался под Ростовом, бил фашистов в небе Сталинграда, за что удостоился

звания Героя Советского Союза. Вторую Золотую Звезду ему недавно вручил командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев. Луганскому часто "везло" на встречи с фашистскими асами. В боях над Волгой он сбил нескольких летчиков с полным набором железных и прочих крестов. Месяца два назад уничтожил "мессера" с пиковым тузом на борту. А совсем недавно в трудном бою победил известного итальянского аса. Судя по найденным у погибшего летчика документам, это был именно тот Джибелли, о котором говорили, будто он с начала войны во Франции, в Польше и у нас сбил более пятидесяти самолетов.

Луганского тоже сбивали несколько раз, но вновь и вновь он возвращался в строй. За годы войны им было уничтожено в воздухе около четырех десятков вражеских машин.

Ранним июльским утром я разыскал нового своего командира на стоянке самолетов, готовых к вылету. Истребитель Луганского знали все - и мы, и фашисты. Кроме нескольких рядов звездочек на левом борту "яка" ярко выделялась надпись: "Герою Советского Союза Сергею Луганскому от комсомольцев и молодежи гор. Алма-Ата". Этот истребитель был построен на средства, собранные земляками Сергея Даниловича, и передан ему прямо на заводе делегацией города.

Майор Луганский готовился вести группу на сопровождение штурмовиков. Он выслушал мой доклад о прибытии, на мгновение задумался и... предложил идти с ним ведомым. Как и при встрече с комэском Степаном Карначом, с ходу - в бой.

Команда "По самолетам!" уже прозвучала. Я сунул в руки механика соседней восьмерки, на которую мне указал командир, чемоданчик, реглан, натянул себе на голову шлемофон. С огромным трудом втиснулся в лямки парашюта. Да, видно, бывший хозяин его был далеко не богатырь. В кабине пришлось сидеть согнувшись, а для моего позвоночника это не очень удобное положение.

Запущены моторы, я выруливаю за новым ведущим и взлетаю, строго соблюдая интервал и дистанцию. Сейчас ни малейшей ошибки! Знаю, что и Луганский посматривает на своего нового зама, и летчики не пропустят промаха. Но взлет - дело привычное. В каких только условиях не приходилось взлетать: и в снег, и в дождь, и с раскисших полос, и просто с луговин. Главное впереди - к машине еще не привык, не прочувствовал ее особенностей, а они ведь у каждого самолета есть. Да и лямки парашюта - будь они неладны! - жмут плечи, распрямиться не дают...

Но за линией фронта, в районе штурмовки, пришлось забыть

все постороннее. "Илы" уже начали бомбить отступающие танки за городом Красное, а нас атаковала группа ФВ-190. Заметили мы их, нужно прямо сказать, немного поздно, хотя первую атаку сумели расстроить. Завязался бой на вертикалях. Я - ведомый, поэтому ни на шаг от самолета Луганского. Все время смотрю за хвостом его истребителя. Командир энергично маневрирует для атаки ведущего "фоккеров". Замысел понятен: сбить ведущего - больше чем наполовину выиграть бой. И идет он на "фоккер" смело, можно сказать, напролом идет. Это хорошо, - значит, надеется на ведомого. Кручу головой во все стороны, для лучшей маневренности увеличил дистанцию.

Бой серьезный. Одна шестерка "фоккеров" навалилась на нашу ударную группу, а вторая - на группу непосредственного прикрытия, во главе которой Николай Шутт. У нас вторую пару ведет Евгений Меншутин. Он уже вплотную сошелся с "фоккерами". А мы с командиром свечой идем на ведущего. И в тот момент, когда от машины Луганского потянулись трассы, я увидел слева "фокке-вульф", который уже был готов его атаковать.

В голове пронеслось: "Вовремя я оттянулся назад". Позиция у меня очень удобная. Резко доворачиваю влево, и сетка прицела - точно на кабине истребителя противника. Очередь изо всех стволов. "Фоккер" вздыбился, остановился на мгновение, прервав свой стремительный бросок вверх, и медленно, будто нехотя свалившись на крыло, пошел к земле.

В то же время загорелся и ФВ-190, подбитый Луганским. В воздухе стало просторней. Пара Меншутина отогнала своих противников далеко в сторону. Они теперь "илам" не страшны.

Направляемся к своим. Еще раз смотрю вниз, на землю. На самой окраине Красного, над крышей дома, в который врезался самолет, крестом торчит хвостовое оперение "фокке-вульфа". Это тот самый самолет, который мне удалось сбить. Луганский смеется:

- Тут ему и могила, тут ему и крест!

"Илы" продолжают штурмовать танки. Возле них - самолеты группы непосредственного прикрытия. Они тоже справились со своей задачей. Фашистские истребители покинули поле боя. В нашей группе нет одного "яка". "Кого нет?" - тягостный и горький вопрос...

Упреждая его, кто-то произносит:

- Николай Шутт.

- Парашют был? - это уже суровый голос командира.

- Был...

Если раскрылся парашют, значит, летчик жив. Но что случится с ним дальше? Линия фронта рядом, однако кругом

отступающие немцы. Им сейчас не до пленных... Ах, Коля, Коля. И поздороваться с ним сегодня не пришлось...

Я никак не могу представить себе Николая Шутта мертвым. Вспоминаю похороны его однофамильца, замечательного летчика-штурмовика, погибшего на Керченском полуострове. А Николай стоит передо мной с веселыми глазами, лукавой улыбкой, как всегда, готовый снова выкинуть одну из очередных своих шуток.

Но тревога за него охватила нас всех. Луганский после вылета, разложив карту прямо на плоскости самолета, долго изучал место, где Шутт выбросился с парашютом: до наших наступающих частей - меньше десятка километров.

- Только бы немцы не засекли, не поймали. Спрятался бы где-нибудь до подхода наших, - озабоченно говорил Сергей Данилович окружившим его летчикам. - Так ведь не усидит. Характер! Кстати, он опять в тенниске полетел? - спросил Луганский механика самолета, на котором воевал Шутт.

- Так точно, товарищ майор, в тенниске.

Оказалось, что Николай в последние дни изобрел новую летную форму. Было необычайно жарко, и он поднимался в воздух без гимнастерки, в легонькой гражданской рубашке с короткими рукавами, украшенной легкомысленным рисунком: сердце, пронзенное стрелой.

Луганский, услышав ответ механика, невольно улыбнулся.

- Я же запретил ему нарушать форму одежды. А впрочем, может, и к лучшему. Парашют, шлемофон спрячет - и гражданский человек. Легче будет пройти... Ну, не вешать носы, - обвел он взглядом собравшихся. - Будем надеяться... Нам с вами дальше воевать. Представляю, товарищи, нового заместителя командира полка по летной подготовке, гвардии майора Шевчука Василия Михайловича. Рассказывать о нем нечего - сами давно знаете. А кто сегодня летал - видел его в деле. Отлично свалил "фоккера".

Луганский пожал мне руку:

- Будем считать, что вступление в должность состоялось, Василий Михайлович. Поздравляю с открытием боевого счета в нашем полку и спасибо за "фошку", который хотел меня подстрелить. Механику прикажи нарисовать на своей новой машине все звездочки, которые заработал. Сколько, кстати, с сегодняшней?

- Двенадцать.

- Ну вот, скоро еще один Герой в нашем полку будет...

Весь этот день мы летали на прикрытие штурмовиков, и ни на минуту не покидало нас беспокойство за судьбу Николая

Шутта. Подходя к линии фронта, видели огромные скопления наших танков, которые шли и шли на запад. В последнем вылете, перед самым заходом солнца, заметили, что бои идут уже на улицах городка Красное, который узнать теперь можно было без карты: на его окраине издалека виднелся крест - хвостовое оперение фашистского самолета. Летчики шутили: "Майор Шевчук характерный ориентир поставил. Не заблудишься".

Вечером, находясь под впечатлением событий дня, я никак не мог заснуть. Итак, началась служба на новом месте: выполнил несколько боевых вылетов, сбил самолет противника. Командир полка, летчики отнеслись ко мне дружелюбно. Что греха таить, пришлют, бывает, вот такого "варяга" со стороны на руководящую должность, а люди считают, что у них и свои кандидаты на выдвижение есть. Но меня приняли хорошо. А вот Коля Шутт с задания, не вернулся. Какой летчик!.. Вспомнил, как в полку Дзусова, еще до войны, на аэродроме висел большой плакат: "Товарищи летчики! Учитесь стрелять так, как стреляет звено лейтенанта Н. Шутта!" Да, с ним состязаться было трудно.

Вспомнил я и весну сорок второго года, Керченский полуостров. Николай Шутт воевал тогда в соседнем полку. Летали они на И-16, "ишачках", вооруженных кроме пулеметов неуправляемыми реактивными снарядами - эрэсами.

Однажды я патрулировал над передовыми позициями наземных войск. Подходя к береговой черте, увидел, что пара "ишачков" почти над самым морем ведет воздушный бой с двумя "мессерами". Решил подойти поближе - вдруг понадобится помощь. И тут на моих глазах из-под плоскости одного И-16 рванулся, отмечая путь дымом трассера, реактивный снаряд. Через несколько мгновений стремительного полета он взорвался, и оба фашистских истребителя, изрешеченные осколками мощного боевого заряда, разбросало взрывной волной.

Я поразился точности боевого пуска И-16. Эрэсы, как правило, использовались для штурмовых ударов по земле. В воздушном бою применяли их редко и только по большим группам самолетов, так как попасть в одиночную цель неуправляемым снарядом довольно сложно. Нужно очень точно рассчитать не только упреждение, но и дальность пуска. Эрэсы разрывались на определенном, заранее установленном удалении от самолета-носителя. И это был блестящий удар как по мастерству исполнения, так и по результатам. Нанес его летчик-истребитель Николай Шутт.

Сколько подобных боев провел он с начала войны! Никогда не унывающий, мастер на всевозможные проделки, организатор веселых розыгрышей на земле, в воздухе Николай Шутт был

настоящим бойцом - смелым, решительным, находчивым. Вспомнилось сражение на Курской дуге, где Николай попал однажды в серьезную переделку. Он возвращался с разведки, во время которой ему пришлось вести бой с истребителями противника. Зная о необходимости разведданных, Николай ушел от фашистов, но над передним краем его встретили еще три "мессершмитта".

За этим боем наблюдал командующий воздушной армией С. А. Красовский. Его и находившихся на пункте управления офицеров поразило, что наш "як", несмотря на атаку фашистских истребителей, шел спокойно. "Вот один из противников, - напишет потом в книге воспоминаний "Жизнь в авиации" командарм С. А. Красовский, - бросился в атаку, но в тот момент, когда должен был прогреметь пушечный залп, командир "ястребка" убрал скорость, выпустил тормозные щитки, и немец пронесся мимо. А когда вражеский самолет оказался чуть впереди, советский летчик снова дал газ, довернул машину и первой же очередью зажег противника.

Мы с восторгом следили за боем, в процессе которого наш летчик то искусно уходил от огня двух "мессершмиттов", то сам атаковал их. Наконец, когда, видимо, кончились боеприпасы, немцы повернули на запад, а "ястребок" пошел своим курсом".

"Я приказал, - пишет далее С. А. Красовский, - выяснить, кто дрался в воздухе. Через несколько минут мне доложили: "Николай Шутт, летчик-истребитель из дивизии генерала Баранчука". Николай Шутт? И я вспомнил разговор, происходивший несколько дней назад с заместителем по политчасти С. Н. Ромазановым, прибывшим из дивизии К. Г. Баранчука. Он рассказывал о подвигах летчика-истребителя Николая Шутта и о том, что этот старший лейтенант по каким-то причинам не имеет боевых наград..."

Причина, видимо, была одна - бесконечные мальчишеские проказы Николая да лихость, которую он порой допускал в воздухе без необходимости. Однако за этот бой Николай Шутт был награжден орденом Красного Знамени, а вскоре последовали и другие награды.

И вот сегодня Герой Советского Союза Николай Шутт записал на свой счет восемнадцатый самолет врага, но на аэродром не вернулся...

"Нужно, чтобы как можно больше летчиков в полку переняли опыт Николая, особенно молодежь", - думал я. Лейтенанты Турунов, Комаров, их товарищи совсем еще не обстрелянные пилоты. С ними необходимо заняться основательно, быстрее вводить в строй. Бои предстоят тяжелые. По последним разведданным, в полосе наступления нашего 1-го Украинского и соседнего 1-го Белорусского фронтов противник сосредоточивает большие силы авиации, равно как и наземных войск. Это естественно. Даже при первом, самом беглом взгляде на карту видно, что оба фронта нацелены через Польшу в центр Германии.

Надо спать. Завтра в бой - уже ведущим группы прикрытия.

Утром Луганский был злой. Оказалось, что позвонил командир дивизии и приказал ему "посидеть" на земле.

- Летчик я или кто?.. - сетовал он, ставя мне новую задачу: - Пойдешь, Василий Михайлович, командиром всей группы. Далеко от штурмовиков не уходи. Ведомым у тебя - мой замполит. Не пожалеешь: Кузьмичев - летчик что надо...

Махнув обреченно рукой, Луганский пошел к штабу, бросив на прощанье:

- Поглядывай там. Может, Колю увидишь... Подойдя к своему новому самолету с цифрой восемь на борту, я приятно удивился. На нем в два ряда аккуратно были выведены белой краской звездочки. Улыбающийся механик четко доложил о готовности истребителя. Познакомился я со старшиной Анатолием Нелепой еще вчера. Понравился он мне сразу: но всему видно, что машину знает хорошо, следит за ней, дисциплинированный. Поблагодарил я его за внеурочную работу.

Вскоре наша группа была в воздухе. На этот раз отличился ведущий группы непосредственного прикрытия Евгений Меншутин. Он вовремя заметил пару "мессеров", пытавшихся незаметно, снизу, подойти к нашим "илам", и с ходу сбил одного из них. Штурмовики отработали нормально.

Возвращаясь домой, я обратил внимание, что хлебное поле, в районе которого должен был опуститься на парашюте Николай Шутт, - уже наша территория. Может быть, на аэродроме что-нибудь уже известно о нем? Но Луганский только огорченно развел руками:

- Послал запрос наземным войскам. Может, и узнаем скоро.

Буквально в эти же минуты на противоположной стороне аэродрома показался наш танк. Он на большой скорости, оглушительно рыча мотором, проскочил через летное поле, чем вызвал ярость командира, подлетел к машине со стартовой радиостанцией, лихо развернулся и как вкопанный встал, подняв клубы пыли.

Осела пыль, медленно поднялась крышка башенного люка и... Никого. Ждем. Наконец, словно при замедленной съемке, из люка показалась голова. Лицо грязное, пропыленное до неузнаваемости. И только когда следом появилась такая же грязная, но всем хорошо знакомая тенниска - гул восторга прокатился над аэродромом. В нем была и несказанная радость, и смех, и удивление, и восхищение - из танка вылезал Николай Шутт. Луганский, безудержно хохоча, кричал ликующе, исступленно:

- Ну я ему сейчас! Я его... Нет, ей-богу, посажу!

А Николай картинно, словно монумент, застыл на постаменте-танке. Его стащили за ноги, начали обнимать, подбрасывать в воздух...

Рассказ Николая о собственных злоключениях был приправлен соответствующей долей юмора и иронии. Пересказать по-шуттовски эту историю невозможно, а смысл ее заключался в том, что, приземлившись в пшеничном поле, Николай сумел избежать встречи с отступающими наземными частями фашистов.

- Искать им меня было некогда, - пояснил он, - их наши товарищи по оружию в хвост и в гриву гнали. - Шутт показал на танкистов. - Они меня и выручили... с доставкой на дом.

Николаю в это время механик принес форменную гимнастерку, и он, не отказав себе в удовольствии покрасоваться перед танкистами, не умываясь, надел ее. Заблестели на солнце ордена. Молоденький сержант-танкист с восторгом смотрел на Золотую Звезду Героя Советского Союза...

Как оказалось, Николай ни словом не обмолвился, что он

заслуженный воздушный боец.

Несколько дней полк жил счастливым возвращением Николая Шутта. Впрочем, радость наша в эти дни была вызнана не только событиями местного масштаба. Ежедневно радио и газеты приносили все новые сообщения о наших победах. Одним из примечательных событий июля 1944 года было сообщение о том, что по столице нашей Родины Москве прошли десятки тысяч пленных солдат, офицеров и генералов гитлеровской армии. Это был акт огромной пропагандистской силы как для нас, советских людей, и наших союзников, так и для врагов. Они рвались в Москву - они попали в Москву...

А в это время весь мир прислушивался к известиям о наступлении советских войск в Белоруссии, Прибалтике. Освобождены Пинск, Гродно, Паневежис, Люблин, Нарва. Названия этих и сотен других крупных населенных пунктов ежедневно перечислялись в сводках Совинформбюро, в приказах Верховного Главнокомандующего. Отличился и наш 1-й Украинский фронт. Несмотря на яростное сопротивление противника в районе Львов, Рава-Русская, постоянный ввод свежих резервов позволял советским танковым и мотострелковым соединениям неудержимо идти вперед, к советско-польской границе. Передовые части достигли ее уже 17 июля, на третий день наступления.

Мы делали по нескольку вылетов в день. Один-два обязательно массированные. Генерал В. Г. Рязанов, чаще всего находившийся в передовых колоннах танков П. С. Рыбалко, старался наносить силами своего корпуса, как он сам говорил, "удары кулаком". Такие налеты требовали четкой организации, тщательной подготовки, но зато и потери у немцев были немалые. Кроме того, фашистская авиация, в том числе и истребительная, редко рисковала подойти близко к такой массе наших самолетов. Больше досаждали нам в этот период зенитные средства гитлеровцев. Их "эрликоны", которые сопровождали почти каждую группу танков, нередко оставляли следы в плоскостях наших самолетов.

Однако и с "эрликонами" удавалось справляться. Если раньше для подавления зенитных средств выделяли специальные группы, то теперь штурмовики, действующие солидными по количеству самолетов силами, все чаще применяли большой замкнутый круг, вытянутый в сторону наших войск. Зенитные средства подавлялись любой частью группы. Каждый летчик, следуя за своим товарищем, засекал впереди огонь зенитных средств и без дополнительной команды атаковал их позиции. Для увеличения времени пребывания над целью круг "илов" иногда вытягивался

не в сторону наших войск, а вдоль фронта. Словом, штурмовики постоянно обогащали разнообразными приемами свой тактический арсенал. Для сопровождения же их в любом полете сейчас выделялось достаточное количество истребителей.

Поневоле вспоминался сорок второй год. Идут за линию фронта "горбатые", "журавушки". Жмутся друг к другу. И хорошо, если их сопровождает хотя бы пара истребителей. Часто они летали без прикрытия. И редкий вылет обходился без потерь. А сейчас (начиная с Курской дуги) мы воюем все с теми же летчиками: Бегельдиновым, Девятьяровым, Степановым, Одинцовым. Они уже настоящие асы, лучшие в армии "воздушные охотники", мастера ударов по переправам, точечным и малоразмерным целям. Если уж зашли на танковую колонну, можно быть уверенным - бомбы мимо цели не упадут. Если наносят удар эрэсами по артиллерийским позициям - вспашут их так, что ничего живого не останется. Начнут хлестать пушечно-пулеметными очередями по передовой: окопам, траншеям - не спасет врага и земля, как бы глубоко он в нее ни зарылся. Восхищались работой штурмовиков и благодарили их танкисты генерала Рыбалко. А сами штурмовики говорили спасибо нам, истребителям. И делали мы все одно святое дело - били ненавистного врага. В конце июля мы били его уже на территории Польши. К этому времени был освобожден Львов, уничтожена крупная группировка под Бродами. Войска широким фронтом вышли к Висле.

Запомнилось 29 июля. Штурмовики получили задачу обработать позиции на западном берегу реки. Для их прикрытия выделены большие силы истребительной авиации. Несколько раз появлялись в воздухе немецкие самолеты, но держались на почтительном расстоянии - лезть с нами в драку не рисковали. А на втором вылете мы прикрывали переправляющиеся части. Нужно сказать, что форсирование реки началось с такого молниеносного броска, что по волнам Вислы одновременно плыли лодки, плоты, паромы и наших войск, и отступающих фашистских.

Инженерные войска тут же под артиллерийским огнем начали наводить переправы, монтировать большегрузные паромы. Истребительная авиация, прикрывавшая переправу, днем не подпускала бомбардировщиков противника к реке. Зато ночью фашисты бомбили без перерыва, конечно, не прицельно, как это можно делать в дневное время, однако неприятностей бомбежки доставляли много. Дело в том, что на небольшом участке реки, от ее притока Вислоки до городка Тарнобжег - расстояние это около тридцати километров, - наши саперные части наводили

одновременно более двадцати опорных большой грузоподъемности мостов. Кроме этого, в десятках мест оборудовались паромные переправы.

Днем мы даже с высоты полета видели разрушения, нанесенные фашистами ночью: разбитые, только вчера проложенные пролеты мостов, обрушившиеся опоры, затонувшие паромы. Но саперы днем и ночью, под огнем и бомбежками успевали восстанавливать разрушенное и прокладывали путь через широкую реку дальше. А сделать это было весьма сложно, так как наше командование бросало на плацдарм за Вислой большие танковые силы. А такую махину, как танк, на лодке или плоту не переправишь.

Но маленький плацдарм напротив города Баранува, захваченный в течение нескольких часов, дал возможность нашим войскам наступать дальше, вести борьбу за его увеличение. Одновременно наземные части расширяли фронт прорыва к Висле: слева они наступали в район Мелец, справа - на север, в направлении Сандомира.

Польские трудящиеся радостно встречали своих освободителей - советских воинов. Они помогали нам чем могли: строили дороги, аэродромы, выхаживали раненых. При форсировании Вислы в районе Баранува польские крестьяне, например, вместе с нашими войсками строили плоты, собирали в окрестных деревнях лодки, наводили переправы через реку.

Дружеское расположение поляков мы хорошо знали. Было немало случаев, когда летчиков, покинувших с парашютом подбитые самолеты, поляки прятали от фашистов, оказывали всяческую помощь, переправляли через линию фронта.

В этот период войны, когда Красная Армия начала освобождение народов Европы, во всю силу проявился могучий интернационализм трудящихся. Советские воины делали все возможное для скорейшего освобождения Польши от фашистского ига. Я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то из наших солдат, летчиков хотя бы намеком выразил мысль об окончании войны, поскольку с советской земли враг изгнан. Да, каждый из нас стремился к миру, но никто не мыслил его раньше, чем будут освобождены от нацизма все порабощенные народы, в том числе и немецкий.

Борьба за освобождение Польши продолжалась, и одним из ее решающих участков были бои на сандомирском плацдарме. Фашистское командование хорошо понимало, что, если советские войска укрепятся на плацдарме, тем более расширят его, это позволит ввести на западный берег Вислы большие силы, поможет форсировать реку на остальном ее протяжении. На

помощь группе армий "Северная Украина" были брошены все имеющиеся у врага силы. Сюда подходили танковые дивизии, выделенные из группы армий "Южная Украина", собранные последними мобилизациями резервы из Германии. С западного фронта переброска войск прекратилась. В июне наши союзники наконец начали высадку войск во Франции. Долгожданный, но весьма и весьма запоздавший второй фронт открылся. Но даже и сейчас почти вся новая боевая техника, выпускаемая промышленностью Германии и ее союзников, направлялась на восточный фронт, то есть против Красной Армии.

Эту технику мы встречали в воздухе, в боях с модернизированными "мессершмиттами" и "фокке-вульфами". Мы видели ее и на земле во время воздушных разведок. Так, в районе населенного пункта Хмельник, что расположен за Вислой километрах в пятидесяти западнее Сандомира, мы обнаружили скопление танков. Оказалось, что это были прибывшие прямо с заводов "королевские тигры". Уже не просто "тигры", как на Курской дуге, а "королевские".

Но хотя "шкура" у этих "зверей" и была прочной, они не выдерживали огневых ударов наших штурмовиков, бомбардировок, атак реактивными снарядами. И так же, как на Курской дуге, борьба с танками стала основной задачей нашего корпуса, так как противник именно \ своими танковыми дивизиями старался уничтожить советские войска на плацдарме и предпринял решительное ; контрнаступление из района Мелец на север, к Сандомиру.

Положение было сложным: в районе переправ в бой вступили не только боевые части танковых и общевойсковых армий, но и саперы, понтонеры инженерных батальонов. Несколько дней они отражали яростные атаки и выстояли.

Генерал Рязанов, который, как всегда, находился на переднем крае, требовал от командиров дивизий и полков увеличить количество вылетов, сократив сроки подготовки самолетов и летчиков. Работы хватало всем, несмотря на то что в этом районе действовали основные силы авиации 2-й воздушной армии. Кроме нашего здесь находилось еще несколько авиационных корпусов, и здесь же вела бои по очистке воздуха, по прикрытию наземных войск истребительная авиационная дивизия, которой командовал известный летчик Александр Иванович Покрышкин. В воздухе часто был слышен его позывной: "Я - сотый, я - сотый!"

Наше командование старалось как можно больше истребителей держать в воздухе. Если несколько летчиков из полка, к примеру, не шли на сопровождение штурмовиков, из них создавались группы для прикрытия наземных войск или для

"свободной охоты" над передним краем и дальше, над территорией противника.

Особенно любил "свободную охоту" наш командир, майор Луганский. При первой же возможности, несмотря на наложенные на него ограничения в полетах, он стремился подняться в воздух "поохотиться". И надо сказать, получалось у него это здорово. Любой летчик полка считал за честь пойти с командиром в паре на подобное задание. Помню, даже такие "старики", как Герои Советского Союза Евгений Меншутин и Иван Корниенко, однажды чуть не поссорились из-за права слетать на "свободную охоту". Не без помощи замполита и самого командира порешили на том, что сегодня пойдет один, в следующий раз другой.

У "охотников" есть большое преимущество перед летчиками, которые имеют конкретное задание. Обычно только парой они проходят линию фронта на большой высоте, потом снижаются и прочесывают тылы противника. Ищут штабные самолеты, отдельно летящие бомбардировщики, истребители. На земле целями для них служат легковые машины, эшелоны, колонны с боеприпасами. Часто такие пары незамеченными подлетали к уже известному аэродрому противника и били вражеские самолеты на взлете или посадке. Занятие, как говорил сам Луганский, не очень опасное, но продуктивное. Однако в любом полете они могли встретиться и с вражескими истребителями, причем с превосходящими силами. "Охотников" выручали опыт, мужество, мастерство.

Так случилось и на этот раз. Луганский с Меншутиным (а выбор сегодня пал на него) шли уже над лесом, за которым находился аэродром истребителей. И тут показалась пара "мессершмиттов". Судя по всему, тоже "охотники". Легкой добычи, понятно, не будет. Тем более что Луганский разглядел при сближении на "мессерах" выкрашенные красной краской коки винтов. На таких самолетах, как нам было известно, летают какие-то прибывшие из Италии асы. Мы их прозвали за это "пожарниками".

Затяжной бой не в интересах наших летчиков. Территория вражеская, в любое время может подойти помощь, да и нужно помнить о горючем. Но Сергей Данилович на выдумки горазд. Он пикирует вниз, в легкие облака. Меншутин за ним. Фашисты, думая, что советская пара боя не принимает и уходит, прячась в облаках, тоже пикируют. В облаках ничего не видно, "пожарники" намереваются перехватить наши истребители внизу. Ждут, когда покажутся "яки". Но Луганский, а за ним и Меншутин боевым разворотом снова набирают высоту и, оказавшись у немцев сзади, идут на пикировании в атаку. Пока фашистские летчики поняли

свой просчет, было поздно. Меншутин с первого захода сбил ведомого. У Евгения, если уж он вышел в атаку на противника, обычно промахов не случается. Но "мессер", явно пробитый несколькими очередями Луганского, почему-то продолжал лететь. Сергей Данилович потом признался:

- Честно говоря, я уже начал теряться. Бью в упор, а он как заговоренный летит и летит. Только после третьей или четвертой очереди заметил, что летит-то неуверенно, "хромает". Пошел помаленьку вниз. Мы с Женей на всякий случай его сопровождаем: не хитрит ли? Изображает из себя подбитого, а потом у самой земли - фьють, и нет его... Ни дыма, ни огня... врезался-таки в землю, но не взорвался, гад. Мы еще походили, чтобы пилота не упустить. А потом разглядели, его ударом выбросило из кабины. Мертвый... А вот почему самолет все-таки не взорвался, непонятно. Наверняка я и в баки попадал, прежде чем летчика убить. А самолет цел...

Разгадали мы коварную загадку позднее, когда наши войска освободили этот район. Оказалось, что для своих асов немцы начали выпускать самолеты с особыми бензобаками. Изнутри они имели толстую прокладку из сырой резины, которая при попадании пули затягивала отверстие. А на этом самолете баки были еще и обтянуты лосевой кожей, намного увеличивающей их прочность и предохраняющей от возникновения огня. Хитро придумано. Впрочем, ни эти, ни другие всевозможные ухищрения не спасали фашистские "мессеры" и "фоккеры". Конструктор Яковлев постоянно улучшал качество наших самолетов, в том числе и их вооружение. От снарядов 37-миллиметровых скорострельных пушек, поставленных на наш истребитель, ничто не могло защитить. Но сам факт еще раз подтверждал: против нас немецко-фашистское командование бросало все лучшее и новое, что еще могло получить и собрать.

Вскоре после этого боя Сергея Даниловича Луганского вызвали в Москву. Зачем - мы не могли догадаться.

А на меня свалилась большая ответственность: выполнять обязанности командира полка. Откровенно говоря, я волновался: боевая обстановка напряженная, а заместителем я побыл всего пару недель.

Но вскоре совместными усилиями танковых, мотострелковых, механизированных войск, авиации, артиллерии, которая блестяще показала себя в этих боях, была ликвидирована группировка противника. Через две недели упорных боев наши войска, отбив всё контратаки врага на плацдарм за Вислой, отбросили противника километров на пятьдесят вглубь, расширили плацдарм на западном берегу Вислы до ста двадцати

километров по фронту и овладели в ходе этих боев городом Сандомир, именем которого был назван знаменитый плацдарм.

Вечером Москва от имени Родины, как писалось в приказах Верховного Главнокомандующего, салютовала "доблестным войскам 1-го Украинского фронта, форсировавшим реку Вислу и овладевшим Сандомирский плацдармом". В большом списке отмеченных офицеров и генералов были фамилии командира 1-го корпуса генерал-лейтенанта авиации Рязанова и командира нашей истребительной авиационной дивизии генерал-майора авиации Баранчука. Отмечались также наши соседи - летчики полковника Покрышкина.

Однако этот приказ услышать по радио не удалось. Его содержание пересказал мне ночью генерал Баранчук по телефону.

18 августа полку приказали перебазироваться на новый аэродром - он находился в десяти километрах от Вислы, и это давало нам возможность вести активные боевые действия как по прикрытию войск, сражающихся на сандомирском плацдарме, так и сопровождать "илы" на штурмовку объектов тактического тыла противника.

Под самый вечер мы приземлились на новый аэродром. Батальон аэродромного обслуживания потрудился на славу. Бойцы привели в порядок не только летное поле и стоянки, но и столовую, жилые помещения, здание штаба. Давно мы не располагались с таким комфортом. Правда, и аэродром был солидных масштабов. Как позднее выяснилось, он обеспечивал находившийся рядом крупный авиационный завод, выпускающий бомбардировщики.

Солнце уже заходило. Летчики помогали техникам и механикам маскировать в капонирах самолеты. В это время с юго-запада донесся надрывный гул. Он непрерывно нарастал, стало ясно, что идет большая группа самолетов. Вскоре они показались: три колонны по 18-20 бомбардировщиков Хе-111 и Ю-88 летели западнее нашего аэродрома вдоль Вислы на север, в сторону переправ и сандомирского плацдарма.

Замысел и цель противника предельно ясны. Что делать? Смеркалось. Ночной старт на аэродроме не оборудован. Да и летчики наши ночной подготовки не имеют. Если кто и летал раньше, то давно все навыки утратил.

Впервые в жизни я встал перед таким тяжелым и ответственным выбором. Послать самолеты на перехват - значит рисковать летчиками и машинами при ночной посадке. Не послать - гитлеровские бомбардировщики натворят беды. И решение нужно принимать самому, потому что пока свяжешься со штабом дивизии, уйдет драгоценное время и наши истребители

уже ничего не успеют сделать. Ведь бомбардировщикам до цели лететь какой-то десяток минут.

Колебания длились недолго. Да, за годы войны мы научились полностью подчиняться главному делу этого сурового времени и решать проблемы, исходя из интересов борьбы с противником. Летчики уже сами поняли серьезность момента и приказали механикам расчехлять в готовить самолеты. К вылету готовы были даже молодые пилоты, что невольно вызвало улыбку: "А вы-то куда, ребятки?"

Я быстро назвал фамилии:

- Корниенко, Меншутин, Марквиладзе, Шутт, Усов, Полянский!.. На взлет!

Я поднял в воздух восемь человек - самых опытных и умелых летчиков. Как ни хотелось мне лететь самому, понимал, что принимать самолеты на земле дело не менее сложное и ответственное, чем участие в бою.

Как только истребители взлетели и с набором высоты пошли с упреждением в сторону группы бомбардировщиков, я занялся подготовкой посадки. Приказал собрать все фонари "летучая мышь", приготовить на всякий случай материал для костров, вызвал санитарную и пожарные машины. Сам выбирал на полосе место для установки фонарей...

А там, на севере, уже разгорелся бой. Большие силуэты бомбардировщиков хорошо были видны на фоне еще светлого неба. Истребители вышли на них снизу и открыли огонь. После первого же захода один из "хейнкелей" пошел вниз, строй начал ломаться. Это уже важно - прицельного бомбометания не получится, если даже самолеты противника долетят до цели.

Но этого не произошло. На помощь моим пилотам примчалась еще группа истребителей. Я вернулся к радиостанции: в эфире - голос Покрышкина. Он выводил к району боя еще одну группу. Через несколько минут наступила развязка. Пять-шесть бомбардировщиков было уничтожено, остальные, нарушив боевые порядки, развернулись на запад и со снижением, бросая бомбы где попало, огрызаясь огнем хвостовых установок, заспешили восвояси.

Главная задача выполнена - противник до цели не дошел. Для меня же настали тревожные минуты: "Как-то сядут мои герои?.." Проехал еще раз по аэродрому, фонари светились тусклым огнем: "Пару бы зенитных прожекторов сюда, да где их взять?"

Шофер нашей полковой "эмки", ехавший все время с потушенными фарами, пользуясь только подфарниками, перед каким-то препятствием на мгновение включил свет. Стоп! Не прожектор, конечно, но все же. Я быстро установил машину в

начале аэродрома сбоку так, чтобы свет фар подсвечивал то место, где обычно лежит посадочное "Т". Приказав шоферу по моему сигналу включать фары, сам бегом помчался к радиостанции. Самолеты уже подходили к аэродрому.

- Ребята, спокойно. Смотрите фонари. При посадке включаю фары автомобиля и подсвечиваю ракетами, - передал по радио и выяснил, кто идет первым.

На посадку заходил Меншутин. Он уверенно, словно постоянно летал ночью, подошел в створ огней фонарей и подвел самолет к полосе. Я мигнул фонариком. Шофер, рядовой Петр Сербин, парень толковый, мгновенно включил фары автомашины. Истребитель Меншутина выскользнул из темноты и плавно приземлился.

Таким же образом, может быть, менее уверенно, но вполне нормально сели и остальные. Страхи и переживания мои остались позади. Летчики доложили, что Николай Шутт, Иван Корниенко и Евгений Меншутин сбили по одному бомбардировщику. В это время установили связь с дивизией. Я доложил генералу Баранчуку о последних событиях. Он помолчал, громко дыша в трубку, и переспросил:

- И все, говоришь, нормально? Все сели?

- Так точно, товарищ генерал!

Комдив довольно хмыкнул прями в трубку:

- Ну и ну! Молодцы! А бой я сам видел отсюда. Твои точно троих свалили. Давай-ка, хотя командира и нет, представляй их к орденам, к Красной Звезде... Да, и поздравь людей - Сандомир полностью наш. Великое дело сделали!

Только к двенадцати ночи мы попали наконец в столовую. Я передал слова Баранчука о взятии Сандомира, поздравил сегодняшних именинников, перед каждым из которых стояли "победные" сто граммов. Летчики громко крикнули "ура", но их возглас перекрыл грохот взрыва. Помещение столовой тряхануло, двери, ведущие в кухню, сорвало с петель и швырнуло прямо на стол. Все вскочили и бросились к выходу. Здания кухни как не бывало. Обрушившиеся стены, балки перекрытия похоронили под собой двух поваров и официантку.

Невдалеке снова раздались взрывы. Тут же несколько снарядов разорвались на аэродроме. Разрывы были мощные, поднимали в воздух огромную массу земли откуда-то били орудия большого калибра. Я приказал летчикам укрыться в специально отрытых щелях, а сам с подъехавшим командиром БАО отправился осматривать разрушения на аэродроме.

Я созвонился с командиром дивизии, он приказал с рассветом организовать перелет.

- Посмотри по карте, найди что-нибудь подходящее километрах в десяти и отправь туда БАО. Пусть к утру подготовят площадку. Вот, черти, - выругался Баранчук непопятно в чей адрес, - не сообразили, а ведь этот аэродром они наверняка пристреляли, потому и не разрушили ничего. Откуда бьют, не знаешь?

- Разве ночью разберешь, товарищ генерал?

- Это понятно. Так вот, - голос Баранчука звучал удовлетворенно, - нашу дивизию персонально отмечают за Сандомир. Понял, Шевчук?

Конечно, известие приятное. Хорошо, когда в приказе отмечают нашу воздушную армию, еще лучше, когда упоминается корпус, А когда называют дивизию, это можно считать, что каждый человек в ее полках отличился.

Кое-как устроив летный состав ночевать в палатках подальше от взлетной полосы, я занялся с командиром БАО поиском нового аэродрома и организацией его оборудования. Вернулся в штаб только перед рассветом, застав там начальника штаба майора Устинова. Александр Васильевич собирал штабные документы, карты, которые успел приготовить еще вечером к работе. Я попросил его разбудить меня минут через двадцать - устал невыносимо. Тяжелый, в несколько боевых вылетов был день, а еще тяжелее тревожная хлопотная ночь...

Меня разбудил грохот взрыва. Со стен сыпалась штукатурка, стекла выбиты из рам. Я выбежал в коридор. Противоположная половина здания штаба была разрушена. Среди обломков стен, балок, клубящейся пыли в предутренних сумерках разглядел лежащего бойца. Это был сержант, который стоял часовым у Знамени полка. Голова и рукав гимнастерки окровавлены. Здоровой рукой он прижал к себе полотнище Знамени.

Сержант, узнав меня, прошептал:

- Знамя, товарищ майор, знамя... - и потерял сознание.

Я осторожно взял у него знамя и, подхватив под мышки, вытащил бойца на улицу. На свежем воздухе сержант пришел в себя на короткое время и беспокойно спросил:

- Знамя, где знамя?..

Показал ему полотнище, и он, успокоившись, прикрыл глаза. Передав сержанта подбежавшим бойцам, пробрался в здание, в комнату начальника штаба. Александр Васильевич сидел на полу.

- Ноги, Василий Михайлович, ноги побило, - спокойно, словно это относилось не к нему, проговорил начальник штаба. - Ты то жив, слава богу. Я первый взрыв услышал, хотел выскочить на улицу. А тут второй раз жахнуло. Прямо в штаб и мне осколками в ноги, - он пытался подняться.

- Ты лежи лучше, Александр Васильевич, лежи. Сейчас я из санчасти кого-нибудь вызову.

Рядом опять взорвался снаряд. Обстрел продолжался. Не без труда взвалил грузного начальника штаба на спилу, тот обхватил мне шею. Придерживая его одной рукой (второй я держал знамя), направился к выходу.

...Разрывов больше не было. Отправив начальника штаба и часового в палатку санчасти, я попробовал связаться с командиром дивизии. К счастью, телефон работал. Меня быстро соединили с генералом. Баранчук, видимо, спал прямо в штабе. Доложил ему о новом ЧП. Первый вопрос комдива - о Знамени полка. Я коротко рассказал о часовом.

- К награде, если он даже умрет... Тем более к награде, если погиб. За ним и начальником штаба высылаю санитарный самолет... Поднимай полк в воздух и перелетай. Как с новой площадкой?

Я доложил, что командир БАО со своими бойцами отправились оборудовать посадочную полосу возле небольшой деревеньки, и добавил:

- Только времени мало, товарищ генерал. Да к тому же еще ночь. Успеют ли?

- Успеют, не успеют, а отсюда вам нужно выбираться. Днем там кроме артиллерии и авиация накрыть может. Поднимай, Шевчук, полк... Не забудь в этой заварухе сержанта к награде представить.

К счастью, часовой, стоявший у знамени, несмотря на тяжелое ранение, остался жив. Самолетом их с начальником штаба доставили в авиационный госпиталь. Там врачи спасли ему жизнь. В госпитале он и получил награду за свой подвиг. К сожалению, не запомнилась мне его фамилия. Твердо помню, что был этот сержант родом из Армении.

...Я объехал полосу. Большинство бойцов батальона уехали оборудовать для нас новый аэродром, здесь осталось всего несколько человек, но они всю ночь проработали и аккуратно засыпали воронки. Перелетели мы нормально и уже через тридцать - сорок минут начали боевую работу с нового аэродрома.

Нужно отдать должное личному составу БАО. Буквально за несколько ночных часов они не только подготовили площадку для взлета и посадки самолетов, но и сумели подвезти сюда в достаточном количестве горючее, боеприпасы, маскировочные средства, устроили сносное жилье для летчиков, оборудовали столовую.

Необходимо отметить, что на всем протяжении Львовско-

Сандомирской операции мы ни в чем не ощущали недостатка, хотя бои продолжались уже второй месяц. Даже трудно представить, какой объем работы выполняли наши тыловые части и подразделения. Сколько одного горючего понадобилось для танковых армий, авиационных корпусов, огромной массы автомобилей! Органы снабжения работали безупречно во всех звеньях. Как бы быстро ни шли вперед войска, как бы часто ни меняли мы аэродромы - боевые действия сполна обеспечивались всем необходимым.

Несколько дней мы летали с этого маленького "самодельного" аэродромчика. К Сандомиру подтянули зенитную артиллерию, добавили истребительной авиации, и фашистские самолеты все реже совершали налеты.

Несколько раз по приказанию генерала Баранчука я летал на разведку, на поиски артиллерийской позиции, с которой обстреливали аэродром Мелец. Ходил на юг, в направлении Тарнува, и за Вислу тоже. Искал ее в населенных пунктах и рядом с ними, искал по лесам, но все безуспешно. Однако обстрелы вскоре прекратились, и мы вернулись на аэродром.

Наши войска укрепляли позиции на плацдарме. Войска фронта накапливали силы для нового наступления. Авиационные части усиленно занимались вводом в строй молодых летчиков, несли боевое дежурство, прикрывали с воздуха позиции своих войск. В воздухе стало намного спокойнее.

К этому времени были награждены многие участники боев за Сандомирский плацдарм. Большинство летчиков нашего полка получили боевые ордена, в том числе и я был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

С большой радостью личный состав встретил известие о присвоении полку наименования Сандомирский. Такой чести удостаивались наиболее отличившиеся части и соединения. Около трех десятков самолетов противника уничтожили летчики нашего, 152-го гвардейского истребительного авиационного полка над польской землей.

Впереди ждали новые бои, и мы усиленно готовились к ним. Возвратился из Москвы Сергей Данилович Луганский. Оказывается, командира вызвали для того, чтобы сделать его бюст с натуры. Партия и правительство приняли решение увековечить имена дважды Героев Советского Союза.

После возвращения майора Луганского командир дивизии разрешил мне съездить домой, на Украину, пока на фронте затишье. Очень хотелось побывать в Тбилиси, повидаться с женой и дочкой, но в дальние края отпустить меня не рискнули. Я был несказанно рад и тому, что смогу увидеть родных, которые

пережили страшное время оккупации...

Между Вислой и Одером

В начале сорок пятого года 152-й гвардейский истребительный авиационный полк провожал в столицу своего командира дважды Героя Советского Союза майора Луганского. Сергей Данилович уезжал по вызову из Москвы на учебу в академию. Уезжал неохотно, подчиняясь только силе приказа. Перед этим его вызвал командующий фронтом Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев.

Маршал хорошо знал Сергея Луганского. Однажды он наблюдал за боем, в котором Луганский, как всегда, мастерски сбил вражеского разведчика. Узнав, что у летчика на боевом счету более тридцати сбитых самолетов противника, Иван Степанович приказал представить его к награждению второй Золотой Звездой. Сам он и вручил награду нашему командиру.

По словам Сергея Даниловича, Конев очень тепло встретил его в своем штабе. Он расспрашивал о боевых делах полка, о летчиках, о жизни самого Сергея Даниловича. Больше всего Луганского удивил вопрос маршала о послевоенных планах. Сергей Данилович ответил, что и в мирное время собирается летать, служить в армии. Вот тут-то Конев и объявил о решении откомандировать Луганского на учебу. Просьба оставить его в войсках на командующего фронтом не подействовала, а когда Сергей Данилович попробовал настаивать, тот перешел на официальный тон:

- Поедете учиться. После войны нам грамотные командиры будут тоже нужны.

Луганский четко ответил: "Слушаюсь!" - и Конев спросил его, на кого остается полк. Сергей Данилович сказал, что, как и положено, на заместителя командира - майора Шевчука. Фамилия, понятно, маршалу ни о чем не говорила, но он не возражал, сказав, что доверяет Луганскому, который хорошо должен знать своих офицеров. Иван Степанович подчеркнул при этом, что он, как командующий фронтом, считает фигуру командира полка самой важной в армии, особенно во время войны.

Затем маршал снова перешел на неофициальный тон, даже несколько позавидовал Луганскому, что тот скоро будет в Москве...

- Ну, ничего. Теперь уже и нам недолго, - мечтательно проговорил Иван Степанович. - Скоро войне конец...

И оттого, что войне скоро конец, очень обидно было Луганскому уезжать с фронта. Но полк построен, вынесено Знамя, зачитан приказ.

Сергей Данилович обходит строй. Прощается с механиками, техниками, летчиками. Особенно дружески и сердечно - с ветеранами полка, с кем прошел большой и трудный путь. Иван Корниенко, Евгений Меншутин, Николай Шутт, Гари Мерквиладзе, Николай Дунаев, Виктор Усов, Георгий Полянский - почти все они уже стали Героями Советского Союза. Целое созвездие...

Я стоял перед строем полка. Место это еще непривычно для меня.

Хотя и приходилось заменять Луганского во время его отъезда и стоять перед строем, но тогда я был все-таки заместителем. А сейчас, с минуты, когда Сергей Данилович подойдет к Знамени, опустится перед ним на колено и коснется губами священного полотнища, я становлюсь командиром. С этой минуты я буду облачен всей полнотой командирской власти, и с такой же полнотой на меня ляжет ответственность за Знамя и честь полка, за самолеты и летчиков, за каждого вверенного мне человека, за сбитых и несбитых фашистов, за победы и поражения в воздушных боях, за все, что личный состав полка сделает на земле и в воздухе.

Я горжусь доверием командования и искренне рад назначению. Но понимаю, что будет очень трудно, и не только потому, что мне всего двадцать пять лет и здесь есть люди старше меня. Не только потому, что на должности заместителя командира я пробыл всего несколько месяцев и, естественно, нет еще полноценного опыта руководства. Самое сложное в том, что я вступаю в командование полком на смену такого замечательного командира, отважного летчика, обаятельного человека, как Сергей Луганский.

Понимаю, что все зависит от меня. Со вчерашнего вечера, когда пришел приказ о назначении, я думаю об этом очень много. К чему я готов и к чему не готов? На что обратить внимание?..

Прежде всего я вспомнил своих командиров. Вспомнил всех, начиная от первого инструктора - лейтенанта Поликанова, кончая Луганским и генералом Баранчуком. Дзусов, Карнач, Федосеев, Кутихин... Образцовые офицеры, умелые командиры, замечательные люди. Значит, мой, пусть очень небольшой, опыт будет подкреплен в той или иной степени их опытом? Да, несомненно. Вольно или невольно, но мое мышление военного человека воспринимало многое из их работы.

А кроме них у меня были еще прекрасные учителя - комиссары, политработники. Политрук Береговский, комиссар Якименко, замполит Меркушев разве их опыт, их деятельность не будут частью моего командирского потенциала?

Немало значит и боевой опыт. Тот памятный бой над Керченским полуостровом, борьба за возвращение в строй, десятки других воздушных схваток, боевых вылетов...

Разве не сыграли они своей роли в формировании характера стойкого воздушного бойца, военного человека?

А многочисленные встречи, о которых я задумывался еще там, в маленькой санчасти села Семисотка после ранения? Сосед - летчик с гангреной ног и удивительной выдержкой, командир стрелкового полка на передовой, военврач Авророва, соседи по палате в госпитале, старик сапожник Вано... Разве ничего не стоит этот человеческий опыт, который вольно или невольно, но воспринимало мое сознание?

И разве ничего не воспринял я от моего любимого учителя в школе Василия Федоровича Станкевича? А отец? Многому и он научил меня.

А партия, товарищи-коммунисты? Разве не оказали они огромного влияния на формирование моего политического сознания, моральных качеств? Разве не вместе с идеями партии в плоть и кровь нашу вошло отношение к главному ее делу? А главное дело партии сейчас - борьба с фашизмом, освобождение народов и стран Европы от ядовитой коричневой плесени...

Об этом я думал, принимая из рук дважды Героя Советского Союза Сергея Даниловича Луганского Боевое гвардейское Знамя.

Немного я еще сражаюсь под этим знаменем. Но это было горячее, боевое, трудное время, наполненное событиями так, как сделать это может только война. Воздушные бои, напряженные вылеты со штурмовиками, в разведку, перелеты с аэродрома на аэродром и снова бои. Падают на землю вражеские самолеты, горят танки, идут под откос эшелоны... Но и в этих победных боях полк нес потери. Здесь, на польской земле, погиб отважный молодой летчик лейтенант Анатолий Федюнин.

Это случилось, когда войска 1-го Украинского фронта готовили наступление с сандомирского плацдарма. Стояло скверное промозглое ненастье. Сплошная облачность, дожди, туманы не позволяли использовать авиацию большими группами, тем более массированно. Мы прикрывали наши войска, ходили за линию фронта небольшими, из одной-двух пар, группами. Усугубляло положение и то обстоятельство, что нам, как и в прошлом году, пришлось базироваться на временные, плохо оборудованные аэродромы. Активность нашей авиации резко снизилась. В это же время немцы имели хорошо оборудованную аэродромную сеть, дающую возможность летать в любых условиях.

В такой обстановке широкое применение получил свободный

поиск и уничтожение целей летчиками-охотниками. Этот способ в сложных метеорологических условиях оказался довольно эффективным. Авиация, несмотря на непогоду, держала под непрерывным воздействием множество объектов противника, сковывала действия вражеских самолетов. "Охотой" занимались все: и истребители, и бомбардировщики, и штурмовики.

Группа Анатолия Федюнина в одном из таких полетов встретила восемь вражеских истребителей, идущих к нашему переднему краю. Наша четверка приняла бой. В этой схватке лейтенант Федюнин уничтожил четыре (четыре!) вражеских самолета, но и сам погиб смертью храбрых.

Все летчики, да и не только мы - вся страна, к этому времени знали о небывалом подвиге летчика-истребителя старшего лейтенанта А. К. Горовца. Еще в битве под Курском он умело и решительно атаковал два десятка вражеских бомбардировщиков и сбил девять из них. Это был единственный летчик в мире, добившийся такой победы в одном бою. Он и сам погиб в этой схватке. Советское правительство посмертно присвоило ему звание Героя Советского Союза. Наш Анатолий Федюнин сбил четыре самолета в одном бою. Такого результата удавалось добиться в этой войне немногим летчикам.

Еще одна могила осталась на земле. На этот раз - на польской.

Жизнь фронтовика, его биография неразрывно связаны с событиями на фронте, с памятными боями, в которых он участвовал. И даже события сугубо личного порядка тесно переплетаются с хроникой боев.

Мрачная непогодь в середине февраля. Настроение отвратительное, несмотря на то, что наши войска успешно ведут наступление. Но именно поэтому оно и плохое. Войска идут вперед, а мы им мало чем помогаем...

Даже "почтарь", маленький легонький У-2, не прилетал уже несколько дней на аэродром. И лучше бы не прилетал он совсем! Очередным своим рейсом почта принесла мне тяжелое известие. На казенном бланке извещения четким почерком написано о том, что "рядовой Шевчук Михаил Павлович скончался, находясь на службе в рядах Красной Армии".

Я читал эту черную бумагу и никак не мог сообразить, что "рядовой Шевчук" - мой отец... Да, я знал, что несколько месяцев назад он, как и многие тысячи мужчин из освобожденных районов страны, был мобилизован. Я даже обратился к маршалу Коневу с письменной просьбой оказать содействие в переводе отца на службу и нашу часть. Мне сообщили из штаба фронта, что по распоряжению командующего рядовой Шевчук будет переведен в

152-й полк. Со дня на день должна была состояться наша встреча. И вот эта бумага...

С сандомирского плацдарма я ездил на несколько дней домой в отпуск, сидел с ним, разговаривал. После двух лет оккупации отец выглядел не очень здоровым. Сказался голод, нервное напряжение в ожидании очередной карательной экспедиции. Девочек наших он всех сберег. При малейших признаках прибытия в село какой-нибудь зондер-команды отец прятал их в погребе в дальней лесной сторожке. Колхозники, а односельчане и при немцах считали себя колхозниками, не сеяли хлеб, не сажали овощей. Питались чем придется, летом старались запастись грибами, ягодами. Лес всегда выручал нас. Отец был связан с партизанами, и если бы об этом дознались полицаи или фашисты...

Навестили мы с батей и его отца, моего деда, когда-то могучего богатыря Павла Шевчука. Живо, с радостью рассказывали они мне, как поднимается хозяйство после освобождения. На Украину из восточных областей страны присылают скот, зерно, корма. По решению партии и правительства прибывает сюда и техника, строительные материалы.

- Первый урожай в этом году собрали. Хороший. Себе, правда, немного оставили. Все фронту отправили и туда, где еще не успели получить урожая. Ну, нам-то хватит. Теперь с голоду не помрем. А вы уж там как следует воюйте. Кончать надо с этим зверьем...

Поведал мне дед Павло историю, которая прозвучала в его пересказе с бабушкиными добавлениями и смешно, и грустно. Оказывается, деду, одному из всего села, до самых последних дней оккупации удалось сохранить телку. Как уж он ее прятал, только ему известно. В селе не то что скотины, курицы не осталось. И все-таки в одну из последних облав на живность нашли дедову телку в дальнем гумне. Увидел дед, как ведут ее с солдатским ремнем на шее, не выдержал: бросился к немцу, вырвал из рук ремень. На счастье, не оказалось у того под рукой ни автомата, ни другого оружия. Ткнул он деда кулаком в грудь. А деду Павлу хоть и под восемьдесят, а он еще свою былую крепость сохранил и даже не покачнулся. Тогда солдат схватил ремень, который у него дед вырвал.

- Так, внучек, стоим и тянем - кто кого, - без улыбки рассказывал мне дед, - да фриц-то уж больно хилый попался. Я его вместе с телком обратно в огород и потянул. Утянул было совсем.

Дед, неожиданно закончив свой рассказ, сердито замолчал.

Дальше продолжала бабушка.

- Утянул бы, утянул. Их, фашистов, тут еще штук пять стояло. Они со смеху покатывались, глядя, как их фрицика дед, словно малого ребенка, волокет. Видать, уж человек он такой неудачливый был, фриц-то тот, что над ним всякий раз потешались. И тут они на выручку к нему пошли, когда дед за двор его уже уволок. Испугались, поди, не удушил бы он там его.

Бабушка вздохнула.

- Это я сейчас, старая, весело рассказываю. А тогда не до смеху было. Все, думаю, конец моему Павлу пришел. Разве простят ему такое!

- Ну-ну? - не терпелось мне услышать заключение этой истории.

- Избили моего деда. До кровушки. Избили, бросили посреди улицы в пыли и подходить не велели. А я радешенька - не застрелили, и то слава богу.

Тут дед не выдержал:

- Отомсти за меня, внучек, за честь мою стариковскую поруганную отомсти. Никто в жизни Павла Шевчука не ударил! За землю нашу, за всех людей, погубленных и поруганных ими, отомсти.

Дед помолчал, сердито насупил седые брови и неожиданно опять про свое:

- А телку все равно жалко. Два года я ее прятал. Сам корку не съем, ей отнесу. Прогонят, думаю, врага, а в колхозе какая-никакая, а живность будет. Телка-то породистая. Хорошее от нее стадо пошло бы.

Прощался со мной дед Павло торжественно. Степенно поцеловал по-христиански три раза и серьезным тоном, не допускающим возражений, благословил:

- Свидеться нам с тобой, внучек, больше не придется. Стар я. Молчать, остановил он рукой завозражавшую было бабушку. - Свое прожил честно. Тебе, дорогой внучек, желаю живым-невредимым фашиста того до победы бить. Об этом, значит, потом батьке своему, как старшему Шевчуку, доложишь. Такой мой наказ.

А вышло вот по-другому. Дед Павло пережил моего отца - "рядового Шевчука Михаила Павловича".

Как же ты, батя, не уберегся?.. Вот и в семье Шевчуков большое личное горе, которое принесла война. А я-то в прошлом году, когда узнал, что все наши живы-здоровы, радовался: обошла нас безглазая с косой...

А война продолжалась. И радость наступления и побед по-прежнему омрачалась горечью потерь. Не вернулся с боевого

задания Герой Советского Союза Иван Корниенко. В каких только переделках не бывал Иван! Прошел огонь боев Сталинграда, Курска, Сандомира, и даже не был ранен...

Летчики, которые вместе с Корниенко участвовали в этом бою, видели, что самолет Ивана не горел, даже не дымил. Один из наших подошел к его истребителю совсем близко и увидел, что Корниенко все время роняет голову на грудь, видимо, в полусознательном состоянии. Тяжело ранен, а внизу - чужая территория. Бугры, кустарники, овраги, самолет можно посадить только на брюхо. Проводили самолет Корниенко до самой земли. Он еще нашел силы выровнять его. Истребитель плюхнулся на брюхо, прополз по густому кустарнику и замер - летчик даже не пытался открыть фонарь. Так в списках пропавших без вести (полной уверенности в гибели Корниенко не было) появилась еще одна фамилия...

В гнилое февральское ненастье наши войска устремились вперед, преодолевая один за другим все семь оборонительных рубежей противника, возведенных между Вислой и Одером. Наступление развивалось так быстро, что разбитые части и соединения немецко-фашистской армии не успевали закрепляться на этих оборонительных позициях.

Как-то в одном из разведывательных полетов мне довелось наблюдать любопытную картину. Было это на подходах к реке Варта, возле польского города Ченстохова. На одной из дорог я увидел колонну немецких танков, беспорядочной толпой бредущую пехоту, а в нескольких километрах южнее, ближе к реке, на большой скорости уже шли танки со звездами. В стремительном и неудержимом порыве наступления наши танкисты обогнали отступающих немцев, захватили действующие в этом районе переправы и без промедления двигались дальше. Авиационные пункты управления, чтобы успеть за быстро развивающимися событиями, стали подвижными. Расчеты этих пунктов размещались на бронетранспортерах, выделенных командованием танковых соединений.

Наши аэродромы отставали. Поэтому, чтобы прикрывать наземные войска или производить штурмовку противника, нередко приходилось пролетать над освобожденной территорией более ста километров. Это создавало большие трудности в использовании авиации, особенно штурмовой и истребительной. Но как только позволяла погода, мы летали много: штурмовали войска противника на флангах идущей вперед группировки наших войск, помогали в борьбе с окруженным гарнизоном в Бреславле, часто летали на разведку. Почти каждый третий вылет в те дни был именно разведывательным - данные о противнике

нужны и наземному командованию, и авиационному. Обстановка менялась быстро, и командир корпуса, командир дивизии нередко сами принимали решение на уничтожение тех или иных объектов противника.

Как-то экипажи самолетов, уходящие на разведку, получили любопытное, но не сразу понятное указание. Нам предписывалось наряду с военными объектами отмечать на картах или запоминать расположение старинных замков, парков, интересных своей архитектурой зданий. Оказалось, что Военный совет фронта, исходя из решений партии и Советского правительства о сохранении народного достояния Польши, заботился о том, чтобы от случайных бомбежек и штурмовок не пострадали памятники архитектуры, которыми так богата эта земля{8}.

После освобождения войсками левого крыла 1-го Украинского фронта города Кракова еще до официальных сообщений мы узнали о лагере смерти - Освенциме. Кстати, сам Краков, один из древнейших и красивейших городов Польши, был освобожден нашими войсками без предварительных ударов артиллерии и авиации. Сильному артиллерийскому огню подверглись только укрепленные подступы к городу. И это было не случайно. Командование 1-го Украинского фронта, исходя из тех же гуманных соображений - не разрушать город-музей, - приняло решение стремительным ударом разбить фашистов без авиационной и артиллерийской подготовки. И, как вспоминает об этом маршал И. С. Конев в своей книге "Сорок пятый", в этих целях он специально не поставил задачу войскам, проводившим маневр на окружение города, замыкать кольцо. Если бы это произошло, гитлеровцев пришлось бы долго выбивать из Кракова, что повлекло бы за собой значительные разрушения. У противника оставалась одна дорога на юг, в горы, и он начал отходить туда. На выходе из города наши войска нанесли крагу значительный урон.

...Погода улучшилась. Авиация снова работала на полную мощность. Батальоны аэродромного обслуживания в очень сложных условиях за короткие сроки сумели восстановить существующие и создать новые аэродромы, посадочные площадки непосредственно у линии фронта. Большую посильную помощь оказало нам местное население. Поляки перевозили на подводах строительные материалы, принимали непосредственное участие в подготовке взлетно-посадочных площадок. По решению Военного совета фронта в строительстве аэродромов помогали и остальные войска. Танками укатывались грунтовые полосы, саперы сооружали самолетные укрытия.

Мы снова наносили по противнику удары большими

группами. Помогаем танкистам и пехоте ликвидировать окруженные группировки и группы. Их немало осталось в тылу быстро наступающих войск на всем протяжении от Вислы до Одера, особенно после Кельце. Самые крупные из котлов - это в Бреславле на берегу Одера, сто километров севернее, тоже по Одеру, в Глогау (Глогув) и южнее по реке, в Оппельне.

Штурмовики Одинцова, Бегельдинова, Балабина, Столярова осуществляли авиационную поддержку наступления. Огнем пушек и эрэсов они буквально выкуривают с оборонительных позиций пехоту противника. Проходя на бреющем полете, мы как-то увидели любопытную картину. Из окопов выскакивают фигуры в серо-зеленых мундирах, куцых шинелях и поднимают руки вверх. Солдаты сдавались нам, летчикам, - всепоражающий огонь штурмовиков и истребителей сделал свое дело.

Но такое, конечно, случалось нечасто. Оборонялись вражеские войска отчаянно. И оборону умели организовать грамотно. Сейчас, правда, у немцев не хватало сил, средств и времени на создание сплошной полосы. Ее заменяли сильно укрепленные опорные пункты на высотах, опушках леса, возле массивных зданий. Часто небольшие городки целиком представляли собой подобные опорные пункты. Ожесточенные бои шли, например, в районе населенных пунктов Губен, Зарау. Здесь, как выяснилось, находились важные заводы по выпуску военной продукции, часть которых работала под землей. Такие объекты, как правило, имели сильную зенитную артиллерию.

Если зенитное прикрытие фронтовых объектов - передовых позиций, колонн на марше, на стоянке - осуществляли в основном 23-миллиметровые "эрликоны" и 37-миллиметровые зенитные пушки, то здесь, на территории Германии, значительную часть зенитной артиллерии составляли тяжелые 88- и 105-миллиметровые орудия. Даже если такой снаряд разрывался в стороне, осколки его наносили нашим самолетам значительные повреждения. У штурмовиков участились потери.

Генерал Рязанов принял решение усилить воздушную разведку объектов, которые предстояло уничтожать "илам". Работа эта поручалась истребителям, как более скоростным и маневренным самолетам. Главное внимание разведчиков уделялось расположению зенитных средств. При массированных налетах первый удар наносился именно по этому участку. Потом штурмовики шли на цель, истребители же внимательно следили за "оживающими" зенитными орудиями и уже своими огневыми ударами подавляли их. За несколько дней на боевой счет полка было записано несколько батарей противника.

Фашистская авиация по-прежнему придерживалась своей

излюбленной тактики - "уколов". Для налетов на наши передовые позиции, колонны на марше, аэродромы немцы выбирали время, когда советских самолетов в воздухе не было. Хотя удары наносились эпизодически, неприятности они доставляли большие. Одно дело - самолет, поврежденный в бою, и совсем другое - когда его выводят из строя на земле.

Однажды, вернувшись с задания, я с большим трудом посадил свою группу. Вся взлетно-посадочная полоса была изрыта воронками. Оказалось, что две четверки "фокке-вульфов" совершили налет на аэродром. Большая часть наших самолетов была в воздухе, те, что оставались на земле, технический состав хорошо укрыл и замаскировал. Не обнаружив целей - самолетов на стоянках, фашистские летчики обрушили весь бомбовый груз на полосу. Но безнаказанно уйти им все-таки не удалось. Как раз к этому времени на позиции противовоздушной обороны аэродрома прибыла зенитная батарея, все расчеты которой составляли девушки. Они так смело, самоотверженно и, главное, умело вели огонь, что фашисты, потеряв два самолета, на наш аэродром летать больше не рисковали.

Несмотря на то что фашистские летчики всячески избегали встреч с нашими истребителями, мы использовали все возможности для их уничтожения. Применялись так называемые засады, свободная охота, штурмовка. Мы стремились уходить на вражескую территорию и там искали свои цели.

После отъезда из полка Луганского я летал с его ведомым. А Сергей Данилович всегда ходил на задания с заместителем по политической части Иваном Федоровичем Кузьмичевым. Сначала я не мог понять, зачем командиру полка нужно брать с собой очень опытного пилота, Героя Советского Союза, имевшего на своем счету более полутора десятков сбитых самолетов противника? Причину раскрыл сам Иван Федорович. Оказалось, что Кузьмичев совершенно не умеет вести ориентировку. Отличный тактик в бою, мастер огневых ударов, Иван Федорович не умел "смотреть" за землей и после боя не представлял, как возвратиться на свой аэродром. Брал обычно курс на восток и шел до полной выработки горючего.

Странный, почти невероятный для опытного летчика недостаток. Кузьмичев сам стыдился его, но поделать ничего не мог. Так и образовалась в полку пара - командир и замполит. Летчики не знали истинных причин, но считали, что это в порядке вещей.

Надо отдать должное, что с таким ведомым, как Иван Федорович Кузьмичев, чувствуешь себя в бою уверенно. Успех боя часто решают секунды, доли их. Я, как ведущий, оценив

обстановку и приняв решение, должен по радио или маневром самолета передать приказ ведомому, затратив на это определенное время и, главное, какую-то долю своего внимания. Но если ведомый хорошо знает мою подготовку, мои излюбленные тактические приемы, а главное - умеет оценить обстановку, то он сам принимает решение, схожее с моим, и наша пара действует как единое целое. Ведущему и ведомому важно знать не только летные возможности друг друга, но и личные человеческие качества. Только полное взаимопонимание делают пару, группу слетанной, непобедимой в воздухе. Такой парой, как мне кажется, мы и стали с Иваном Федоровичем Кузьмичевым.

Как-то, возвращаясь с территории противника, при подлете к линии фронта я увидел в нескольких километрах левее нас группу из восьми - десяти "фокке-вульфов". Она шла на малой высоте к нашим передовым позициям. Бросать штурмовиков, которых мы сопровождали, нельзя, - я передал их Николаю Шутту, сам с Кузьмичевым решил помешать "фоккерам". Пара на десятку - соотношение сил начала войны. Но делать нечего: советских истребителей в воздухе больше нет, а штурмовой удар десятки ФВ-190 - дело серьезное. Короче говоря, сомнений - вступить или не вступить в бой - не было.

Летчики "фоккеров" уже хорошо знали, что советские истребители при сопровождении штурмовиков не бросают их ни под каким предлогом, поэтому беспокойства не проявляли. А того, что мы выделим только пару для боя, они предположить не могли.

С Кузьмичевым мы не обмолвились ни словом. Он идет за мной слева и чуть сзади, вытянутым пеленгом. У нас преимущество в высоте, само собой напрашивается решение: атаковать сверху на пикировании. Бить будем сразу по ведущему группы. Я уже сосчитал - у противника десять "фоккеров". Они перестроились в боевой порядок для штурмовки. Минута с небольшим - и на наших солдат обрушится огонь "эрликонов". А на каждом "фоккере" по три-четыре пушки плюс бомбы.

Я начинаю волноваться: "Успеть... надо успеть!" Ведущий "фокке-вульф" уже в перекрестии прицела, но дистанция для открытия огня слишком велика. При такой дальности рассеивание снарядов большое, резко снижается процент попадания, убойная сила их значительно уменьшена. А у "фошек" броня хорошая... Но пока я выйду на нужное мне расстояние, они уже могут пусть не прицельно, но сбросить бомбы.

Решив, что сбить ведущего с ходу сейчас трудно, я посылаю короткую очередь в его сторону, тут же перевожу нос самолета на другой "фоккер" - и снова очередь. Кузьмичев таким же образом

обстреливает группу. Он меня понял - ведя короткими очередями обстрел по нескольким самолетам, мы нарушаем уже взятый немцами ритм атаки. Чем больше летчиков их группы почувствуют, что по ним стреляют, тем больше шансов на то, что группа, нарушив боевой порядок, не проведет штурмовку прицельно.

Расчет оказался верным - строй рассыпался. Однако сейчас они должны оправиться от первой растерянности и разглядеть, что их атакует всего пара "яков". Мы снова набираем высоту. Кузьмичев подходит ближе. Молодец! Так отбиваться легче. Ждать нападения мы, правда, не собираемся: маневр - и снова идем вниз. Но "фоккеры" не собираются принимать боя. Ведущая пара повернула назад, восвояси. За ней то же самое сделали остальные.

У нас с Кузьмичевым появился боевой азарт. Тем более что мы уже давненько не вели воздушных боен. Замечаю, что самолеты замыкающей пары летят отдельно - потеряли друг друга еще при первой нашей атаке. Решение одно: всех сбить мы не сможем, а вот этого, отставшего, попробуем. Со скольжением идем вниз - и на "фоккер" ложится сетка прицела. За "хвостом" не смотрю. Можно быть уверенным, что Кузьмичев не проглядит. Очередь. Еще одна. Захромал "фошка". Но падать не хочет. Видимо, повреждено только управление. Нужен еще заход. Мы на большой скорости проносимся мимо него так близко, что я вижу злое, растерянное лицо летчика под желтой кожей шлемофона.

Где остальные?.. Вот это уже нехорошо. Плохо не для нас с Кузьмичевым. Плохо для "фоккера". Ни один из девяти "коллег", в том числе и ведущий, не собирается прийти ему на помощь, хотя атакующих - всего двое. Нам этого никогда не понять! Девять мощных истребителей с полным боекомплектом, с хорошим запасом горючего, над своей территорией (!) бросили товарища...

Но жалости к врагу у нас нет. Если сегодня мы его не собьем - завтра он снова принесет смерть. Не сговариваясь, мы с Иваном Федоровичем решаем увести вражеский самолет на свою территорию. Берем в клещи и упредительными очередями подсказываем пилоту курс... Он пытается сманеврировать, вырваться. Не так-то просто!

Летим мы на малой высоте вдоль шоссе. По дорого идет колонна пехоты. Задрав головы, солдаты смотрят на нашу необычную процессию. Я прибираю обороты двигателя. Отстаю. Кузьмичев делает то же самое. Немец, летчик грамотный, сразу определил, что мы отстаем, и воспользовался этим: накренил самолет и со скольжением попытался уйти от нас. Очереди с обоих наших самолетов - и "фоккер" упал метрах в ста от шоссе.

Вижу, как солдаты бросают вверх шапки, машут руками, что-то кричат. Мы делаем над ними прощальный круг, приветливо машем крыльями и уходим на аэродром.

После посадки Иван Федорович подошел ко мне.

- Заметил, Василий Михайлович, как пехота радовалась? Для них, идущих на фронт, это, пожалуй, хорошая моральная поддержка.

Вот оно, абсолютное взаимопонимание ведущего с ведомым. Оба мы, сбивая самолет, думали об одном и том же. Хотя большого удовлетворения от такого боя мы и не получили, но на пользу общему делу пошел и он.

А великое общее дело Красной Армии шло к концу. Ударная группировка 1-го Украинского фронта вышла на восточный берег реки Нейсе, заставила противника поспешно отойти за реку по всей полосе наступления - от устья реки до города Пенцинг. Было даже захвачено несколько плацдармов на западном берегу. Но командование фронта, учитывая усталость войск, понесенные потери при наступлении от Вислы до Одера, его форсировании и преодолении нескольких оборонительных рубежей до Нейсе, приняло решение перейти к обороне. Плацдармы на западном берегу во избежание бесплодных потерь оставлены. Нужно время для восстановления сил, пополнения боеприпасов, боевой техники. На 1-м Украинском фронте наступила пауза в боях, правда, весьма относительная. Левый фланг фронта вел активные боевые действия до последних дней марта, освобождая промышленные районы Верхней Силезии. 1-й штурмовой авиационный корпус 29 и 31 марта участвовал в массированных ударах по немецким позициям вокруг города Ратибор, который после сильной авиационной и артиллерийской подготовки был взят штурмом. За эти бои личный состав корпуса получил благодарность Верховного Главнокомандующего.

Военный совет фронта приказал усиленно, не теряя ни одного дня, готовиться к новым решающим боям. Особое внимание командиров и политработников было обращено на воспитательную работу с подчиненными, укрепление дисциплины в частях, разъяснение солдатам и офицерам значения освободительной миссии Красной Армии.

Командир атакует первым

Если от нашего аэродрома по компасу взять курс 330°, то до Берлина около ста километров. Полетного времени - восемнадцать минут. Сто километров и тысячи пройденных... Восемнадцать минут и четыре года войны. И эти сто километров нужно было пройти, провоевать, преодолеть в жестоких боях.

Фашизм, оставив следы тягчайших преступлений под

Москвой и Ленинградом, на Керченском полуострове, в Белоруссии, на Украине, в Молдавии и Польше, всюду, куда ступал его кованый сапог, страшился возмездия. Фашистские главари издавали приказ за приказом, рассылали в войска воззвания и призывы "сражаться до конца" за фюрера. Но тот же фюрер в одном из своих воззваний, уже не надеясь на войска, требовал расстрела на месте каждого, независимо от чина и занимаемого положения, кто даст приказ на отход или отступит. Были созданы специальные суды, которые выносили смертные приговоры без всякой проверки. Верховное командование издало также приказ о репрессиях по отношению к семьям тех солдат и офицеров, которые сдадутся в плен советским войскам.

Для запугивания армии и населения гитлеровская клика в полной мере использовала такие поднаторевшие в кровавых делах учреждения, как гестапо и эсэсовские части. Гитлер скоропалительно менял своих командующих, назначал на высшие военные посты самых отъявленных национал-социалистов. Вокруг обороняющегося Берлина сосредоточивались все силы, какие только могла собрать гитлеровская верхушка.

Все это учитывало советское командование в подготовительный период Берлинской операции. В начале апреля мы еще не знали, сколько времени нам отведено на подготовку, но хорошо ознакомились с задачами. Эти дни, хотя и проходили без активной боевой работы, были далеко не самыми легкими для меня, молодого командира прославленной авиационной части.

Полк, пройдя в сражениях Сталинград и Курскую дугу, был сплоченным, дружным боевым коллективом. Более десяти летчиков стали Героями Советского Союза, и почти все, даже недавно прибывшая молодежь, имели боевые награды. На таких асов, как Евгений Меншутин, Николай Дунаев, Гари Мерквиладзе, Виктор Усов, Николай Шутт, можно было положиться в любой самой сложной боевой обстановке. Набирала силу и молодежь. Анатолий Турунов, Алексей Комаров, Алексей Иванюк, Виктор Лебедев, Станислав Внуков, Владимир Кондратьев в боях уже показали себя с самой лучшей стороны. Сказывались, конечно, недостаток опыта и нетерпеливость молодости, но Желания драться с врагом, боевой активности - хоть отбавляй.

В полку подобрался и замечательный инженерно-технический состав. Инженер полка майор С. И. Бабин, инженер по вооружению капитан И. И. Хорольский, техники звеньев, механики самолетов, специалисты по радио, спецоборудованию делали все возможное, а порой и невозможное, чтобы самолеты всегда были в готовности к вылету.

Не могло быть претензий и к работе штаба. Хотя начальник

штаба майор Устинов еще не прибыл в полк после ранения, полученного при артобстреле, с его обязанностями успешно справлялся помощник начальника штаба майор А. А. Зудилин.

С ним и майором Кузьмичевым мы тщательно планировали работу на каждый день. С летным составом изучался район предстоящих боев. Как всегда, обобщался опыт лучших летчиков. Появились первые сведения о новинке фашистской авиации - реактивных самолетах. Судя по разведданным, их было два типа. Один тип, "летающее крыло", - Ме-163, с малым запасом горючего. Второй - Ме-262, с турбореактивным двигателем. Он мог находиться в полете довольно продолжительное время. Хотя ни тех, ни других мы в воздухе еще не видели, тактику борьбы с реактивными истребителями в определенной степени выработали. Первое условие победы - осмотрительность и точность принятого решения: ни убегать от него, ни крутиться, используя маневр, не нужно.

При подходе на расстояние выстрела его пушек необходимо резко сманеврировать. У реактивного скорость почти в полтора раза больше, и маневр "яка" он не сумеет повторить. А в момент, когда он проскакивает мимо, сразу огонь из всех стволов.

Технический состав тоже работал, не жалея ни сил, ни времени. На третий или четвертый день затишья я доложил в штаб дивизии о том, что в полку все самолеты исправны. Наши три эскадрильи летали на машинах Яковлева, но разных модификаций: Як-1, Як-9 и Як-7Б. Однако инженеры и техники хорошо знали материальную часть.

Все шло, казалось бы, хорошо, по плану. Как-то мы с Иваном Федоровичем Кузьмичевым задержались допоздна в штабе, подробно обсуждали план партийно-политической работы. Иван Федорович основательно учел требования партии, Военного совета фронта об усилении воспитательной работы среди военнослужащих в связи с нашим пребыванием на территории Германии. Немало места он уделил и партийно-политическому обеспечению боевой работы. Во всех подразделениях готовились партийные и комсомольские открытые собрания. Каждый день проводились небольшие совещания с партийным активом по ближайшим задачам. Организованно проходили и политические занятия.

Я обратил внимание замполита на то, что и в плане, и в его работе мало уделяется места укреплению воинской дисциплины. Иван Федорович удивился:

- Грубых нарушений в полку нет. ЧП тоже.

А дело здесь было скорей всего не в этом. Сложная боевая работа, большая ответственность постоянно мобилизовали людей.

Напряжение, в котором мы жили последние месяцы, обеспечивало внутреннюю собранность, высокую дисциплинированность человека без воздействия со стороны. Но сейчас ситуация изменилась. Война близилась к концу. Все мы чувствовали первое, но уже ощутимое дыхание мира. И то боевое напряжение, которое многократно увеличивает волевые и физические возможности личности, начинало спадать.

Раньше каждый из нас хотя и надеялся дожить до конца войны, но не исключал и возможности собственной гибели. Второе причем считалось более вероятным. Сейчас этот психологический настрой начал меняться с каждым днем все быстрее. Люди острее чувствовали жизнь, ощущали ее непреходящие радости. Сейчас летчики, глядя в небо, видели в нем не только облачность, в которой может прятаться враг, а просто белые апрельские барашки облаков, не только слепящие лучи солнца, со стороны которого любит нападать противник, а просто ласковое весеннее тепло.

И очень хорошо, что загрубевшие в сражениях, суровые люди возвращались, пусть еще только в помыслах, по возвращались к долгожданной мирной жизни. Однако война еще продолжалась. И предстояли бои. А в бою, в любом бою - в начале войны или в конце - борьба идет не на жизнь, а на смерть...

Я уверен: в бою никто не дрогнет и будет сражаться так, как нужно. Для войны до самого последнего ее выстрела сил хватит у каждого. Но если вечером здесь, на далекой от Родины чужой земле, такой же пьянящий весенний воздух, как дома, и так же в сиреневых сумерках белеют вишневые сады, и если не через две недели, то через два месяца войне конец - ты ощущаешь себя счастливейшим человеком. И если на фронте затишье и боевых вылетов завтра не ожидается, хотя ты с радостью пойдешь в воздух, сегодня ты чувствуешь себя свободным от всех забот.

И вот это, на мой взгляд, сейчас самое опасное. Человек расслабляется, утрачивает ту самую внутреннюю собранность, которая, как пружина в нужный момент, не только бросает его в кабину самолета, поднимает в воздух, но и удерживает на земле от многих вполне допустимых и даже естественных в мирное, но в военное время исключенных из жизни действий и поступков...

Все это я и пытался объяснить Ивану Федоровичу. Он понял мои опасения и согласился, что ему как политработнику, партийному бюро полка, парторганизациям подразделений, всем коммунистам нужно продумать и, главное, стабильно вести работу по поддержанию вот этой внутренней - мобилизующей готовности людей.

Мы подошли к приземистому зданию какого-то бывшего

учреждения, где в маленьких комнатках разместились летчики.

- А ведь действительно весна, Василий Михайлович, - остановился Кузьмичев, - действительно хочется забыть о войне.

На аэродромах, даже на фронтовых, когда кончился летный день, нет налета вражеских самолетов, тишина бывает часто. Но вот такой, как эта, я давно не слышал. Прав писатель, который говорил, что настоящую тишину можно только услышать. Да, под Курском была точно такая же ночь - прозрачная, звездная. Если бы не островерхие крыши, характерные для немецких городков, и облитый лунным светом шпиль кирхи, можно подумать, что мы где-нибудь на Волге или на Днепре.

Но вот на западе, там, где между нашими и немецкими войсками течет Нейсе, взметнулось несколько ракет. По небу зашарил луч прожектора. Появились красные вспышки - разрывы зенитных снарядов. Ночной разведчик возвращался с задания. Засекли. Через несколько минут над нами тяжело прогудели моторы бомбардировщика - цел...

Мы подошли к двери общежития - подозрительно тихо. Обычно в это время в комнатах, хотя и был отбой, раздавались смех, песни, разговоры, а сегодня тишина.

Об этом же подумал и Кузьмичев.

- Что-то рано сегодня наши ребята угомонились, А завтра полетов не ожидается. Только разведка. Посмотрим?

Заходим в одну комнату, во вторую...

- Вот тебе и ЧП, которых не было в полку, - растерянно проговорил Кузьмичев.

Пропала почти половина летного состава полка! Чего только не подумаешь - поздняя ночь, вражеская территория, диверсия... Я приказал объявить тревогу.

Через несколько минут полк был построен. Нет многих летчиков, офицеров-техников. Рядовой и сержантский состав весь на месте - приказал отвести в казарму и дать отбой. Офицеры стоят. Проходит десять минут, пятнадцать. Позади строя тенью прошмыгнула фигура. Вторая. Еще несколько человек. Прошу выйти перед строем. Спрашиваю, где были. Неопределенный жест: "Там..."

Кузьмичев не сдержался первым:

- Вы понимаете, что делаете? "Там"!.. А если сейчас команда "По самолетам"?!

Кто-то пытается оправдаться:

- Ночь, товарищ майор, мы же не ночники.

Тут уже выдержка покидает и меня. В жизни так свирепо не бранился. Наконец выясняется, что еще днем некоторые инициативные товарищи, узнав о прибытии банно-прачечного

отряда, который состоит сплошь из девчат, договорились о встрече. Решили устроить что-то вроде вечера с танцами.

Через полчаса перед строем, за исключением нескольких человек, стояли все. Стояли, виновато опустив головы. Злость, а главное опасения, что случилось нечто непоправимое, у меня прошли. Я смотрел на этих двадцатилетних ребят и думал о том, что они, в сущности, не виноваты. Ведь им, молодым, сильным, не довелось в своей жизни коснуться рукой девичьего плеча, нецелованными застала их война и взяла в свои беспощадные объятия. Не виноваты они в том, что над землей буйствует весна, а рядом так таинственно и притягательно смеются наши советские девчата, которые тоже молоды и которых война тоже лишила радости первой любви, первых робких поцелуев, преданных взглядов того единственного, незабываемого...

Но понимал я и другое. Если простить их сейчас, то не завтра, так через неделю-другую кто-то не выдержит и снова сдастся всепоглощающей силе жизни. Беспокоила меня не только забота о боеготовности, это было, конечно, главное. Подумал я о том, что встречи эти, нечаянно подаренные войной, могут привести к скоропалительной любви, вызванной все той же жаждой жизни. Могут сделать их несчастными, обманутыми, особенно девчат, когда та же война оторвет их друг от друга и разбросает по своим бесчисленным дорогам. Хуже того, убьет кого-то на этих дорогах...

Прибежали наконец и остальные. Стараясь держаться как можно строже, не глядя на "самовольщиков", чтобы не рассмеяться над их совсем по-детски растерянно-виноватыми физиономиями, я объявил решение:

- Под суд военного трибунала я не отдаю вас не потому, что мне жалко калечить вашу жизнь. Жалеть вас не за что. Кстати, сделать это никогда не поздно... Мне жалко полк. Тех, - я показал на строй, - кому завтра идти в бой, воевать и умирать не только за себя, но и за вас, которые предали их... И вам, - я прошелся мимо неровного строя провинившихся, - вам я Даже не буду объявлять взыскания. Ибо никакое взыскание, кроме, повторяю, трибунала, не может стать мерой наказания за содеянное... Все. Разойдись, отбой!

Я понимал, что, обвиняя в предательстве молодых ребят, я больно раню их самолюбие. Жестоко. Но иначе нельзя.

В этот вечер, верней, уже ночь мы еще долго говорили с Кузьмичевым, обсудили многие детали усиления контроля за людьми, повышения ответственности коммунистов и комсомольцев не только за свое поведение, но и за поведение товарищей.

Встал вопрос и другого порядка: докладывать или нет командиру дивизии? Баранчук может прийти в ярость - уж тогда не поздоровится нам с Иваном Федоровичем. Скрыть случай самовольной отлучки легко. Объявление тревоги можно объяснить обычной тренировкой, проверкой боеготовности. Но ЧП есть ЧП. Главное, что такой случай может произойти не только в нашем полку. И если проморгали мы, а свою вину мы с Кузьмичевым признали сразу, то подобное могут допустить и другие командиры. На удивление, генерал Баранчук встретил наш доклад спокойно. Только спросил:

- Сами-то вы поняли?..

Буквально на следующий день из дивизии поступил приказ: "Поднять пару истребителей и уничтожить аэростат наблюдения противника".

Расстрелять неподвижно висящий аэростат - это все равно что тренировочная стрельба по мишени. Решил послать лейтенанта В. Бабкина с ведомым. Оба летчика молодые, и им будет полезно выполнить это задание. Поставил задачу и выпустил в воздух.

Вскоре позвонил командир дивизии. По тяжелому дыханию, доносившемуся с того конца провода, я уже понял - что-то неладно.

- Шевчук, ты забыл, что я тебе говорил?

- Когда, товарищ генерал? - не понял я.

- Когда, когда, - передразнил Баранчук. - Когда назначение командиром полка получал!

Я лихорадочно перебираю в памяти слова комдива. Говорил он тогда об ответственности, о предстоящих серьезных боях, о том, что Луганский был настоящим командиром... Еще запомнились слова генерала о том, что командир всегда атакует первым... Именно на этой лаконичной фразе его вызвали в штаб корпуса. Баранчук крепко пожал мне руку, пожелал успехов на должности командира полка и разрешил лететь в полк. Но что имеет в виду комдив сейчас?

Он напомнил сам:

- Я тебе говорил, что хороший командир всегда атакует первым?

- Так точно, товарищ генерал!

- А ты что делаешь?!

Да, нелегким бывает разговор с нашим комдивом:

- Молчишь?!

- Так точно, товарищ генерал. Не понял вопроса.

- Объясню. Я тебе говорил о том, что даже когда командир посылает в бой своих подчиненных и не поднимается в воздух сам, он все равно атакует противника первым! - И, не дав мне ответить, буквально прорычал в трубку: А ты, кроме того что послал молодых, не подумал даже о том, как они будут выполнять задание... Короче: аэростат не уничтожен. У него сильнейшее зенитное прикрытие. Нахрапом, как полезли было твои, его не собьешь. Нужно думать, кому и как лететь!

- Понял, товарищ генерал! Сейчас пойду сам. Возьму Кузьмичева или Шутта.

- Ни черта ты, Василий Михайлович, не понял! Я тебе еще раз повторяю: командиру не обязательно бросаться впереди своих подчиненных, но, посылая их в атаку, ты должен первым атаковать противника своей мыслью. Мыслью! Должен подумать о том, как они, твои подчиненные, должны выполнить задачу... Что молчишь?

- Товарищ генерал...

- А то "я сам, я сам". Если исходить из этого принципа, то когда мне Рязанов двадцать минут назад приказал уничтожить аэростат, я сам, что ли, должен лететь? Нет, брат, суть не в этом. Вот втык командир обязан получать сам. Я сейчас от Рязанова получил, ты - от меня.

Что, обиделся? - Баранчук уже говорил спокойно. - Подготовить новую пару. И крепко подумай, как можно обмануть зенитчиков и сковырнуть этот шарик. Сели там твои ребятишки?

- Как сели? - не понял я. Мне уже представилось, что пару Бабкина сбили.

- Как летчики садятся? Или у вас вверх колесами принято? - начал уже свои обычные шуточки комдив.

В это время на аэродром действительно заходила пара "яков".

- Садятся, товарищ генерал, - обрадовался я.

- Ну вот и хорошо. Порасспроси их как следует и подумай, - повторил Баранчук и закончил разговор: - Чтобы через пятнадцать минут я об этом аэростате не слышал...

"Командир атакует первым..." До меня дошел глубокий смысл этой крылатой аксиомы. Это не значит, что первым бросается в атаку, увлекая за собой подчиненных, во всяком случае, не только это. Командир, где бы он ни находился, атакует первым противника своим замыслом, используя боевой опыт, тактическую подготовку... И это еще не все. Посылая своих подчиненных в бой, командир должен быть уверенным, что они сумеют выполнить задачу так же, как он сам, а может быть, даже лучше. И это "как сам или даже лучше" должен обеспечить опять же командир.

Простая, казалось бы, истина. Но сколь трудно дается она молодому командиру на практике. Вместе с ростом командирского опыта будет все время пополняться и расширяться содержание этой формулировки. В нес войдет и такое понятие, как воспитание. Да, командир, чтобы иметь право сказать "За мной!" и первым атаковать противника или приказать "Вперед!" и послать группу в бой, должен быть уверен, что не только научил подчиненных воевать, но и воспитал настоящих бойцов...

Самолеты, севшие после неудачной атаки аэростата, представляли собой печальное зрелище. Рваные пробоины на крыльях, изрешеченные осколками рули. По чистой случайности, которая, к сожалению, на фронте бывает редко, летчики остались живы.

Да, настроение не из лучших. Вчера молодые летчика совершили глупость, отправившись в самоволку, сегодня я сам, их командир, допустил глупость еще большую, непростительную. По своим возможным результатам...

Но пара вернулась. Ее вернул генерал Рязанов, наблюдавший с командного пункта на переднем крае, каким огнем встретили "яки" вражеские зенитки.

Я подробно расспросил летчиков о полете. Они, не подозревая моих командирских терзаний, виновато рассказали о том, как вышли от линии фронта на аэростат, висящий над второй линией окопов противника, как с ходу открыли огонь.

- Далековато, правда, товарищ майор, - оправдывался

Бабкин, - но уж очень там сильное зенитное заграждение. Развернулись мы, хотели опять идти. Да тут командир корпуса по радио приказал лететь... - лейтенант замялся, далеко, короче говоря, послал... И вам, товарищ командир, приказал... привет передать.

Но меня сейчас меньше всего беспокоил "привет" командира корпуса. Нужно было выполнить поставленную задачу. Я пригласил Гари Александровича Мерквиладзе. Несмотря на горячую грузинскую кровь, Герой Советского Союза Мерквиладзе отличался в воздухе абсолютной выдержкой. Еще раз оценили обстановку: ясно одно - в лоб аэростат не взять. Если и можно сбить, то ценой потерь или большой группой самолетов, предварительно отштурмовав зенитные позиции. Первое не хотелось допускать по вполне понятным причинам. Второе было запрещено. Еще получив приказ, я попросил у комдива разрешения послать группу побольше. Баранчук с обычной насмешливостью ответил: "А тебе штурмовую дивизию для поддержки не попросить у командира корпуса? Был приказ - минимум самолетов? Был. Зачем сомневаться? Да и не стыдно, на какой-то шарик больше пары истребителей посылать?"

Приказ ясен - бережем горючее, боезапас, самолетный ресурс для скорого наступления. Да и прав комдив: пара истребителей, способных сражаться с двумя, тремя парами "мессеров" или "фоккеров", не справится с неподвижно висящим аэростатом? Что бы ни говорили, а самолюбие в боевой обстановке тоже играет свою роль.

- Ну, что ж, Гари Александрович, давай думать о вариантах, - предложил я Мерквиладзе.

Мы начертили схему расположения аэростата, передовых позиций, выявленных зенитных средств. Нужно отдать должное Владимиру Бабкину, он сумел довольно точно их засечь. Обсудили несколько вариантов и остановились на следующем: лучше всего пролететь линию фронта в другом месте, уйти в тыл противника и выйти на аэростат оттуда. Если там и есть зенитки, то их меньше, чем с фронтальной стороны.

- Еще лучше, - предложил я Мерквиладзе, - пройти на бреющем. Метров за пятьсот - четыреста до аэростата делаете горку - и огонь.

На том и порешили. С Гари Александровичем пошел в паре лейтенант Кондратьев.

Немцы не ожидали нападения истребителей с тыла. Мерквиладзе первой же очередью попал в гондолу аэростата... Летчики получили от командира дивизии благодарность, а в моем командирском сознании появилась зарубка, оставшаяся на

всю жизнь: какое бы, пусть самое простое, задание ты ни давал подчиненным, подумай и подготовь как следует его выполнение.

Именно этому - подготовке к новым боям было посвящено все наше время в первой половине апреля 1945 года. Мы часто встречались со штурмовиками Одинцова, Бегельдинова, Балабина. Вместе изучали по аэрофотоснимкам, схемам, макетам объекты предстоящих штурмовок, отрабатывали вопросы взаимодействия с наземными войсками, в основном танковыми и механизированными корпусами.

В первой декаде месяца штабы корпуса и дивизии провели военные игры, летно-тактические конференции. На них мы досконально изучили свои задачи. Штурмовикам и истребителям корпуса Рязанова предписывалось прикрывать с воздуха сосредоточение войск ударной группировки на правом крыле фронта, массированными ударами содействовать войскам при форсировании реки Нейсе и прорыве обороны противника на всю тактическую глубину. Особое внимание уделялось авиационной разведке подходящих резервов противника и воспрепятствию их подхода к полю боя со стороны Берлина и Дрездена. В последующие дни наступления - задача сопровождать действия танковых армий на всю глубину их продвижения в направлении Котбуса, южнее Берлина.

Большое внимание наше авиационное командование обратило на тщательность подготовки первых массированных ударов по вражеской обороне, ее опорным пунктам, узлам управления, штабам и аэродромам.

На оборону Берлина гитлеровское командование стянуло все свои воздушные силы. Авиации нашего и соседнего 1-го Белорусского фронта противостояли 6-й германский воздушный флот и воздушный флот "Рейх". В эти фашистские авиационные соединения вошла истребительная авиация противовоздушных сил обороны Берлина и остатки других, когда-то считавшихся непобедимыми воздушных флотов, разбитых советскими летчиками в небе Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Кубани, Курска, Украины и Белоруссии. В этих двух флотах много летчиков, выпущенных ускоренными темпами по принципу "взлет - посадка". Собраны сюда и инструкторы летных школ. Это хорошие пилотажники, но они не имеют боевого опыта. На реактивных истребителях летают отменные пилоты, в основном летчики-испытатели.

Наше командование считало возможным прибытие под Берлин и авиации с Западного фронта, из 3-го воздушного флота. Во всяком случае, уже было известно, что немецкое командование бросает против нас не только все резервы, но и часть сил с запада.

Однако лучшие кадры Геринга были уже перемолоты в сражениях на советско-германском фронте. Под Москвой еще в сорок первом году был разгромлен 2-й воздушный флот - "краса и гордость" люфтваффе. Командовал им любимец Гитлера и Геринга Кессельринг. Уже к концу ноября этот флот, предназначавшийся для уничтожения нашей столицы, практически перестал существовать. При налетах на Москву он потерял подавляющую часть своего самолетного парка и основные кадры опытного летного состава, уничтоженные фронтовыми истребителями, авиацией и зенитчиками противовоздушной обороны столицы.

Геринг, чтобы оправдаться перед Гитлером за поражение в воздушной войне, сделал козлом отпущения на восточном фронте одного из известных асов первой мировой войны генерала Удета, который в то время был ответственным за обеспечение авиации материальной частью и не сумел быстро пополнить 2-й флот самолетами. Генерал Удет застрелился, и в его честь, с лицемерием, возможным только среди гитлеровской верхушки, была тут же названа авиационная эскадра. Эскадра "Удет" воевала под Сталинградом, остатки ее добиты на Кубани.

Чтобы скрыть от немецкого народа факт разгрома 2-го воздушного флота, фашистская клика объявила о его переброске с Восточного фронта на Средиземноморский театр военных действий. Но в Италию фактически отправился только штаб во главе с битым фельдмаршалом Кессельрингом.

Советской авиацией таким же образом были разбиты 4-й воздушный флот, знаменитый 6-й авиационный корпус Рихтгофена и прочие соединения люфтваффе.

Ясно, что тогда, в сорок пятом, мы не могли знать таких деталей, и можно было бы не подчеркивать в воспоминаниях о той далекой поре вышеизложенных подробностей. Но удержаться от этого трудно, потому что тот же фельдмаршал Кессельринг в послевоенных мемуарах без зазрения совести утверждает, что люфтваффе фашистской Германии были разбиты только усилиями авиации наших союзников - Великобритании и США.

Но, по достаточно авторитетным данным, подтвержденным послевоенными исследователями, даже весной сорок пятого года перед битвой за Берлин советской авиации противостояло 3300 самолетов, 72 процента их составляли истребители, среди которых было 120 реактивных. На Западном фронте в это время было не более 600 самолетов, и на те не хватало летных экипажей.

И конечно, нам, советским летчикам, смешно и досадно читать заведомо лживые откровения Кессельринга, с какими он

выступил в статье "Немецкая авиация". А в ней он ни больше ни меньше заявлял: "Первый сокрушительный удар по русской авиации способствовал тому, что она смогла оправиться только к концу войны"{9}.

Оставим на совести фашистского фельдмаршала эти слова, но советское командование сосредоточило на берлинском направлении около 7500 самолетов, входивших в авиацию трех воздушных армий, и авиацию Войска Польского. В нашей 2-й воздушной армии насчитывалось около 2150 самолетов. Против нас действовало более 1000 самолетов противника. Перевес был в нашу пользу, но враг имел преимущество в аэродромной сети. Он располагал хорошо оборудованными посадочными полосами, укрытиями для самолетов, пунктами управления, радиолокационными станциями. Кроме того, для обороны фронтовых объектов, и особенно крупных населенных пунктов и самого Берлина, использовались большие силы зенитной, в том числе крупнокалиберной артиллерии.

Словом, борьба предстояла серьезная. После сборов в корпусе и дивизии мы провели целый ряд занятий в полку. На них обсудили характер наших действий при выполнении всех поставленных задач.

Многое сделали в этот период мои заместители майор Г. И. Смирнов и подполковник П. С. Хвостиков, прибывший в полк совсем недавно. Хвостиков, умелый методист, отличный пилотажник, "вывозил" молодых летчиков на воздушные бои, на групповую слетанность, учил их быть настоящими ведомыми. Майор Смирнов больше занимался с пилотами, которым предстояло быть ведущими групп. Вместе с Николаем Шуттом они разрабатывали типовые варианты атак противника в разных условиях и в то же время демонстрировали летчикам ведение боя не по шаблону, а творчески, инициативно.

Буквально за два дня до начала наступления, а точную дату тогда мы, конечно, не знали, в полку провели летно-тактическую конференцию. На ней еще раз тщательно обсудили задачи полка, действия групп, ведущих, ведомых. Выступили почти все наши асы - Герои Советского Союза Меншутин, Мерквиладзе, Дунаев, Кузьмичев, Шутт. Они поделились своим опытом, "секретами" мастерства, рассказали об особенностях поведения фашистских летчиков в разных условиях воздушной обстановки.

Выступил на конференции и Герой Советского Союза Иван Корниенко... именно Корниенко, который не вернулся с задания около двух месяцев назад.

...Как мы и предполагали, Ивана тяжело ранило. Почти в беспамятстве он нашел в себе силы и выровнял самолет перед

самой землей. От удара, потери крови был без сознания. Очнулся от грубых толчков. Вокруг самолета люди в какой-то непонятной форме - и вдруг русская речь:

- Отлетался, вылезай!

Это были власовцы. Предатели не гнушались никакой грязной работы, никаких бесчинств. И сейчас, видя, что война немцами проиграна, в бессильной злобе и зверином страхе они были способны на все.

Захватив раненого летчика, предатели долго измывались над ним. От окончательной расправы Корниенко спасли, как это ни странно, его победы в боях с фашистами. Власовцы поняли, что перед ними далеко по рядовой летчик, о чем свидетельствовали ряды звездочек на фюзеляже самолета. Они решили, что их хозяева за убийство такого важного пленника не похвалят, и сдали Ивана в жандармерию.

После допросов, издевательств немцы бросили раненого летчика в лагерь, не оказав ему никакой медицинской помощи. На теле Ивана на всю жизнь остались следы от зубов овчарок, шрамы от побоев. Трудно представить, как раненый, ослабевший от голода и побоев человек смог бежать из лагеря. Остается только восхищаться огромной силой духа советского человека Корниенко бежал. Шел навстречу наступающим войскам и вскоре оказался у своих. После необходимой в таких случаях проверки, которую облегчило взятие нашими войсками лагеря военнопленных, он, отказавшись от отдыха и лечения, вернулся в полк.

- Ты понимаешь, - говорил мне как-то Иван, - это не люди, даже не звери. Природа не могла создать таких. Ну ладно, война - в бою меня убивают, я убиваю. Но издеваться над беззащитным человеком... Ну и бить же я их буду!

Поначалу я очень боялся выпускать Ивана в воздух. Боялся потому, что он в своей ненависти, ярости мог потерять обычное хладнокровие, допустить промах. Но скоро понял, что опасения напрасны. В воздухе Иван оставался таким же расчетливым бойцом, каким был и раньше. А вот на земле он не мог видеть немцев.

Нет, Иван не хватался за пистолет, не плевал в их сторону, не ругался последними словами. Немцев для него словно не существовало. Один раз мы только чуть было не поссорились с ним из-за этого.

На нашем аэродроме с самого начала пребывания здесь появилась корова. Обыкновенная корова, которую солдаты звали по-русски Буренкой. Откуда она взялась, сказать трудно: то ли была еще при немецкой наземной команде, то ли прибрела с

соседних хуторов или имений, брошенная хозяевами, бежавшими на запад. Так что любители парного молока в летной столовой могли им побаловаться.

Как-то мы возвращались на машине из штаба дивизии. По шоссе устало брели беженцы. Поверив геббельсовской пропаганде о том, что советские войска уничтожают все на своем пути, эти несчастные люди бросили родные места и ушли на запад. И вот сейчас возвращались домой женщины, дети, старики.

У поворота с шоссе на аэродром я заметил сидящую прямо на обочине женщину. Обреченно уставившись в одну точку, она не видела ничего. Не смотрела даже на детей, которые копошились в пыли у ее ног. Их было трое, оборванные, грязные, они во что-то играли. Дети есть дети...

- Невеселая картина, - сказал Кузьмичев.

- Нормальная, - зло бросил сидевший с ним рядом на заднем сиденье Иван Корниенко, - нормальная... У нас почище были картинки.

Я был согласен с Иваном. Невольно вспомнилась и виселица в селе под Харьковом, и девчата, мои одногодки, угнанные из села фашистами, и избитый дед Павло. Но здесь - голодные дети...

- Покормить бы их, - предложил Кузьмичев.

Иван молчал.

У запасливого шофера нашлось несколько бутербродов. Мы с Кузьмичевым вышли из машины и протянули бутерброды женщине. Она испуганно посмотрела на нас и еду не взяла. За нее это сделали ребятишки. Они с веселыми возгласами похватали бутерброды, отдав, между прочим, один матери.

- Ну вот, - улыбнулся Кузьмичев, - нам и представился случай побеседовать с местным населением. Попробуем объяснить им цели и задачи нашей армии, как это рекомендует Военный совет.

Однако знаний немецкого языка нам хватило лишь на то, чтобы выяснить, что женщина эта крестьянка из небольшого селения за Бунцлау. Куда идти, она не знает. Дом ее был разрушен, еще когда они уходили на запад, корову продали в прошлом году. А без дома, без коровы что она может дать детям?

- Слушай, Василий Михайлович, отдадим ей нашу корову, добредет она до своей деревни. Корм сейчас - вот он, под ногами. И ребятишки, глядишь, выживут, - предложил неожиданно Иван Федорович.

Я заколебался, вспомнил деда Павло, как увели у него последнего в селе теленка. Может, корова и выросла из того теленка? Они нас грабили, а мы...

- Ну? - тронул меня за рукав Кузьмичев, - посмотри на них, не

выкормит она ребятишек.

- Давай, - махнул я рукой, - отдадим. Довезем их до городка на машине, отдадим корову, а оттуда дойдут пешком до шоссе. Недалеко, километра полтора. Да и покормим как следует. Не испугаются?

Но женщина на предложение: "Битте, фрау, с киндерами в машину", не испугалась. Она безропотно встала и, даже не посмотрев на детей, пошла к автомобилю.

- Ну, это уже дикость, - возмутился Кузьмичев, остановив женщину, показал ей на детей: "Киндер, киндер с собой..."

Только сейчас на ее лице промелькнуло какое-то подобие улыбки.

- Не то забитые, не то перепуганные. Черт ее знает что! - не мог остыть Кузьмичев. - Ей все равно, что с ней будет, но о детях-то думать надо!

Долго пришлось объяснять немке, когда солдат подвел к ней корову, что Буренка теперь ее и пусть она поит молоком своих "киндеров". Когда она поняла это, бросилась со слезами в ноги солдату, обняла его кирзовые сапоги и начала было целовать их.

- Во до чего гитлеры людей довели, - подняв женщину с земли, пробурчал солдат.

Молча наблюдавший за этой сценой Корниенко подошел ко мне:

- Это за все то, что они у нас, гады, натворили? - сквозь зубы спросил он. - Ты забыл, с какой злостью сам рассказывал о своем деде и его телке? Как они его били? И как ты обещался деду отомстить за его оскорбление? Ты забыл Багеровский ров, Бабий Яр, Освенцим? Забыл виселицу в селе под Харьковом?

Я не мог и не имел права осуждать Ивана. После того что он перенес в плену, нужно время, чтобы зарубцевались глубокие душевные раны, которые залечить неизмеримо трудней, чем раны на теле.

Я уверен и знаю, что таких горячих споров и разговоров об отношении к немцам много было в нашей армии. Не все сразу, как и Иван Корниенко, поняли, что добро наше не библейское "добро за зло", а воплощение идей пролетарского интернационализма, что гуманизм наш не вседобренький гуманизм, а гуманизм боевой, наступательный, активно борющийся. И не случайно паша партия, правительство, Верховное Главнокомандование обращало самое серьезное внимание на разъяснение войскам, вступившим на территорию многих стран Европы, значения освободительной миссии Советских Вооруженных Сил.

Быстро летели апрельские дни. К нам зачастил командир

дивизии со своими офицерами. Это уже явный признак: время "Ч" приближается. Генерал Баранчук часто беседовал с летчиками, с командирами подразделений, со мной как с командиром полка. Немало ценного я вынес для себя из этих бесед. Баранчук строго предупредил:

- Вылетает половина полка и больше - твое место в воздухе. Небольшие группы - командир полка руководит с земли. Но всегда атакует первым!

- Это я уже понял, товарищ генерал.

Впервые за все время напомнил он мне о раненом позвоночнике:

- Так-таки он тебя и не беспокоит? Только правду. Сейчас уже бояться нечего. До конца войны долетаешь... А там врачи будут смотреть.

Пришлось сознаться, что положение неважное. Нет, не с позвоночником, а с корсетом. "Кольчуга" грузина сапожника стойко переносила все невзгоды военного кочевья, воздушных боев, но уже потерлась, расползлась. А без корсета, особенно в воздухе при перегрузках, травма давала о себе знать.

- Точно? Все дело в этом корсете? - испытующе поглядев на меня, спросил комдив и тут же загремел: - А чем у тебя врач занимается? Это его прямая обязанность - лечить... в смысле следить... короче, пусть он обеспечивает твою боеспособность и ремонтирует этот корсет-жилет.

Баранчук успокоился:

- А сейчас пойдем, поговорим с личным составом.

Командир дивизии выступал с подъемом, горячо. Он сказал, что приближается решительный день войны с фашизмом, день Великой Победы. "Воевать нужно дерзко, смело, умело", - призывал Баранчук, и весь полк, затаив дыхание, слушал генерала...

Я давно убедился в важности выступления перед решающими боями старших командиров, политработников. Уже сам факт их выступления, воодушевляющей речи настраивает людей на боевой лад, поднимает в их глазах значение предстоящих событий. К тому же, опыт, знание дела, личный авторитет руководителя оставляют большой эмоциональный след в сознании людей. Так было и на этот раз. После митинга в эскадрильях состоялись открытые партийные и комсомольские собрания, на которых не только коммунисты и комсомольцы, но и беспартийные давали слово драться с врагом, обеспечивать боевые вылеты лучшим образом.

Перед самым отлетом генерал Баранчук поставил мне уже конкретную задачу.

- Завтра с утра небольшими группами перегоняешь полк на аэродром Газель. Небольшими группами - чтобы немцы не засекли массовый перелет нашей авиации к линии фронта. Так же - парами, четверками - организовать облет района. Посмотреть с воздуха на передний край, на цели, которые изучали на земле. Начеку дежурные экипажи. Чтобы ни один самолет противника не налетел на аэродром. Остальное все, как разыгрывали. Впрочем, учти, что на первый день наступления у штурмовиков будет не совсем обычное задание. Какое? Узнаешь. Нам, истребителям, задача одна и та же - чтобы ни один "ил" не был сбит...

Берлин - Прага

В эту апрельскую ночь, как и всегда, я проснулся ровно за одну минуту до зуммера полевого телефона, коробка которого стояла у изголовья кровати. Тоже, видимо, профессиональное качество военного человека - просыпаться за несколько секунд до часа, назначенного на подъем.

Вчерашний день был похож на сотни таких же, давно ставших привычными, фронтовых дней. Доклад оперативного, разговор со штабом дивизии, совещание руководящего состава полка, задачи на день, организация вылетов, их разбор, определение боевых расчетов групп, вылетающих завтра, подготовка летчиков, ведущих групп к выполнению предстоящих заданий, уточнение задач у командира дивизии.

Да, вчерашний день ничем не отличался от предыдущих и в то же время был не совсем обычным. И разница эта - прежде всего в настроении людей. Конечно, никто, в том числе и я, не знал сроков наступления. "Когда?" - этот вопрос задавал себе каждый из нас. Ответить на него еще три-четыре дня назад было невозможно. Но последние события говорили о том, что скоро, очень скоро. Во-первых, мы перелетели на аэродром, расположенный в восьми километрах от реки Нейсе, на противоположном берегу которой укрепился противник. Во-вторых, полеты мелкими группами для знакомства с линией фронта, характерными ориентирами. В-третьих, что самое главное, митинг, проведенный политотделом дивизии, выступление на нем генерала Баранчука. И, наконец, задание, полученное на сегодня: выделить группы не менее десяти - двенадцати истребителей для сопровождения штурмовиков. Значит, вылеты будут массированные, а так мы обычно летаем во время наступления.

Уже к вечеру комдив вызвал к телефону, поговорил о погоде на завтра, поинтересовался настроением людей и довольно-таки будничным голосом предупредил, что на завтра готовность полка к вылету в три тридцать. Уже совсем поздно поступил приказ: в

четыре утра объяснить личному составу задачи на наступление - а днем о сроках наступления никто не знал.

Никто не знал, но все чувствовали: скоро! Во второй половине дня заместитель по политической части майор Кузьмичев попросил разрешения провести в эскадрильях партийные собрания. Я удивился:

- Иван Федорович, два дня назад проводили. Есть ли необходимость?

Оказалось, что есть. В партийные организации поступило довольно много заявлений о приеме в партию. Откладывать такое дело было бы неправильным. Я уже давно обратил внимание, что приток заявлений о приеме в партию возрастал именно вот в такие знаменательные дни. В начале войны он увеличивался во время ожесточенных боев с наступающим противником, поздней - перед наступлением и в его ходе, когда от людей требовался огромный труд, самоотверженность, мужество. В спокойные дни, во время затишья, солдаты и офицеры словно стеснялись сделать этот большой определяющий шаг. Да, сила партийного влияния всегда велика, но во сто крат она возрастает в трудные и ответственные моменты.

В этот день кандидатами в члены партии стали несколько молодых летчиков, солдат-механиков, офицеров-техников. Мы с Кузьмичевым поздравили каждого и пожелали им достойно выполнить воинский и партийный долг в предстоящих боях.

О том, что люди предчувствуют события, говорил и маленький, на первый взгляд, незаметный факт. Когда я поздно вечером уходил из штаба, один из писарей все еще ставил штампы на конверты наших писем на родину, лежащих большой пухлой пачкой.

Отправил и я письмо Шуре - всего несколько строчек. На большое времени не было. Сообщил, что жив-здоров, что, судя по всему, войне скоро конец и настанет день долгожданной встречи...

Раздался зуммер. Оперативный дежурный поздоровался, доложил, что все нормально. Пока я разговаривал по телефону, Кузьмичев, спавший на соседней кровати, уже встал. С его помощью я зашнуровал корсет, приведенный в порядок врачом, и, как всегда, тепло подумал о старом сапожнике из Тбилиси.

В два часа десять минут ночи мы с Кузьмичевым уже шли к командному пункту. Немного рановато, до общего подъема еще около двух часов, но настроение, которое уже вчера владело всеми, заставило нас сегодня подняться раньше.

На улице глухая темнота. Только на западе, там, где протекала река, небо то и дело освещалось сигнальными

ракетами. Было тихо.

- Что же, Иван Федорович, пожалуй, это будет "последний и решительный бой", - сказал я, вспомнив слова Кузьмичева о том, что "вдруг это еще не конец, вдруг война продлится еще долго".

В темноте чувствую, как он улыбается:

- Да, сейчас и я в этом уверен. Как вот только погода, - без связи с предыдущими словами перешел он к нашей главной заботе, - а то нам частенько не везет. Люди наступают, а нас непогода к земле прижимает.

Он прав. Сейчас в темноте трудно определить нижний край облачности, но то, что она есть, и плотная, ощущается. Синоптик хорошего не обещает. Говорит, что северней метеоусловия еще хуже. У нас облачность десять баллов, по без осадков.

Звоню в дивизию. Оперативный дежурный говорит, что все остается без изменения. Задачу несколько позднее уточнит сам генерал Баранчук.

С начальником штаба, инженером полка, руководителями служб, которые тоже сегодня поднялись рано, уточняем последние детали. Кажется, предусмотрено все: от выноса знамени на аэродром до ускоренной подготовки самолетов к очередным вылетам.

А вот и звонок командира дивизии. Баранчук опять-таки будничным, на удивление спокойным голосом интересуется делами, отдает распоряжения:

- В дополнение ко вчерашнему: твои идут с Девятьяровым. Он летит на бреющем, ставит дымы. Прикрыть его и внизу хорошо, а главное, чтобы сверху ни один фашист не проскочил. От ударной группы четверку выдвинь чуть вперед. Задание выполнят, сразу домой - и в готовность к следующей работе. Там по плану. Еще раз обрати, Василий Михайлович, внимание на точность прохода туда и обратно... Ну, поздравляю...

Теперь понятно, в чем дело. Штурмовики будут ставить дымовую завесу. А последнее напоминание, хотя мы это условие хорошо, помним, тоже не лишнее. Я представляю, сколько самолетов всех типов будет сегодня в воздухе.

В летной столовой после завтрака еще раз уточняю условия и особенности вылета. Во время подлета штурмовиков к нашему аэродрому мы должны быть уже в воздухе - до линия фронта, реки Нейсе, всего несколько минут.

Летчики - ветераны и молодежь - сидят притихшие. Сколько бы ни было на твоем счету воздушных боев, боевых вылетов, перед каждым новым по-прежнему волнуешься. Тем более, перед такими вылетами, которые - ты уже уверен последние, решающие...

Несмотря на озабоченность, все ли, действительно, ты сделал, все ли предусмотрел, все ли готово, ощущение необычайности сегодняшнего дня не покидает ни на минуту... И вот у стартового командного пункта в начале взлетной полосы останавливаются знаменосцы. Чуть колышутся от легкого утреннего ветерка полотнища полковых знамен: боевого и гвардейского. Думать о чем-то постороннем, мне кажется, даже об очень важных делах в такие секунды просто невозможно. Только чувство огромной всеобъемлющей гордости, непередаваемое ощущение неразрывности, единства с великим делом, беспредельной преданности этому делу...

Летчики в кабинах самолетов. Заряжены ракетницы. С минуты на минуту я прикажу подать сигнал "В воздух". И вот наступает время "Ч" - время долгожданного и последнего наступления. Одновременно с гулом запускаемых моторов земля буквально содрогается от грохота. Впереди аэродрома, слева, справа, сзади грохочет канонада. Бьют все виды артиллерии: гаубицы, тяжелые орудия. Утреннее небо прорезают трассы реактивных снарядов гвардейских минометов - "катюш".

И даже отсюда, с расстояния восьми километров от линии обороны противника, видно, как там, на левом берегу Нейсе, поднимаются вверх столбы пыли и дыма. Под грохот артиллерийской канонады мне кажется, что истребители взлетают беззвучно. Одна за другой уходят в воздух группы Меншутина, Корниенко, Усова, Шутта. Чуть в стороне от аэродрома проходят над самой землей штурмовики. Выше плывут бомбардировщики.

Как ни хотелось мне сесть в кабину самолета, приказ есть приказ: командирам полков первым вылетом руководить с земли. Но во втором-то уж я поднимусь в воздух.

С утра до вечера в этот памятный день, 16 апреля, знамена полка провожали и встречали летчиков. В первом вылете штурмовики под прикрытием истребителей поставили дымовую завесу вдоль реки Нейсе над окопами противника! Летчики нашего полка, вернувшись с задания, были восхищены точностью работы штурмовиков. Сам я убедился в этом через двадцать минут, когда повел очередную группу прикрытия. На левом берегу Нейсе неописуемая картина молниеносно вспоротой обороны: дым, пыль, огонь клубились над первой полосой окопов противника.

В одном из вылетов уже при возвращении домой я заметил, что с северо-запада, со стороны Берлина, идет знакомый мне самолет-корректировщик. Я спросил по радио разрешения атаковать его. Командир корпуса ответил:

- Не только можно, но и нужно.

Передав командование группой Ивану Корниенко, парой со своим ведомым Александром Божко начал разворачиваться с набором высоты. И только в этот момент заметил, что "хеншель" прикрывает пара истребителей ФВ-190. Звать своих на помощь было поздно и непростительно, потому что пара на пару соотношение вполне нормальное.

"Фоккеры", судя по всему, нас еще не видят - они идут сзади "хеншеля" и чуть выше. Решил сначала атаковать истребителей. Для Александра Божко это, пожалуй, первый серьезный воздушный бой. Главное, чтобы он не оторвался от меня. Ничего, пока все хорошо - скоро будем на траверзе с целью, но у нас значительное преимущество в высоте. Еще немного, разворот и на всякий случай предупреждаю по радио ведомого:

- Саша, разворот вправо!

Решаю бить по ведущему, хотя логичнее открыть сначала огонь по ведомому - он ближе ко мне. Но считаю, что ведущего, более опытного летчика, сбить сейчас выгодней. Это во-первых. Во-вторых, ударить по ведомому дам возможность Божко.

Пора! Палец жмет гашетку. Самолет мелко вздрагивает от отдачи пушек. Трасса, не успев оторваться от стволов, тут же впивается в самолет противника, и он сразу теряет управление. Не оглядываясь назад - нужно верить ведомому, - ищу "хеншеля". Решение сбить его с ходу пришло именно сейчас.

Корректировщик начинает маневрировать, огрызаться пулеметными очередями. Но уже поздно. С небольшого расстояния всаживаю в него длинную очередь. Успеваю заметить, что тот кренится на левое крыло. Проскакиваем цель - под нами, похоже, линия фронта. Вдоль шоссе - ожесточенный танковый бой. На северо-западе - в дымке дома Котбуса. Район знакомый. Корректировщик, почти пикируя, идет к земле. В этом же районе несколько в стороне вижу, как, врезавшись в землю, взрывается "фокке-вульф". А где же второй истребитель? Уж не в хвосте ли? Нет, не вижу. Спрашиваю ведомого:

- Где второй?

- Ушел назад.

Хотел было упрекнуть Божко: "Что же ты его отпустил?", но тут же подумал, что слова мои будут несправедливы. Раз уж он не попал первой очередью, уходить даже за "выгодным" противником, бросив ведущего, не положено. Сам этому учу.

Возвращаемся домой. Слышу по радио довольный голос Рязанова:

- "Шевченко", благодарность тебе от маршала! Понял?

Я машинально ответил: "Понял". Хотя на самом деле смысл

его слов до меня, как говорится, еще не дошел. "При чем тут маршал? Откуда?" - долго недоумевал я, прежде чем стало ясно: маршал у нас - командующий фронтом. Но можно было только предполагать, почему я так быстро получил благодарность от И. С. Конева. А предполагать да размышлять о вещах, не относящихся к полету, в боевой обстановке некогда.

В конце дня на наш аэродром прибыл генерал Рязанов и приказал построить полк. Я совершенно не представлял, по какому поводу столь срочное построение. Сам Рязанов ничего не объяснил, только загадочно улыбался. А разгадка всему наступила после того, как я доложил командиру корпуса, что личный состав 152-го гвардейского истребительного авиационного полка построен.

Генерал сделал ко мне те три шага, на расстоянии которых я остановился для доклада:

- Товарищи, - обратился он к личному составу полка, - сегодня ваш командир полка, гвардии майор Шевчук, в одном бою великолепнейшим образом сбил два самолета противника: ФВ-190 и ХШ-126. За боем наблюдал командующий фронтом Маршал Советского Союза Конев. Он объявил гвардии майору Шевчуку благодарность и наградил орденом Красного Знамени...

Что скрывать - я был необычайно рад и счастлив: боевая схватка, двойная победа, высокая награда. А перед отлетом генерал Рязанов, хитровато улыбнувшись, почти на ухо шепнул мне:

- Не хотел я тебе говорить, да ладно уж. Иван Степанович Конев спросил - сколько у тебя сбитых? Когда узнал, что есть полтора десятка, приказал оформить представление на звание Героя Советского Союза. Это мы и сами собирались сделать, а теперь тем более... Ну, еще раз поздравляю!

Командование 2-й воздушной армии старалось сделать все, чтобы аэродромы истребительных и штурмовых частей находились как можно ближе к действующим войскам. Мы перелетели с восточного берега Нейсе на аэродром Финстервальде благоустроенный, укрытый. Разрушить его сооружения немцы не успели - так стремительно наступали танкисты генерала Д. Д. Лелюшенко. С этого аэродрома мы летали на Берлин, на его пригороды, на Потсдам, с него начали летать на помощь братскому чехословацкому народу.

Мне этот аэродром запомнился еще и потому, что на нем выкинул очередную шутку Николай Шутт, которая на этот раз чуть не кончилась для него и для Гари Мерквиладзе трагически. Случилось это буквально в первые минуты пребывания здесь. Мы с начальником штаба и связи полка развертывали командный

пункт, как вдруг на одной из окраин аэродрома раздалась орудийная стрельба. Первая мысль - на нас наскочили отступающие немцы. Нет, стреляли наши зенитки. И тут же над самой землей затарахтел маленький - не то связной, не то учебный - немецкий самолетик. Он довольно ловко маневрировал, но высоту не набирал и от аэродрома не уходил. А но нему - стрельба уже со всех сторон, ведь на хвосте явственно виден паук фашистской свастики. Стреляли по самолетику уже из винтовок и пистолетов, но он упорно не улетал и даже пытался зайти на посадку. Я понял - тут что-то не так. Передал приказание зенитчикам прекратить огонь. Самолетик, неловко коснувшись летного поля, подскочил несколько раз, приземлился и лихо подрулил к командному пункту.

Из кабины вылез... конечно, Николай Шутт. Вторым членом экипажа, к сожалению, оказался вполне серьезный человек - Гари Мерквиладзе.

...После прилета на новый аэродром, пока боевых заданий не было, они пошли посмотреть ангары и стоянки самолетов. Нашли вот этот учебный аэропланчик. Естественно желание летчика - посидеть в кабине. Самолет оказался исправным и заправленным. Разобрались в приборах, попробовали запустить. Получилось. Гораздый на выдумки и проделки Шутт подумал: "А почему бы не полетать на трофее?" Придумано - сделано. Мерквиладзе не успел ни отговорить Николая, ни выскочить из кабины - тот с ходу пошел на взлет и сообразил, что летит на самолете с фашистскими опознавательными знаками только тогда, когда увидел разрывы зенитных снарядов.

Спасла их малая высота и то, что зенитчики не успели еще как следует оборудовать позиции. Нужно отдать, правда, должное мастерству летчика маневрировал он на незнакомом самолете весьма энергично и умело. Однако ему пришлось испытать яростный гнев командира дивизии, не говоря уже о моем. Зенитчики сразу же доложили о "хулиганстве в полку майора Шевчука" в штаб дивизии. Баранчук моментально прилетел к нам: передать весь разговор и красочность эпитетов, которыми комдив определил проступок Николая, невозможно. Это я понятно: из-за мальчишеского недомыслия Шутта мы могли потерять в самом конце войны двух замечательных летчиков, двух Героев Советского Союза.

Генерал Баранчук, не вняв никаким просьбам и обещаниям, что это "в последний, самый-самый последний раз", отстранил капитана Шутта от полетов. Досталось Николаю, конечно, и от меня, и от Кузьмичева, и от товарищей. Летчики полка продолжали воевать, а Герой Советского Союза гвардии капитан

Шутт сидел возле командного пункта и тоскливо смотрел вслед уходящим в небо истребителям.

В этот день мы вместе со штурмовиками из дивизии полковника Донченко летали по вызову командира корпуса. Он находился в городке Трейенбритцен, на окраине которого танкисты генерала Лелюшенко вели ожесточенные бои с танками армии Венка. Фашисты все еще стремились к Берлину на выручку фюреру и его приспешникам. Танковые группы противника сопровождало большое количество пехоты и штурмовых орудий.

Командарм Лелюшенко и командир 1-го штурмового авиационного корпуса генерал Рязанов, как мы узнали позже, располагались в это критическое время на крыше одного из самых высоких зданий на окраине Трейенбритцена - оттуда вся сложившаяся обстановка была видна как на ладони. По радио нацеливали и перенацеливали соответственно каждый свои подчиненные части и соединения на самые важные участки и объекты. В основном это были танковые группы наступающих войск армии Венка.

Штурмовики были вооружены эрэсами и ПТАБами, мы - фугасными и зажигательными бомбами, и группы по 18-20 самолетов наносили удар за ударом - благо от аэродрома до места сражения было всего три десятка километров. "Илы" штурмовали в основном танки, мы бомбили и обстреливали живую силу, артиллерийские позиции, подавляли зенитные средства. Для прикрытия с воздуха на всякий случай оставалась небольшая группа истребителей.

В воздухе драться уже не с кем - мы видели самолеты только со звездами на крыльях. Было, правда, несколько случаев, когда на значительном расстоянии от нас на огромной скорости проносились реактивные "мессершмитты". Но и они к нашим большим группам не подходили. И уже известен был целый ряд случаев, когда советские летчики на обычных "яках" и "Лавочкиных" успешно сбивали это последнее "чудо" фашистской боевой техники.

А вот танки с запада с настойчивостью механических роботов шли и шли на наши войска, вынужденные занять оборону. Теперь, конечно, общеизвестно, что гитлеровское командование делало все возможное, чтобы сдержать наступление советских войск, и тогда большая часть территории Германии окажется захваченной войсками наших союзников. Сдаваясь на западе в плен американцам целыми частями, соединениями, крупными гарнизонами, фашисты под Берлином, на всей территории к востоку от Эльбы прикладывали все усилия для срыва нашего наступления на логово Гитлера.

Но советские танковые, стрелковые, артиллерийские части и авиация перемалывали наступающие фашистские войска под Трейенбритценом и на других участках, лишали гитлеровских главарей последней надежды. Рассказывая в своих воспоминаниях об упорных боях в этом районе, командующий 1-м Украинским фронтом особо подчеркивает роль авиации и именно 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса.

"Штурмовики Рязанова, - писал Маршал Советского Союза Конев, - имевшие большой опыт борьбы с танками, и на этот раз превосходно показали себя. Парируя удары достаточно сильной и крупной группировки противника, они помогли не только 5-му гвардейскому мехкорпусу и армии Лелюшенко, но и всему нашему фронту"{10}.

2 мая поздно вечером, почти ночью, мы слушали приказ Верховного Главнокомандующего: войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов овладели "столицей Германии городом Берлин - центром немецкого империализма и очагом гитлеровской агрессии".

Но война еще не кончилась. В руках фашистских войск оставался Дрезден, в тылу у нас, на берегу Одера, сопротивлялся гарнизон города Бреслау, и, главное, на территории Чехословакии вела боевые действия сильная группировка генерал-фельдмаршала Шернера. Уже 7 мая в своем приказе Шернер писал: "Неприятельская пропаганда распространяет ложные слухи о капитуляции Германии перед союзниками. Предупреждаю войска, что война против Советского Союза будет продолжаться". А 5 мая многие радиостанции, в том числе и наши, армейские, приняли радиограмму, в которой восставшие против фашистов жители Праги просили оказать им помощь.

Наш полк прямо с аэродрома Финстервальде начал летать не на север, где над поверженным Берлином развевался флаг Победы, а на юг, в направлении столицы Чехословакии, куда уже шли танковые армии фронта. Летчики проводили разведку, штурмовку живой силы и техники противника, наносили удары по железнодорожным узлам и станциям, чтобы не дать маневрировать войскам Шернера.

Удачно обрабатывали наземные цели, стали настоящими штурмовиками многие летчики полка, в том числе и из последнего пополнения: Анатолий Турунов, Алексей Комаров, Алексей Иванюк, Виктор Лебедев, Станислав Внуков. Все они заслужили за эти боевые вылеты правительственные награды. Но в предпоследний день войны, 8 мая, мы потеряли одного из них - Алексея Иванюка.

Группа, в которой Иванюк шел ведомым замыкающей пары,

возвращалась после выполнения задания. На его самолете что-то случилось с мотором, и он понемногу начал отставать. Здесь его и подстерег один из фашистских летчиков на реактивном самолете. На большой скорости он промчался позади группы и пущенной в общем-то наугад очередью из пушек попал в самолет Иванюка. Алексей был убит, видимо, сразу.

Еще одна утрата, понесенная полком... Во многом были виноваты в гибели молодого летчика и мы: те, кто был в группе с Алексеем, и я как командир полка, хотя и находился в это время в воздухе в другом районе, под Виттенбергом. Мы объясняли это себе тем, что давно не встречали сопротивления противника в воздухе, утратили бдительность в полете. Если бы все летчики группы ни на секунду, как это положено, не забывали об осмотрительности, они могли бы вовремя заметить реактивного хищника. Тем более что в полку недавно был случай, когда именно осмотрительность и мастерство определили победу нашего летчика, Гари Александровича Мерквиладзе, над таким же реактивным истребителем, действующим так же внезапно.

Мерквиладзе, несмотря на то что был занят поиском наземной цели, вовремя увидел приближающегося к нему противника. По скорости сближения Гари Александрович определил, что это именно реактивный самолет, не растерялся, спокойно и расчетливо выждал, когда противник подойдет к нему ближе, делая вид, что -не замечает его. За мгновение до того, как фашистский летчик открыл огонь, Гари бросил свой истребитель в сторону. Очередь прошла мимо. Следом за ней мимо проскочил и "мессер". На большой скорости он не мог повторить маневр нашего истребителя, уточнить прицеливание. Зато Мерквиладзе момент не упустил, он сразу же повернул истребитель влево, на линию пути вражеского самолета, точно рассчитал упреждение в открытии огня и нажал гашетку. Реактивный истребитель, прошитый мощной очередью "яка", задымив, пошел к земле.

В группе Алексея Иванюка забыли об осмотрительности. И уж совсем непростительным было оставить без внимания отставшего товарища. Случилось то, о чем мы беседовали с Иваном Федоровичем Кузьмичевым перед началом наступления: конец войны, и кажется, что меньше опасности, а значит, больше беспечности. Но война - до последнего выстрела война...

Вечером в полку было такое настроение, что невозможно описать двумя-тремя словами. Радостное предчувствие мира, сознание, что ты получил еще один шанс выжить в это страшное время (теперь об этом уже можно думать!) и невыразимая горечь потери боевого товарища. Его гибель как бы оттеняет, подчеркивает ощущение твоей собственной жизни. И от этого еще

тяжелее становится мысль о том, что ему, Алексею Иванюку, этого чувства уже не изведать.

Чем ближе победа, тем чаще ты мечтаешь о дне, когда живым и невредимым вернешься к своим близким. Ты всем своим существом стремишься к этому дню. Ты не можешь сдержать радости и не в состоянии ее выразить - сдерживает мысль о погибшем. Неизмеримо вырастает в конце войны великое чувство радостного и трагического, которое потом назовут Чувством Победы.

За ужином в летной столовой, где обычно обсуждаются события минувшего дня, не слышно ни забористых шуток, ни веселого смеха. Но никто не посмотрит косо на товарища, если он чему-то улыбнется, если в глазах его блеснет отсвет хорошо прожитого дня, в течение которого он выполнил три боевых вылета, от хорошей весточки из дома. Нет, и в такие дни не будет у летчиков глубокого молчания, когда перед лицом смерти каждый остается один на один со своими невеселыми думами о бренности человеческой жизни. Жизнь и смерть. Радость и горе. На фронте они всегда рядом.

Вот и сейчас разве я могу не радоваться, когда в столовую входит группа летчиков и среди них я узнаю своего старого товарища, с которым давно не виделись, - Анатолия Кожевникова.

Сегодня во время одного из вылетов под Виттенберг (это на восточном берегу Эльбы) на штурмовку какого-то недобитого штаба гитлеровцев я услышал в воздухе знакомый голос и позывной. Для того чтобы убедиться в правильности предположения, я бросил в эфир:

- "Кобра"! "Мессы" в воздухе! Левый глаз, смотри, выбьют! Я "Шевченко", прием!

- "Шевченко"! Я - "Кобра"! Сегодня вечером буду у тебя в гостях и быть тебе без левого глаза! А "мессов" я уже забыл когда видел!

Кое-кто, прочитав этот диалог, начатый нами в воздухе во время выполнения задания, невольно улыбнется его бессмысленности. Другой, более строгий читатель, рассердится - серьезные люди и допускают такое озорство! Все правильно - несерьезный разговор. Но стоит ли так строго судить? Ведь нам, пусть мы и командиры авиационных полков, едва наберется двадцать пять лет. И могу заверить, мы очень серьезно и самоотверженно относились к своим обязанностям. Но иногда молодость просто брала свое, и прорывалось неиссякаемое безрассудное мальчишество! А выражение насчет "левого глаза" еще до войны было крылатой фразой, взятой из какого-то популярного кинофильма.

Правда, когда я услышал обещание Толи Кожевникова, что он сегодня вечером нагрянет ко мне в гости, то не принял его слова всерьез. А оказалось... Вот он, передо мной - майор с Золотой Звездой на груди. Такой же веселый, энергичный, как и раньше, по-юношески непоседливый. Только у этого "мальчишки" в густой шевелюре уже блестят серебром седые волосы...

Давно мы не виделись, о многом поговорить надо. Оказалось, что жена Анатолия, Тамара, служит вместе с ним инженером полка. За время войны мы привыкли видеть женщин в военной форме, но инженер истребительного авиационного полка... Нужно обладать незаурядным характером, знаниями, умением работать с людьми, чтобы успешно выполнять такие сложные обязанности. С одной стороны, можно было позавидовать Анатолию - воюют вдвоем с женой, почти всегда вместе. Но с другой стороны, непросто выдержать женщине такое - каждый день видеть, как он улетает на боевое задание. Ждать, волноваться, невольно думая о том, что любимый человек может не вернуться совсем, знать, сколько их не вернулось и уже никогда не вернутся из боя, видеть, как падают, взрываясь, самолеты, такие же, как тот, на котором улетел муж... Нет, поистине я восхищаюсь мужеством Тамары Кожевниковой.

Разговор наш перешел на дела военные. Прикидывали с Толей количество дней до реального конца войны. По всем признакам выходило немного. Берлин пал еще 2 мая, заканчиваются боевые действия на севере Германии, в Прибалтике. Сегодня, 8 мая, по сведениям, полученным из штаба дивизии для нанесения наземной обстановки на полетные карты, наши войска полностью освободили Дрезден.

- Кстати, о Дрездене, - сказал Кожевников, - я несколько раз летал в район города на задания и хорошо разглядел его. Знаешь, Василий, как разделали его наши союзники - живого места нет...

В те дни мы не знали подробностей этой варварской бомбардировки, не знали истинных намерений командования наших союзников, поэтому Анатолий не возмущался, но удивлению его не было предела.

- Я понимаю - идет война. Разрушения, как ты ни старайся, будут. Мы и сами, знаешь, штурмовали, бомбили, сжигали, но ведь по необходимости. А вспомни, как в Польше на картах специально отмечали: вот это не бомбить, это не штурмовать. Я как-то подошел к такому "серьезному" объекту. А это не больше не меньше, как обыкновенный старинный замок. Поначалу никак понять не мог, почему нельзя эти рыцарские гнезда бомбить? Оказывается, памятники древней культуры. Вот так...

Мне тоже вспомнился этот факт. Во время разведки нам

поручали специально отмечать подобные объекты. Больше того, сейчас при полетах в Чехословакию Военный совет фронта опять дал директиву - бережно относиться к сокровищам культуры и архитектуры.

- А в Дрездене камня на камне не осталось, - вздохнул Анатолий, его мучила судьба прекрасного города, он не мог понять американских и английских летчиков.

Я рассказал ему, как осенью прошлого года (полк базировался тогда на аэродроме Мелец, возле сандомирского плацдарма) мне позвонил командир дивизии:

- Шевчук, подними в воздух пару истребителей. К вашему аэродрому приближаются две американские "летающие крепости". Судя по всему, заблудились или еще что-то случилось. Пусть предложат им посадку на твоем аэродроме.

Действительно, с запада на небольшой высоте летели, скорее, даже плыли в воздухе два огромных бомбардировщика. К ним подошла пара истребителей капитана И. Клочко, которую я поднял по приказу комдива. Наши пилоты пригласили американцев следовать за собой. Один бомбардировщик сразу понял и начал разворачиваться к аэродрому. Экипаж второго Б-29 продолжал полет своим курсом. Но вот с него посыпались фигурки людей, забелели парашюты. Громадина "летающей крепости" пошла к земле и мощным взрывом закончила свое существование.

Первый же самолет благополучно совершил посадку на нашем аэродроме. Вскоре привезли и экипаж, который покинул свой Б-29. И хотя у нас знанием английского языка никто не отличался, гости тоже дальше восклицаний "О'кэй!", "Сталинград!" не ушли, но еще до прибытия переводчика мы прекрасно поняли друг друга. Авиационный язык жестов интернационален.

Американцы объяснили, что они долго летали, горючее подходило к концу, и хорошо, что им показали аэродром. Однако когда мы попытались выяснить, что произошло с самолетом, экипаж которого вынужден был выброситься на парашютах, взаимопонимания не достигли даже на авиационном языке. Только много позднее мы узнали, что экипаж покинул самолет, обрекая исправную дорогостоящую машину на гибель из-за того, что на ней стоял новый бомбардировочный прицел, секретами которого американцы не желали делиться со своими союзниками.

Но это было позже. А тогда, понятно, мы встретили американских авиаторов по всем законам русского гостеприимства. Как только из полка уехали многочисленные представители штаба фронта, воздушной армии, улетели

генералы Рязанов и Баранчук, мы по указанию начальства устроили для гостей товарищеский ужин. Ели американские летчики немного, но к водке проявили явно повышенный интерес. Естественно, что их жизнерадостность, улыбки, которые они щедро излучали уже в самый первый момент приземления после тяжелого и опасного полета, сейчас взрывались настоящим фейерверком.

Командование выделило нам переводчика, и разговор теперь шел вполне понятный для всех. Американцы рассыпались в комплиментах, любезностях, хвалили наших летчиков. Кстати, они хорошо знали фамилии советских асов Покрышкина, Кожедуба, Глинки, Луганского. Однако не забывали похвастаться и сами. Рассказывали, как они успешно бомбят немецкие города. "О, это зрелище! Пятьсот, тысяча "летающих крепостей" бросают фугаски, зажигалки - и все горит! Море огня!"

Веселые, общительные, разговорчивые эти американцы. Смелые, похоже, парни. А вот к войне, судя по разговорам, относятся как-то своеобразно: какой же восторг от пылающих в огне городов - ведь не театральное представление...

Не знаю, успели ли эти веселые ребята принять участие в февральских бомбардировках Дрездена или нет, но мой друг Анатолий Кожевников, который рассказал мне про разрушенный город, выслушав рассказ об американских летчиках, небрежно махнул рукой: "Тоже мне, вояки!"

Мне хотелось поговорить с Анатолием о его планах, как говорится, "на после войны", о наших командирских делах на сегодня и завтра. Но побеседовать не удалось: вызвал к телефону командир дивизии.

- Вот что, Василий Михайлович, держи своих ребят "на товсь!". Завтра, возможно, будет не совсем обычная работенка. Пока точно не знаю какая, но в любом случае будем менять "квартиру". Понял? Так что еще раз повторяю - "на товсь!".

Пришлось играть отбой, отдав предварительное распоряжение о подготовке полка к перебазированию. Куда, зачем - никто не спрашивал: привыкли менять "квартиры".

Ночью меня разбудила стрельба в леске, где располагались связисты. Я еще не успел связаться с оперативным дежурным, как выстрелы уже раздавались у наших казарм. Стреляли из пистолетов, автоматов, винтовок. Воздух освещали сигнальные ракеты. Дежурный срывающимся от волнения голосом доложил:

- Победа, товарищ гвардии майор... По-моему, и обеда!

Да, связисты первые получили сообщение, что в начале суток 9 мая подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Не без труда я дозвонился командиру дивизии. На удивление, голос генерала Баранчука был деловым и озабоченным.

- Поздравляю, тоже поздравляю, дорогой мой, только... - тут разговор прервался. Слышно было, как Баранчук отдает какие-то приказания. И снова мне: - Только учти, Василий Михайлович, для нас, судя по всему, День Победы еще не наступил. Личный состав поздравь, но никаких там тостов и прочего... Понял?

- Понял, товарищ генерал.

- Вот так, Шевчук, вот так, дорогой мой товарищ майор... Да, карты с районом Рудных гор, Праги есть?

- Получили и склеили уже, товарищ генерал.

- Ну и добро. Держать "на товсь!". Команда будет.

Я напомнил генералу Баранчуку о Николае Шутте, который ждал решения своей участи. Комдив, вздохнув сказал:

- Люблю я его, черта без тельняшки. Пусть летает. Но после войны я за него отвечать не буду...

А вокруг все смеялись, кричали. У кого еще остались патроны, стреляли в воздух. Много видел я счастливых, радостных людей, но такое огромное количество одновременно не приходилось...

Утром действительно поступил приказ, его передал но телефону сам Баранчук. Из состава полка нужно выделить группу самых опытных летчиков для вылета в район Праги. Комдив объяснил:

- Туда, на центральный аэродром, уже направляли два связных самолета. Ни один из них не вернулся. А танкисты по радио докладывают, что Прага освобождена. Приказано организовать разведку и разобраться. Пусть полетают над аэродромом, посмотрят. Немцев нет - кто-нибудь один пусть сядет. Остальным прикрыть сверху... Если все в порядке, всем полком перелетаешь туда. Понял?

- Так точно!

- Только без личной самодеятельности. С первой группой отправь комэска. Понадежней который. Да у тебя все орлы... Сам готовь полк к перелету. Все! Еще раз - с Победой!

Вскоре десятка истребителей во главе с Иваном Корниенко взяла курс на юг.

События первого дня мира развертывались все стремительнее. Я сидел у радиостанции и ждал доклада майора Корниенко. Летчики оставшихся двух эскадрилий - у самолетов, техники, личный состав БАО готовят хозяйство к переброске. Наконец приглушенный расстоянием голос Корниенко:

- "Шевченко"! "Шевченко"! Здесь все в порядке. В Праге -

наши! Идем домой. Мы тут чуть было в плен не попали...

Голос веселый, "все в порядке" и тут же - "чуть в плен не попали". Я сразу ничего и не понял. Все выяснилось после посадки самолетов группы Корниенко. Оказывается, аэродром, как и город, уже освобожден восставшими пражанами и вовремя подоспевшими советскими танкистами. Бои шли только на окраинах Праги. В городе ликование. Советским бойцам не дают прохода. Жители забрасывают их цветами, качают на руках. Два самолета с офицерами связи, о которых беспокоилось командование, оказались в настоящем плену - в плену у радостных жителей Праги. Офицерам даже не дали объяснить, зачем они прилетели в город. Та же участь могла постигнуть и летчиков Ивана Корниенко, на их счастье, рядом оказался чехословацкий офицер, авиатор, немного понимающий по-русски. Он понял важность задания и "освободил" летчиков.

Вскоре я повел полк на центральный аэродром Праги. Народу на нем было уже меньше, но восторга и ликования при нашем появлении не убавилось. Мне большого труда стоило организовать заправку самолетов. Мир миром, а приказ быть в боевой готовности остается в силе.

БАО и технический состав еще не перебазировались. С помощью чехословацких товарищей мы залили баки горючим. Боезапас на самолетах остался нетронутым. А вопрос с воздухом для зарядки систем оказался сложным. Резьба на штуцерах шлангов от баллонов со сжатым воздухом оказалась здесь другой. Но чехи быстро нашли мастера, перетащили баллоны в мастерскую при аэродроме, и резьба была подогнана.

Однако из "плена" мы все-таки не вырвались. Чехи, убедившись, что мы все привели в порядок, едва дали мне возможность оставить часового из молодых летчиков и, почти силой затолкав нас в автобус, увезли в город, повторяя при этом: "Войне конец, мир, победа..." В одной из лучших гостиниц нас разместили в отдельных номерах, приготовили горячий душ. Было и угощение: кружка пива и ломоть хлеба со смальцем. Хозяева виновато разводили руками - это все, что осталось от фашистов. Мы были рады и такому угощению: во-первых, все было подано от души, во-вторых, мы действительно проголодались. Улетели с аэродрома ранним утром, а прихватить с собой съестного не догадались... Но нужно возвращаться на аэродром: мы знали, что к северу от Праги все еще идут бои и наша помощь наземным войскам будет необходима.

Приехали на аэродром вовремя, туда прилетел генерал Баранчук. Он тоже настроен по-деловому:

- Нельзя нам пока праздновать. Все организовать, как на

войне: боевое дежурство, готовность и прочее.

Комдив оказался прав. В течение нескольких дней приходилось выполнять вылеты на разведку. Недобитые соединения генерала Шернера пытались прорваться на территорию англо-американских войск.

10 мая полку поручили ответственную задачу: встретить и оградить от любых неожиданностей с воздуха самолеты с правительством Чехословакии. Был отработан план взаимодействия с истребителями Александра Ивановича Покрышкина, которые сопровождали эти самолеты до Праги. Здесь их принимали мои летчики и в качестве почетного эскорта и охраны сопровождали до посадки.

На аэродроме был выстроен почетный караул, и прямо тут же состоялся многотысячный митинг. Как и вчера, все население Праги вышло на улицы города. Вокруг радостные возгласы: "Наздар!", "Да здравствует Красная Армия!", "Слава Советской России!". Всюду лозунги, флаги, цветы, необычайно много цветов.

До сих пор мы не видели, не ощущали в полной мере радость людей в момент их освобождения. Аэродромы не могли успеть за наземными войсками. В Праге нам это довелось. Мы приземлились на центральном аэродроме города вскоре после подхода туда советских танков и стали свидетелями праздника освобождения братьев-чехословаков. Так на всю жизнь в нашей памяти День Победы остался окрашенным яркими красками освобожденной Праги.

Примечания

{1} Командиру авиационного штурмового полка майору Евгению Викторовичу Шутту посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

{2} Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. М., 1975, с. 263.

{3} "Правда", 1942, 10 окт.

{4} "В разное время фронт этот именовался по-разному: то Резервным (с 10 по 15 апреля), то Степным военным округом, то, наконец, Стенным фронтом (с 9 июля по 20 октября)". - Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. М., 1975, с. 217.

{5} Центральный архив Министерства обороны СССР, ф. 1 гв. шак, оп. 210122, д,3, л. 64 (далее - ЦАМО).

{6} ЦАМО, ф. 1 гв. шак., оп. 210122, д. 3, л. 82.

{7} 20 октября 1943 года войска Центрального, Стенного, Юго-Западного и Южного фронтов были соответственно переименованы в 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты.

{8} Подтверждение этого есть в воспоминаниях члена Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковника К.

Крайнюкова, опубликованных в "Военно-историческом журнале" № 7 за 1969 г.: "Советские войска спасли от фашистских извергов много исторических памятников Польши. Наши разведчики обозначали на картах и объекты культуры: исторические и архитектурные памятники, музеи, картинные галереи, которые необходимо было сохранить. Где, в какой армии мира на военные карты наносились объекты, подлежащие спасению?"

{9} Итоги второй мировой войны. М., 1957, с. 206.

{10} Конев И. С. Сорок пятый. М., 1966, с. 176.